Н. ГОРОДЕЦКАЯ

НЕСКВОЗНАЯ НИТЬ

ПАРИЖЪ
1929

НЕСКВОЗНАЯ НИТЬ

Н. ГОРОДЕЦКАЯ

НЕСКВОЗНАЯ НИТЬ

РОМАНЪ

—

ПАРИЖЪ
1929

Часть первая.

НЕВѢСТКА

I

Странная жизнь, начавшаяся для Вѣры послѣ переселенія на хуторъ, приняла съ отъѣздомъ на фронтъ Андрея Ильича характеръ полнаго неправдоподобія.

Вѣра еще не успѣла привыкнуть къ мужу и, оставшись одна, почувствовала себя легко и дѣвически безмятежно. Само собою наладилось, что живетъ она особо отъ всей семьи, встаетъ не раньше семи — случалось, всѣ уже были на полѣ — отдѣльно ѣстъ, ходитъ купаться или въ городъ, то на почту, то въ библіотеку.

По началу Вѣра пыталась помогать въ домѣ, — но не умѣла замазать земляного пола, боялась сунуть молоко въ русскую печь, не переносила запаха полыни, которую отъ блохъ и въ видѣ украшенія разбрасывали по полу. Однажды она начисто вымела дворъ и даже развела метлой узоры, какъ это дѣлалъ когда то ихъ дворникъ, но свекоръ заворчалъ, что этакъ и птицѣ поклевать нечего. Свекровь вступилась за нее:

— Оставь, видишь, бабочка старается.

Вѣра спряталась за огородъ, туда, гдѣ тѣсно росли нѣсколько березъ, а въ сторонѣ отъ нихъ тянулся одинокій тополь, — и расплакалась отъ обиды, злобы и стыда. Мысленно она повторяла:

— Бабочка!

Она, Вѣра Бѣлянкина, живетъ въ избѣ, деревенскія бабы говорятъ ей ты, а старуха называетъ «невисточка наша». Какъ смѣлъ Андрей ничего не сказать ей!

Вѣра снова мучительно вспомнила день ихъ пріѣзда, дождь, черноземную грязь, въ которой хлипко вязла подвода, бѣлую хату, выскочившихъ навстрѣчу дѣвченокъ, бабъ и черноброваго мужика, о которомъ невольно и смѣшливо она подумала: beau-frère. Негдѣ было ни вымыться, ни переодѣться съ дороги. Имъ подали закусить: на кухонномъ столѣ выложили двѣ краюхи чернаго хлѣба, а въ полоскательную чашку набросали редиски и залили сметаной. Ѣли ложками, и Андрей крошилъ въ миску хлѣбъ. Послѣ кіевскихъ голодовокъ деревня поражала изобиліемъ.

Однако свекровь приговаривала:

— Кушайте, угостить-то какъ слѣдуетъ не можемъ. Войска много бѣды учинили: корову свели, двухъ лошадей, зерна сколько поувозили. Подумай, Ондрюша, развѣ колись бувало, щобъ у насъ до посѣва нехватки.

Вѣрѣ вспомнилось, какъ поразилъ ее смѣшанный хохлацкій и простонародный русскій говоръ, и какъ потомъ она вышла во фруктовый садъ, подальше отъ дома. Дождь прекратился; черными, пористыми комьями разворочена была земля, вольная влага обняла тѣло. Въ солнечномъ лучѣ листья отливали свѣжимъ лакомъ. Вѣра сорвала вѣтку вишни. Крупныя капли осыпали ея голову и плечи. Цвѣты съ красной сѣтью жилокъ были мокры и походили на крылья бабочекъ со стершейся пыльцой. Въ эту минуту Вѣра подумала, что она связана съ чужимъ человѣкомъ, что никогда не вернется прежняя обстановка, что жизнь ея кончена.

Въ тотъ же вечеръ она узнала, что старая связь и ребенокъ — въ этомъ, вскользъ, признавался ей Андрей — были въ дѣйствительности законнымъ бракомъ и законной дочерью. Онъ увѣрялъ, что разведенъ. Но теперь уже все вызывало сомнѣніе, а родителямъ его разводъ казался дѣломъ непонятнымъ. И выходило, что у средняго сына двѣ жены.

Черезъ недѣлю, безъ боя, въ городъ вошла бѣлая армія. Андрей Ильичъ явился коменданту и былъ отправленъ на царицынскій фронтъ. Наканунѣ ушелъ и чернобровый братъ его, но — по убѣжденію — съ красными, а родителямъ подбросилъ жену и четверыхъ ребятъ. Мужчинъ въ семьѣ только и осталось, что старикъ да тринадцатилѣтній Онуфрій.

Старшая невѣстка, Грипа, была красива, болѣзненна и зла. Не проходило дня, чтобы она не вмѣшалась во что нибудь въ домѣ и, найдя однажды вѣрину институтскую фотографію, нарочно отдала ее поиграть младшей дочери, которая тутъ же ее изломала.

Случалось, что Вѣра подсаживалась къ женщинамъ и помогала имъ чистить картошку. Пальцы ея сразу чернѣли, и Грипа, хвастливо вытягивая свои заскорузлыя руки, замѣчала:

— Ишь, билоручка.

— Не всѣмъ же отъ горшка родиться, какъ то за Вѣру отвѣтила ей свекровь.

Въ хатѣ было тѣсно и душно. Вѣра перебралась въ амбаръ; тамъ же ночевалъ Онуфрій, съ ранняго утра выгонявшій коровъ и Маруся, какъ двѣ капли воды схожая съ Андреемъ.

Маруся приминала солому, укладывалась и спрашивала:

— Кого бъ це увидѣть во сни?

Но видѣть ей было еще некого, да и сонъ немедленно охватывалъ натомившееся за день отъ работы и зноя нескладное, сильное тѣло.

Вѣра засыпала не сразу. Щели свѣтились голубымъ, воздухъ былъ чуть влаженъ, изъ лѣсу доносилось грустное и музыкальное гудѣніе лягушекъ:

— У-у, у-у.

Потомъ слышался голосъ дурачка Ѳедора, лучшаго пѣвца на селѣ. Выйдя на желѣзнодорожную насыпь, онъ заводилъ высоко и нѣжно:

Плыве чо-о-о-овенъ...

Изъ разныхъ концовъ села, постепенно сближаясь, отзывались густые дѣвичьи голоса. Когда они сходились, Ѳедоръ заливчато начиналъ:

Ой, яблочко, куды котишься?

Дѣвушки и парубки шаловливо подхватывали:

Ой, мамочка, замужъ хочется.

Уже послѣ многихъ куплетовъ негромко, медленно и какъ будто убѣжденно, голоса выговаривали:

А кадетская власть провалилася.

Вѣра пряталась въ подушку, прижималась лбомъ къ грубому холсту и плакала. Несмотря на то, что она читала

въ городѣ всѣ сообщенія и слѣдила по картѣ Освага за продвиженіемъ арміи, казалось, что это пророчество относится къ ней, что Андрея отрѣжутъ, что и домой вернуться будетъ невозможно.

Домъ! Въ сущности, дома уже не было. Отецъ остался въ Петроградѣ, братъ убитъ, а мать — какая она защита, сама растерявшаяся, неумѣющая справиться даже съ хозяйствомъ, — мать, которая могла допустить это неосмотрительное замужество. Особенное раздраженіе вызывали встающіе въ памяти пепельные, разсыпавшіеся волосы и капризно падающая рука съ лорнетомъ.

Во время одного изъ обстрѣловъ, когда всѣ жильцы прятались въ подвалѣ, Андрей Ильичъ заглянулъ къ нимъ, подразнилъ ихъ кротами и крысами и началъ бѣгать взадъ и впередъ, таская воду, посуду, продукты. Поставилъ тутъ же самоваръ, начадилъ на весь подвалъ, потомъ усѣлся на бочкѣ и потребовалъ, чтобы дамы поили его чаемъ. Онъ былъ въ студенческой формѣ, но Вѣрѣ и ея матери открылъ, что онъ — офицеръ. Больше его ни о чемъ не разспрашивали. Знакомыхъ въ этотъ періодъ почти не было. Мужчины гдѣ то дрались и куда то прятались, но жить безъ защитника становилось все труднѣе и страшнѣе. Черезъ два мѣсяца, подъ угрозой голода и всеобщей мобилизаціи, молодые начали пробираться сюда, на хуторъ...

Нѣтъ, нѣтъ, хотя бы изъ гордости нельзя возвращаться къ матери. Да и что ждетъ въ Кіевѣ? Недоѣданіе? Поиски работы? Отъ чувства матеріальной безпомощности возникала еще болѣе острая обида на мужа.

II

Ночью отелилась Машка, строгая рыжая корова, подпускавшая къ себѣ только старую хозяйку, да и то не иначе, какъ въ красномъ платкѣ. Шмыгали бабы, слышалось надрывное, потужное мычаніе, желтая полоса фонаря металась по двору. Теленка сразу отдѣлили отъ матери, и утромъ Вѣра нашла его въ маленькомъ сараѣ, за свинымъ закутомъ. Былъ онъ мягкій, веселый и растерянный; совался головой въ животъ и неумѣло сосалъ изъ бутылки, дергая головою такъ, что молоко стекало у него по мордѣ жидкой, неровной бородой.

— Какой прелестный, сказала Вѣра.

— Бычекъ, Гришка, замѣтилъ свекоръ, и нельзя было понять по его ласковому и ироническому тону, доволенъ онъ или разочарованъ.

— Вотъ мы его тебѣ, Вѣруша, и подаримъ на обзаведеніе хозяйства.

Вѣра хотѣла поцѣловать свекровь и смутилась проявить непринятую здѣсь нѣжность. Опять чувство обиды поднялось въ ней. На что ей этотъ быкъ? — развѣ что выѣзжать на немъ.

Теленокъ причмокивалъ и, не желая выпускать соску, поглядывалъ на людей и косился, такъ что проступало голубое глазное яблоко.

Днемъ зашелъ сосѣдъ, похвалилъ бычка, съѣлъ блюдце запеченнаго молозива и сообщилъ, что идутъ на нихъ какія то волчьи шкуры.

— Да это генералъ Шкуро, отрядъ его такъ называется — волчья сотня.

Мужчины посмотрѣли не на Вѣру, а сверхъ нее, какъ если бы вдругъ заговорила муха на стѣнѣ.

— Что-й то будетъ?

— То буде — холера. По селамъ ужъ якись паны издятъ, кидаютъ іи по колодцамъ.

— Та то, говорятъ, не паны, а махновцы.

— Кто ихъ разберетъ! Все одно, паны зроблютъ по своему. Пивторацкая такъ уже грозилась дяденьку Трифона выдрать.

— Жаль, что не выдрала, чуть не сказала Вѣра и ушла въ свой амбаръ. Слезъ не было, — одна только безпомощная, мутная ненависть. Какъ сказать имъ, развѣ можно имъ что нибудь объяснить, когда ее даже не слушаютъ? Вѣра сознавала, что даже если бы ее и слушали, объяснить невозможно, что и сама она ничего не понимаетъ, что тутъ есть только довѣріе и чувство, — инстинктивное, кровное тяготѣніе или отталкиваніе.

Двери амбара были раскрыты и отражались на полу золотымъ квадратомъ, въ которомъ легко и медленно проплывали пылинки. Мѣстами колосъ загорался подъ узкой щелью, а наверху ласточки свили гнѣздо и, сидя на его краю, цѣпко цѣловались клювами и потомъ одна изъ нихъ отлетала и кружилась по амбару, то пропадая въ тѣни, то сверкая бѣлой грудкой въ солнечномъ свѣтѣ.

Свекровь заглянула въ дверь.

— Вѣра, дивчата въ городъ идутъ: біоскопъ тамъ сегодня играе. Ты бы пошла?

— Нѣтъ, спасибо, не хочется.

Вѣра никакъ не могла найти обращенія къ свекрови. Назвать ее мамой — не поворачивался языкъ, называть же

Анной Трофимовной или просто Трофимовной, какъ Грипа, было неловко.

— Пойди, дочка. Ты не огорчайся, ты на нихъ, на мужиковъ, не смотри: они не со зла.

Вбѣжала Маруся. Она была возбуждена и предстоящей прогулкой, и неумѣло загофрированными волосами, которые она подъ платкомъ прятала отъ матери. Вошла и Грипа.

— Що, не хочетъ наша дамочка съ нами?

Вѣра взглянула на свекровь и вдругъ, повинуясь какому то внезапному, безмолвному соглашенію съ ней, весело сказала:

— Какъ не хочу? Мнѣ только голову повязать нечѣмъ.

Грипа великодушно предложила свою косынку.

Пришли рано, бродили по городскому саду, разглядывали народъ. Публика была сѣрая — провинціальныя малорусскія фигуры, простоватое офицерство. Въ толпѣ Вѣра отличила два-три тонкихъ лица. Только теперь, при видѣ этой массы новопроизведенныхъ офицеровъ — и даже ужъ не изъ студентовъ, — Вѣра поняла, что прошла опустошительная война, скрытая институтскими стѣнами и отмѣченная до сихъ поръ только гибелью брата.

Кинематографъ былъ въ саду, и по аллеѣ уже загорались неяркія лампочки и китайскіе фонарики, напоминавшіе своимъ наивнымъ свѣтомъ сѣверныя дачныя мѣста съ любительскими спектаклями, съ иллюминаціей.

Несмотря на косынку, Вѣра выдѣлялась бѣлымъ платьемъ и тонкой фигурой среди длиннокосыхъ дивчатъ съ крѣпкими боками и тугими цвѣтными кофтами, обшитыми бѣлымъ кружевцемъ. Высокій, сѣроглазый капитанъ въ си-

немъ френчѣ указалъ на нее сосѣду, и Вѣра замѣтила его недоумѣнный кивокъ. Она сидѣла, не оборачиваясь, но угадывала на своемъ затылкѣ, шеѣ и плечахъ пристальный взглядъ. Тревога поднималась въ ней. Хотѣлось вниманія, изысканныхъ словъ, хотѣлось приблизиться къ чьимъ то глазамъ своими, отвѣтить на рукопожатіе. Этотъ капитанъ — человѣкъ ея общества — и она сидитъ здѣсь, на дешевыхъ мѣстахъ, онъ смѣшиваетъ ее съ деревенскими бабами. Какъ показать ему, что это именно она, Вѣра, — какъ сдѣлать, чтобы онъ узналъ ея исторію, — онъ пойметъ и, можетъ быть, спасетъ ее, увезетъ изъ этого села, отъ этихъ людей.

Грипа поводила плечами, ахала, вслухъ разбирала надписи, и горячіе, влажные глаза ея нѣтъ-нѣтъ да сверкали по сторонамъ, словно кого то отыскивая.

— Ишь, какъ на васъ офицеръ смотритъ.

Она подтолкнула Вѣру локтемъ, и что то похотливое мелькнуло въ ея жестѣ, въ усмѣшкѣ, въ томъ, какъ она быстро облизала потрескавшіяся губы.

Вѣра выпрямилась, вспыхнула.

— Глупости какія!

Нѣтъ, слава Богу, что никто не знаетъ ея бѣды. Слишкомъ было бы унизительно. Она должна втайнѣ вынести боль отъ своей ошибки. Что же дѣлать, — вѣдь и бѣдный Андрей не виноватъ, онъ не могъ знать, что это окажется для нея такимъ важнымъ; онъ такъ любитъ, такъ гордится ею.

На перевозѣ долго не могли добудиться уснувшаго въ шалашѣ мальчишки. Наконецъ онъ вылѣзъ, его бѣлая рубаха мутно зашевелилась на берегу, стукнули весла; лодка

стала понемногу приближаться, и отъ легкаго всплеска веселъ мелкія, длинныя морщины побѣжали по тихой и темной рѣкѣ.

III

Павелъ Хвиря былъ назначенъ писаремъ при Комендантскомъ Управленіи и командированъ на нѣсколько дней въ Ростовъ. Вернувшись, онъ зашелъ къ теткѣ, подарилъ кусокъ ситцу, вымѣнянный на сахаръ, и разговорился. Такъ какъ въ домѣ варили самогонъ, Грипа увела дѣтей на поле, двери были заперты, и Павла оставили на кухнѣ. Тутъ же сидѣла и Вѣра, вдыхая хмельной запахъ хлѣба, картошки и сахара, съ интересомъ слѣдя за стекающими каплями.

Павелъ провелъ три года въ германскомъ плѣну и вернулся отравленный чужой культурой, опрятными жилищами, планомѣрнымъ хозяйствомъ. Онъ недурно изучилъ языкъ, и въ разговорѣ щеголялъ нѣмецкими фразами.

— Ну, що у Ростову? Бачилъ кого изъ нашихъ?

— Какъ же, Елену Семеновну встрѣтилъ, отвѣтилъ Павелъ и осѣкся.

— Да ты говори, Вѣра знаетъ.

Оказалось, что Павелъ встрѣтилъ первую жену Андрея Ильича. Она преподавала въ городской школѣ, а дочь отправила къ своимъ родителямъ.

Анна Трофимовна закручинилась:

— Ось це бидно дите! Какъ живетъ — ни батька, ни матери. А умненькое жъ. Ей ще трехъ годковъ не було, сидитъ, дивится на свои ножки — нѣту, каже, папы — туфелекъ нѣту.

Павелъ заговорилъ о мѣшечникахъ, объ арміи. Вѣра смотрѣла на него съ благодарностью. Здѣсь онъ былъ самый близкій ей, почти интеллигентный человѣкъ и единомышленникъ — сознательный сторонникъ бѣлыхъ.

Когда Павелъ ушелъ, свекровь опять вспомнила внучку.

— Если мы съ Андреемъ устроимся, я ее возьму къ себѣ. Какъ вы думаете, дастъ ее мать?

— А ще какъ! Така, прости Боже, шлендра. Да только вы же молодые, у васъ у самихъ диты будутъ.

— Что же, дѣвочка вѣдь не виновата.

Свекровь подошла къ Вѣрѣ, посмотрѣла прямо въ лицо ея выцвѣтшими карими глазами и спросила.

— Вѣрушка, да неужто жъ онъ не признался тебѣ?

— Правда-правда, я ничего не знала, сказала Вѣра и заплакала.

Свекровь обняла ее, погладила по головѣ.

— Дурятъ они, мужики, нашу сестру.

Чтобы разсѣяться, Вѣра пошла въ библіотеку. До города было три версты, дорога изъ лѣсу выводила къ Донцу и лежала берегомъ. Было жарко, мягкій бѣлый песокъ слѣпилъ глаза и насыпался въ туфли, на рѣкѣ съ утра до вечера звенѣли голоса купающихся.

Немолодая барышня-библіотекарша посмотрѣла на Вѣру поверхъ очковъ:

— Вамъ вѣдь французскую?

— Пожалуйста, если есть что нибудь свободное.

— Да у меня ихъ только и берутъ, что вы, да помѣщица тутъ одна, да двое офицеровъ. Какъ разъ сегодня капитанъ вернулъ одинъ романъ. Хотите?

Это былъ Бурже — «Переломъ».

Вѣра очень заторопилась. Выйдя на улицу, оглянувшись, какъ будто она дѣлала что то предосудительное, она начала разсматривать книгу. Листы были новенькіе, чистые — никакихъ помѣтокъ она не находила... Капитанъ. Конечно, это тотъ самый. И они могли встрѣтиться въ библіотекѣ!

Въ необъяснимомъ подъемѣ шла она обратно. Оглянулась, — и, хотя кругомъ были люди, запѣла — впервые на Дибривѣ. Вѣра, славившаяся своимъ голосомъ на всѣ петроградскіе институты, любившая и понимавшая пѣніе, съ замужествомъ почти отказалась отъ него.

Захотѣлось выкупаться. Вѣра выбрала безлюдное мѣсто и собралась раздѣваться. Изъ за кустовъ показалось молодое женское лицо.

— Я вамъ не помѣшаю? Тамъ всюду очень много народу.

Онѣ разулись, сбросили платья; въ невольномъ, безсознательномъ соперничествѣ осмотрѣли тѣла другъ друга и, скользя по травѣ, подошли къ рѣкѣ и смочили головы.

— Я не умѣю плавать, сказала Вѣра.

— Я тоже.

Онѣ вошли въ воду и начали присѣдать и разводить по водѣ руками, какъ если бы онѣ плавали.

— Давайте возьмемся за руки.

— Разъ два - три.

Онѣ разомъ опустились и вскочили, борясь съ теченіемъ. По розовымъ тѣламъ стекали сверкающія капли. На другомъ берегу стадо спускалось на водопой, и Вѣра, сама не зная почему, обрадовалась замѣченному вдругъ раз-

нообразію красокъ неба, деревьевъ, песчаной отмели, этихъ животныхъ. Клонящееся къ закату солнце обильно разсыпалось по рѣкѣ, мѣшаясь съ зеленой и синей рябью и, казалось, если окунешься въ его пятна, позолота останется на плечахъ.

Вѣра торопилась до темна пройти черезъ лѣсъ. Вдали сѣтовала кукушка, на узкой тропѣ цѣплялся шиповникъ, и къ запаху мха присоединялся ароматъ медуницы и какихъ то невѣдомыхъ Вѣрѣ цвѣтовъ.

Около насыпи сидѣла Грипа и перевязывала платокъ. Ея лицо, при видѣ Вѣры, вспыхнуло и поблѣднѣло такъ, что видно было даже въ сумеркахъ.

— Голова болитъ, дома горилкой воняетъ, неувѣренно сказала она и поднялась съ земли. Но по быстрому движенію, которымъ она, вставая, одернулась и оглядѣла себя, Вѣра почувствовала, что Грипа лжетъ и что была она здѣсь не одна.

Ночь была жаркая, холстъ щекоталъ кожу, душно пахло пылью и соломой. Маруся храпѣла, за селомъ лягушки заглушали пѣсни дивчатъ, — и сѣроглазый капитанъ обнималъ Вѣру тѣмъ самымъ объятіемъ и съ тѣми самыми словами, какъ это дѣлалъ Андрей, отъ котораго въ тотъ вечеръ пришло ничего не говорящее, короткое письмо.

IV

Книга захватила Вѣру — можетъ быть, потому, что совпала съ ея собственными переживаніями. Вѣра долго читала въ амбарѣ, потомъ перебралась въ свой любимый уголъ за огородомъ. Было знойно и очень тихо. Неподвиж-

ныя тѣни березъ смыкались общей шапкой; на раскрытыхъ страницахъ пятна свѣта перемежались съ четкимъ узоромъ листьевъ, — и порою, когда Вѣра отрывалась отъ книги, ее поражала жаркая тишина, въ которой самый воздухъ казался зеленымъ, и только настойчивое жужжаніе одинокой, крупной мухи прорѣзало всеобщее безмолвіе.

Какъ вѣрно было все въ романѣ — метанія неуравновѣшеннаго, лишеннаго почвы и среды человѣка, — и примиреніе въ чистомъ, разумномъ бракѣ и религіи.

— Да, да, взволнованно повторяла Вѣра — иначе и не должно, и не можетъ быть. Конечно, родители должны руководить бракомъ, охранять дѣтей отъ ошибокъ на всю жизнь.

Снова горько вспомнилась мать; представились грядущіе годы невѣроятной, безполезной жизни на хуторѣ. О разводѣ Вѣра никогда не думала. Большой любви къ мужу у нея не было, — но вѣдь онъ былъ мужъ.

Послышался топотъ, и Гришка выскочилъ на огородъ. Тоненькая веревка, которой онъ гдѣ то былъ привязанъ, болталась по землѣ. Увидѣвъ Вѣру, онъ остановился, разставивъ ноги, опустилъ голову, медленно направился къ ней и вдругъ, не дойдя, подпрыгнулъ, закружился и поскакалъ, задравъ хвостъ и разбрасывая ноги.

Вѣра засмѣялась — вотъ ужъ поистинѣ телячій восторгъ!

Она побѣжала за бычкомъ, который далъ себя поймать и привязать, нарвала травы и стала кормить его изъ своихъ рукъ. Гришка еще не очень хорошо умѣлъ ѣсть: пожевавъ и обсосавъ, онъ выбрасывалъ, и только клубничные листья ему нравились.

Анна Трофимовна въ бѣлой рубахѣ и опущенномъ на глаза платкѣ шла по огороду.

— Ишь, куды забѣгъ, подлюка.

Гришка и передъ ней попрыгалъ, чувствуя, что сердятся на него не въ серьезъ.

— Пойди, Вѣра, я тамъ тебѣ варенниковъ приготовила.

Свекровь не любила кормить Вѣру въ одно время со всѣми и, если успѣвала, даже и готовила для нея отдѣльно, что нибудь повкуснѣе.

Вѣра быстро поѣла и ушла дочитывать романъ. Но вдругъ затосковала, вытащила чемоданъ изъ подъ сооруженія, замѣнявшаго ей кровать, и начала разсматривать уцѣлѣвшій альбомъ со стихами и карточки.

Павелъ, разыскивая тетку, заглянулъ въ амбаръ, да такъ и остался. Для практики, онъ говорилъ съ Вѣрой по нѣмецки. Взялъ фотографію.

— Это кто же?

— Покойный братъ. А это — отецъ, это выпускная группа. А тутъ я въ послѣднемъ классѣ.

Павелъ долго разсматривалъ дѣвичью головку съ заложенными вокругъ косами, парадную пелеринку, длинныя лайковыя перчатки.

Лицо его горѣло. И у Вѣры кровь начала приливать къ щекамъ. Оттого, что они говорили на никому кромѣ нихъ непонятномъ языкѣ, возникало неловкое чувство сообщничества, тайны между ними.

— И послѣ такой жизни попасть на Дибриву! воскликнулъ Павелъ и, не глядя, сунулъ внизъ попавшуюся подъ руку карточку Андрея Ильича. Почти строго онъ спросилъ:

— А это что?

— Это нашъ домъ, въ имѣніи.

По неизъяснимой стыдливости, Вѣра скрывала, что у родителей ея было въ Виленской губерніи имѣніе.

Вошла Грипа, подозрительно осмотрѣла ихъ. Вѣра поймала ея взглядъ и вспыхнула еще больше. Что она подумала! Вѣдь онъ же солдатъ. Тутъ же, на зло самой себѣ, сказала:

— Что же, — родственникъ моего мужа, мое общество.

Грипа теперь почти не работала на полѣ, зато ежедневно носила на базаръ молоко и, тайкомъ, торговала самогономъ. Деньги отдавала не всѣ: копила дѣтямъ на сапожки, да и себѣ не отказала въ новыхъ бусахъ. Въ противоположность сложившемуся у Вѣры, какъ и у всѣхъ городскихъ жителей во времена революціи, убѣжденію, денегъ въ деревнѣ было мало.

Поздно вечеромъ Павелъ забрелъ опять, повертѣлся, что то бормоча, по двору и вдругъ, крѣпко выругавшись, ушелъ.

— Выпилъ мальчикъ, усмѣхнувшись, сказала Анна Трофимовна.

V

По воскресеньямъ Вѣра не находила себѣ мѣста. Свекоръ, обычно встававшій до свѣта и возвращавшійся только передъ сномъ, сидѣлъ дома въ праздничной синей рубахѣ, строго соблюдая день отдыха.

— Сбѣгай, дочка, принеси тамъ изъ за иконы махорки.

Приходили сосѣди; бабы, всѣ ставшія солдатками, шушукались съ Грипой, разсказывали, какъ во снѣ цѣловались

съ мужьями; старухи садились въ кружокъ подъ дубомъ, у колодца, искали другъ у друга и жаловались на дурныя предзнаменованія: дѣти роютъ окопы, таскаютъ хлѣбъ, жадничаютъ безъ мѣры — къ войнѣ, къ голоду.

Подъ впечатлѣніемъ романа Бурже Вѣра упрекнула себя въ нерадѣніи и рѣшила чаще ходить въ церковь. До города было далеко, а церковь сосѣдняго села съ озлобленнымъ рыжимъ священникомъ, съ лубочными образами, съ запахомъ смазныхъ сапогъ и новаго кумача не давала никакого удовлетворенія. Какъ бы она ни одѣвалась, ее всегда замѣчали, оборачивались:

— Чія це дамочка?

— Бондаренкова невистка.

На Успенье былъ храмовой праздникъ въ Святогорскомъ монастырѣ, и въ былое время туда отправлялась на богомолье вся округа. Анна Трофимовна хотѣла пойти и въ этомъ году — помолиться за сыновей. Вѣра упросила взять ее съ собою. Грипа сказала со злобой:

— Кому и идти: ни дѣтей, ни хозяйства.

Свекоръ махалъ рукой — бабьи затѣи. Въ прежнія времена ходилъ онъ въ положенные дни въ церковь, соблюдалъ посты — но послѣ революціи, когда кто то сказалъ, что Бога нѣтъ, онъ легко этому повѣрилъ. Это было такъ же невѣроятно и возможно, какъ то, что нѣту царя, а вмѣсто земскаго сидитъ Оська Капусникъ, разгульный парень изъ Копыловки. Однако, мальчишка, купавшійся послѣ Ильина дня, — когда святой воду испортитъ, — покрылся паршой, а сосѣдъ, рубившій въ воскресенье дрова, оттяпалъ палецъ. И потому старикъ не мѣшалъ бабамъ, только не далъ денегъ, и Вѣра обѣщала взять расходы на себя.

Подъ вечеръ, во дворѣ, Вѣра набрела на стариковъ. Они сидѣли рядомъ на бревнѣ и о чемъ то тихо совѣщались. Вѣра видѣла ихъ вмѣстѣ впервые. Эти люди, прожившіе столько лѣтъ бокъ о бокъ, народившіе дѣтей, взростившіе внуковъ, никогда другъ съ другомъ не разговаривали. Однако въ домѣ все шло складно, по какимъ то издавна заведеннымъ правиламъ, и старики казались дружными. Невольно вспомнилась Вѣрѣ родная семья, совмѣстные выѣзды, обѣды преобладающая французская рѣчь.

— Gardez vous la voiture? Cù dois-je vous retrouvez?

И въ то же время раздѣленность всѣхъ членовъ семьи, то самое отсутствіе взаимной заботливости и откровенности, которое привело Вѣру къ ея замужеству.

Съ вечера богомолки со всѣми простились, мать наказала Марусѣ не баловаться, поцѣловала кроткаго Онуфрія, за котораго особенно болѣло ея сердце. Этому послѣднему сыну не удалось дать образованія, и вся жизнь его ограничивалась пока что уходомъ за скотиной, а въ будущемъ — безпросвѣтнымъ крестьянскимъ трудомъ.

Вышли на зарѣ, когда роса еще обильно холодитъ ноги, и поля задумчивы и сѣры. Ихъ было шестеро, и котомки за плечами, длинныя палки и холщевыя рубахи придавали всѣмъ странное сходство безличія. Анна Трофимовна несла въ даръ монастырю трехъ гусаковъ, и въ пути имъ пришлось останавливаться, чтобы пасти и поить птицу. Къ полудню, къ знойнымъ часамъ старались добраться до лѣсу, закусить въ тѣни и переспать часокъ - другой. И снова вставали, и шли, мало разговаривая, отдаваясь бездумному движенію, въ которомъ, помимо воли, сами собой откладываются въ душу впечатлѣнія. Анна Трофимовна, всегда по старчески мало спавшая, сторо-

жила костеръ. Вѣрѣ тоже не спалось. Она засмотрѣлась на круглую поляну, залитую призрачнымъ, русалочьимъ луннымъ свѣтомъ и какъ бы отдѣленную отъ жизни высокой изгородью деревьевъ. Было тихо. Не кричала даже сова, и только необъяснимый лѣсной хрустъ раздавался по временамъ. Гуси проснулись, чѣмъ то испуганные, закричали и снова смолкли. Ночная влага осѣдала на волосахъ, на одеждѣ. Было немного жутко, и необыкновенно радостно, какъ въ дѣтствѣ, у заутрени, когда кажется, что только теперь, вмѣстѣ съ невидимымъ, но несомнѣннымъ чудомъ, начинается настоящая жизнь.

— Я лягу, мама, — сказала Вѣра, простилая широкій шерстяной платокъ, умиленная собственной радостью и повинуясь желанію лишній разъ произнести милое слово, она повторила:

— Мама, спокойной ночи.

Теперь нерѣдко Анна Трофимовна разсказывала объ Андреѣ — какой онъ былъ тихій мальчикъ, какъ не ложился спать, если сапожковъ не почиститъ, какъ читалъ по ночамъ и какъ все чему то учился, и строилъ, и бѣгалъ на станцію, крутился около механиковъ; рано сталъ зарабатывать и пошелъ учиться въ политехникумъ. И Вѣра, слушая, словно впервые знакомилась съ мужемъ и съ удивленіемъ замѣчала, что начинаетъ любить его.

Въ деревняхъ ихъ встрѣчали добродушно, денегъ съ нихъ не брали, пускали ночевать на сѣновалъ. Вѣра, загорѣвшая, съ обвѣтренными, хотя все еще нѣжными, руками радовалась, что ее не выдѣляютъ изъ толпы. Въ пути къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ, и какой-то

непрестанно кашлявшій, угрюмый старикъ одиноко брелъ за ними.

На одномъ изъ приваловъ разговорились. Молодая, блѣдная баба, сѣверянка, съ несходившимъ съ курносаго лица выраженіемъ тихаго блаженства, странная, забывавшая объ ѣдѣ, плохо помнившая названіе своего села, говорила о святыхъ мѣстахъ подробно, съ любовью, словно о единственно родномъ домѣ. Въ мѣстномъ монастырѣ она уже бывала.

— Милыя, ежели ѣхать по Донцу лодкой, есть тамъ мѣсто одно — съ версту почитай — рѣка тамъ узкая, деревья съ двухъ сторонъ. Вѣтки — ну - прямо шатромъ сплетаются. Тишь, тепло, — такое ему и имячко: святое мѣсто.

— Враки все это, — сказала вдругъ сухонькая старуха: — Мнѣ вотъ разсказывали, какъ монахиня у монаха въ кельѣ родила — тоже богомолку одну, старуху, принимать заставилъ. А потомъ ребеночка въ мѣшокъ, да вѣрно кудысь и забросилъ. А старухѣ — убью, говоритъ, если разболтаешь. Ну, а та, для правды и не смолчала... Глаза-бъ мои не глядѣли!

— Такъ вы зачѣмъ же, бабушка, идете, коли это правда? — не удержалась Вѣра.

— Эхъ, мать, — замѣтила Анна Трофимовна: — ну пусть монахъ одинъ согрѣшилъ — человѣкъ вѣдь тоже, не ангелъ, — а ты, можетъ, цѣлую вѣру въ комъ смущаешь.

, Идти становилось все труднѣе. По пути встрѣчались войска, какое то село горѣло, нѣсколько разъ у нихъ спрашивали бумаги и ругали шпіонами и большевиками. А когда однажды подъ вечеръ казачій отрядъ крѣпко присталъ къ молодымъ бабамъ, и Вѣра пошла объясняться къ командиру сотни, Анна Трофимовна встревожилась и рѣшила вер-

нуться домой по добру, по здорову. Гусей продали и двинулись обратно.

Вѣра не очень опечалилась. За эти дни она сдружилась со свекровью и для нея самой незамѣтно наступило успокоеніе.

VI

Дома Вѣру два дня ждало письмо отъ мужа. Андрей Ильичъ сообщалъ, что устроился въ Таганрогѣ и просилъ пріѣхать немедленно.

Грипа засмѣялась недобрымъ смѣхомъ.

— Ваша армія побѣждаетъ, у васъ и мужья есть. Гдѣ мой бродитъ, когда вернется?

Собираться было недолго. Вѣра пошла въ городъ, вернула библіотечную книгу и взяла въ комендантскомъ управленіи разрѣшеніе на выѣздъ. Она не сразу рѣшилась войти туда: смутно опасалась встрѣтить капитана. Но встрѣтила только Павла, съ которымъ пришлось поздороваться за руку и который заготовилъ ея бумаги. Она возвращалась быстро, весело; внимательно, въ послѣдній разъ, осматривала городъ, дорогу, Донецъ. Больше обычнаго заплатила мальчишкѣ на перевозѣ. Ей вдругъ стали дороги эти мѣняющія окраску деревья, эти тропы, исхоженныя столько разъ, что то отъ нея взявшія и ставшія частицей ея самой.

Анна Трофимовна не то простудилась, не то слегла отъ огорченія, однако хотѣла печь коржи Вѣрѣ на дорогу. Вѣра воспротивилась, заставила свекровь лежать, обернула ей голову компрессомъ. Свекоръ довѣрчиво спросилъ:

— Ты какъ думаешь, можетъ сварить чего надо, или лекарства? Ты лучше нашего понимаешь.

Вѣра хотѣла отложить свой отъѣздъ, но старики боялись разсердить Андрея.

— Сколько времени тебя не бачилъ.

Даже Грипа смягчилась, тѣмъ болѣе, что Вѣра подарила ей на прощанье кофточку.

Когда онѣ на нѣсколько минутъ остались однѣ, свекровь обняла и перекрестила Вѣру.

— Ты, Вѣрушка, если тамъ его ушлютъ куда, або що, къ намъ пріѣзжай. Привыкли мы за цѣлое то лѣто.

И Вѣра неожиданно заплакала, — почувствовала, что она разстается дѣйствительно съ родной семьей, съ матерью.

— Я вамъ, мама, буду писать.

— Пиши. Мы то не дюже грамотни.

Свекоръ отвезъ Вѣру на телѣгѣ, пристроилъ ея вещи въ уголкѣ корридора. Поѣздъ долженъ былъ отойти въ девять часовъ, но выяснилось, что врядъ ли подойдетъ и къ часу ночи.

— Вы не безпокойтесь, не ждите.

— А ты не боишься, справишься одна?

— Конечно,. не въ первый разъ.

Вѣра прикрасила. Самостоятельно она путешествовала только однажды, да и то такъ, что въ Петербургѣ ее усадили, а въ Сестрорѣцкѣ встрѣтили.

Свекоръ поцѣловалъ Вѣру, сказалъ: Ондрію кланяйся, и уѣхалъ.

Ждать было не скучно, только негдѣ присѣсть. Вѣра примостилась на своемъ чемоданѣ, потомъ служащій изъ багажнаго отдѣленія сжалился надъ нею и вынесъ ей стулъ. Но

и сидѣть Вѣра не могла. Бѣдные огни провинціальной станціи и толпа, въ которой было нѣсколько интеллигентныхъ лицъ, ее возбуждали. Постепенно она начинала чувствовать себя не лишней невѣсткой, а самой собою, и даже дамой. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ она впервые была какъ слѣдуетъ одѣта, и прошлогодній синій костюмъ, сѣрая шляпа и перчатки казались ей самой изящными и новыми. Она и въ самомъ дѣлѣ была недурна, и дежурный офицеръ на нее поглядывалъ.

За столомъ, заваленнымъ тюками, сидѣли двѣ накрашенныя дѣвицы въ шляпахъ съ заломленными въ противоположныя стороны полями, какія вѣрина модистка называла нѣкогда «неглиже съ отвагой». Каждый разъ, когда проходилъ дежурный офицеръ, дѣвицы начинали хохотать и дѣлать видъ, что онѣ очень развлекаются, хотя передъ тѣмъ почти дремали.

Около полуночи подошелъ воинскій эшелонъ, направляющійся въ Харьковъ. Онъ стоялъ полчаса. Вѣра вышла на перонъ. Солдаты и офицеры выскакивали, бѣжали за кипяткомъ, и кто то метнулся съ одной изъ дѣвицъ въ тѣнь станціоннаго садика. Бабы, дремавшія на куляхъ, ринулись къ поѣзду и упрашивали подвезти ихъ. Веселый голосъ допрашивалъ:

— А что везешь? Коли масло и яйца есть — садись.

Такъ же внезапно, какъ однажды въ городскомъ саду Вѣра поняла войну, — теперь она разомъ почувствовала революцію. Было что то неповторимое и чудовищное въ этой ожившей ночной станціи, въ незастегнутыхъ офицерахъ, въ бабахъ, рвущихся на буфера, въ безцѣльном надъ ними самоуправствѣ, во вздохахъ паровика, набирающаго воду.

Надъ вѣринымъ ухомъ кто-то произнесъ:

— Вы не въ Харьковъ? Я могъ бы васъ устроить.

Вѣра узнала капитана и даже не удивилась, хотя и не замѣтила, когда онъ пришелъ на вокзалъ. Пришлось отвѣтить.

— Нѣтъ, спасибо, я въ Таганрогъ.

— Вы отсюда не сядете. Поѣзжайте съ нами, тамъ съ главной линіи можно попасть и на скорый поѣздъ.

— Нѣтъ, меня ждетъ мужъ.

Вѣра сама не знала, зачѣмъ сказала это, но случайная фраза вызывала на знакомство.

— Онъ военный?

— Да.

— А вы здѣсь постоянно живете?

— Нѣтъ, я гостила у его родныхъ.

— Я припоминаю ваше лицо, — я васъ гдѣ то видѣлъ.

Вѣра вспыхнула.

— Нѣтъ, это вамъ кажется, мы никогда не встрѣчались.

Только бы онъ не узналъ! Не спрашивая разрѣшенія, капитанъ взялъ ее подъ руку, подвелъ къ фонарю, заглянулъ въ лицо, — и у Вѣры сжалось сердце и захватило дыханіе. Онъ повторялъ:

— Гдѣ я видѣлъ, гдѣ я видѣлъ васъ? Я не могу ошибиться, такія лица не повторяются.

Вѣра хотѣла отвѣтить банальностью и не могла. Она вдругъ почувствовала себя совершенно одинокой, выброшенной на эту чужую станцію во власть долгожданныхъ, настойчивыхъ глазъ. Не выпуская ея руки, онъ прошелъ вдоль перона. Вѣрѣ казалось, что она должна успѣть объяснить ему, что напрасно онъ считаетъ ее легкомысленной, что еще никогда и ни съ кѣмъ она не знакомилась такъ. Но

говорили они вовсе не объ этомъ, и капитанъ уже не отрывалъ глазъ отъ вѣриного рта. Прозвонилъ колоколъ, изъ темноты теплушекъ крикнули:

— Садись, ребята, не отставай!

Капитанъ, все еще съ Вѣрой, быстро прошелъ въ темноту, остановился, поднялъ нѣжными и твердыми руками ея голову и поцѣловалъ прямо въ губы.

— Я буду скоро въ Таганрогѣ. Какъ ваша фамилія?

Она молчала, закрывъ лицо руками. Поѣздъ тронулся. Капитанъ побѣжалъ, и, вскочивъ въ вагонъ, крикнулъ:

— Я пріѣду въ Таганрогъ.

Вѣра не сразу вышла на свѣтъ. Слѣдила, растерянная и потрясенная за качающимся, гаснущимъ фонаремъ. Наконецъ она направилась въ корридоръ, гдѣ все тотъ же служащій присматривалъ за ея чемоданомъ. Стало немного просторнѣе; въ группѣ крестьянокъ она замѣтила старуху съ узелкомъ за плечами — вспомнила неудавшееся богомолье и съ заботливой нѣжностью представила себѣ свекровь. Толпа зашевелилась: поѣздъ подходилъ къ станціи. Надо было готовиться къ бою не за мѣсто даже, а за возможность попасть въ первый попавшійся вагонъ.

— Я вамъ помогу, предложилъ желѣзнодорожникъ и вынесъ ея вещи.

— Спасибо, отвѣтила она, провѣряя въ сумочкѣ билетъ и деньги.

Уже приближались огни паравоза, и надъ ихъ тройнымъ сверканіемъ клубы дыма производили издали впечатлѣніе загорѣвшагося облака. Вѣра вдругъ почувствовала, что она дѣйствительно одинокій и уже взрослый человѣкъ, что не на кого опереться и некого обвинить, что она

просыпается отъ длительнаго, причудливаго сна, а впереди — дорога, безсонная ночь, и новые города, новыя встрѣчи.

VII

Сорокъ человѣкъ, восемь лошадей...

Вѣрѣ удалось втиснуться въ теплушку подъ бабье сѣтованье, ругань и суетливые выкрики не попавшихъ въ этотъ вагонъ пассажировъ. Двери сразу захлопнули, и Вѣра очутилась въ полной темнотѣ.

— Братцы, нѣтъ ли хоть спички у кого?

— А вотъ я и закурю какъ разъ, сказалъ сидящій на полу большой, кудлатый человѣкъ.

Потѣснились. Вѣра кое-какъ усѣлась на своемъ чемоданѣ. Люди, встрепенувшіеся было отъ станціоннаго шума, снова затихли и начали дремать: только по разнородному дыханію можно было отгадать ихъ присутствіе, да время отъ времени тотъ же кудлатый человѣкъ дразнилъ свою немолодую сосѣдку:

— Не приставай, тетка, не жмись.

Вѣра не думала ни о чемъ. Закрыла глаза, съежилась; она проголодалась, голова у нея кружилась, и тѣло, опустѣвшее и легкое, какъ будто неслось въ темноту съ шумомъ колесъ.

На разсвѣтѣ немного раздвинули двери, стали видны мѣшки, ящики и перекинутыя поперекъ вагона доски, на которыхъ тѣсно, плечомъ къ плечу дремали люди съ нечистыми и примятыми лицами.

Дальше Никитовки составъ не пошелъ, пришлось высаживаться и ждать до слѣдующаго полдня. Тут тоже, на

землѣ, на скамейкахъ, вокругъ станціи кишѣли люди. Съ тѣхъ дней, когда армія начала растекаться по деревнямъ, обдирая бархатъ съ сидѣній второго класса, а въ третьемъ проламывая доски изъ отдѣленія въ отдѣленіе съ обычнымъ: — Митька, руби окно въ Явропу! — вся Россія двинулась и пошла колесить съ сѣвера на югъ. Казалось, все народное хозяйство держится на этихъ потныхъ и жадныхъ мужикахъ и бабахъ съ мѣшками харьковскаго сахара, кубанской муки, крымской соли.

Вѣра упросила взять ее съ воинскимъ эшелономъ и на этотъ разъ, ничему не удивляясь, попала въ общество двухъ офицеровъ, четырехъ казаковъ и трехъ лошадей. Сидѣть было просторно, и Вѣра задремала. На станціяхъ будили крикомъ дѣвченки, предлагавшія пироги и яблоки и уже не желавшія принимать украинскія деньги, даже и новенькія гривны. Поѣздъ тащился съ неправдоподобной медленностью. Припекало солнце: мѣстами насыпь шла почти вровень съ полями, и тогда солдаты выскакивали, — кто по нуждѣ, а кто изъ озорства, и бѣжали за эшелономъ.

Вѣра довольно романтично рисовала себѣ встрѣчу съ мужемъ, покаянный разсказъ о капитанѣ, о своихъ переживаніяхъ на хуторѣ. Вышло проще.

На скамьѣ передъ домомъ, сидѣла, еле различимая въ ночной южной чернотѣ, пара.

— Здѣсь живетъ подпоручикъ Бондаренко?

Ей отвѣтили: «здѣсь». Женщина подошла къ окну и постучала.

— Андрей Ильичъ, ваша супруга пріѣхала.

Черезъ минуту Андрей, наскоро одѣтый, съ лампой въ рукѣ, отперъ парадную дверь.

— Вѣруся!

— Я. Здравствуй. У тебя флюсъ! Помоги снять вещи.

Умываясь, расчесывая волосы, Вѣра говорила:

— Я вторую ночь въ дорогѣ, устала невѣроятно.

Андрей, мѣшая ей, цѣловалъ мокрую шею, руки.

— Принцессочка моя прiѣхала. Я уже три дня ко всѣмъ поѣздамъ ходилъ, а тутъ какъ на зло зубъ разболѣлся.

Вѣра искоса взглянула на смуглое, съ широкимъ носомъ, лицо мужа, повязанное чернымъ сатиновымъ платкомъ и неожиданно для самой себя рѣшила:

— Ничего не скажу.

Ее разбудилъ звонкiй голосъ. Недѣтской красоты мальчуганъ лѣтъ пяти, заглядывая ей въ лицо, спрашивалъ:

— Андрей Ильичъ, чья это тетя?

— Вотъ видишь, Вовка, — и разбудилъ.

— Откуда онъ?

— Хозяйкиной дочери, той, что вчера на скамейкѣ сидѣла.

Мальчикъ съ увѣренностью взобрался на кровать и подалъ Вѣрѣ руку.

— Такъ тебя Вовой зовутъ?

— Вова, войска Донского.

— Твой папа — казакъ?

— Нѣтъ, онъ съ бабами воюетъ.

Вѣра смутилась. Было часовъ десять, она хотѣла одѣваться. Мужъ напоилъ ее въ постели кофе и сообщилъ, что хозяинъ — старикъ и пьяница, вовкина мать не живетъ съ мужемъ, и есть еще барышня и двое мальчишекъ.

— Да ты о себѣ разскажи.

О себѣ разсказывать Андрей Ильичъ не умѣлъ и не лю-

билъ. Сказалъ сбивчиво, что на фронтѣ обошлось благополучно, — а то чуть было не попалъ въ плѣнъ; что передавали ему, будто братъ Федоръ находился на бронепоѣздѣ со стороны красныхъ; а теперь онъ, Андрей, устроился при школѣ танковъ, даже назначенъ инструкторомъ и, кстати, пора на лекцію.

У Ольги Сергѣевны, вовкиной матери, были, какъ и у сына, прекрасные глаза, — но темные, и лицо пухлое, въ родинкахъ и ямочкахъ. Комната, гдѣ она спала съ Вовкой и младшей сестрой, Женей, поражала пустотой, такъ же, какъ и столовая. Вѣра не могла понять, почему въ одной только — и то реквизированной комнатѣ, стоитъ гостинная мебель, шредеровскій рояль.

Ольга Сергѣевна предложила Вѣрѣ чаю. Въ буфетѣ оказались сбродныя чашки, нѣсколько скудныхъ тарелокъ съ отбитыми краями. Отъ всего дома вѣяло скрытой нищетой, опустошеніемъ.

Женщины перешли въ гостинную, Вовка увязался за ними. Вѣра уже успѣла повѣсить свои платья на двери, за портьерой — дверь была заперта и вела въ кабинетъ хозяина. Бѣлье пришлось оставить въ чемоданѣ.

— Вы играете на роялѣ?

— Да, только давно не было случая.

Вѣра откинула крышку, пробѣжала пальцами по клавіатурѣ и, подумавъ, заиграла «Елку» Ребикова. Въ комнатѣ былъ странный свѣтъ: несмотря на солнце, что то теплое и тусклое поднималось отъ узорнаго, звѣздами, паркета, отъ низкихъ оконъ съ тяжелыми занавѣсями, даже отъ мягкаго лица Ольги Сергѣевны. Сентиментальное настроеніе овладѣло Вѣрой. Она запѣла негромко, съ чувствомъ.

Въ дверь постучали.

— Не пускайте, это отецъ, шепнула Ольга Сергѣевна, но Вѣра уже успѣла сказать:

— Войдите.

— Услышалъ вашъ чудесный голосъ, сударыня, и поспѣшилъ представиться. Какъ изволили доѣхать?

Вѣра запнулась было, но потомъ поблагодарила и протянула руку: къ ней прикоснулись горячіе, мягкіе, какъ будто безкостные пальцы, потомъ такіе же мягкіе и влажные усы. Хозяинъ былъ одѣтъ въ полосатые, отъ визитки, брюки и тѣсную тужурку государственнаго казначейства, изъ подъ которой выступалъ несвѣжій крахмальный воротникъ.

Онъ сѣлъ. Ольга Сергѣевна отвернулась и опустила голову. Вовка спрятался за мать.

— Разрѣшите узнать ваше имя отчество. Вы, я слышалъ, изъ Петрограда. Если не нескромно, — ваша дѣвичья фамилія?...

Вѣра назвалась.

Сергѣй Сергѣевичъ чрезмѣрно воодушевился.

— Какъ же, какъ же, имѣлъ удовольствіе слышать и даже, въ дни молодости, знакомъ былъ съ вашимъ батюшкой. Очень, очень пріятно — въ наше время за счастье почитаешь встрѣчу съ человѣкомъ своего круга.

Ольга Сергѣевна съ отвращеніемъ сказала:

— Вы бы, папа, пошли къ себѣ: я вамъ закусить приготовила... все что нужно.

Онъ сразу вскочилъ, растерялся, засуетился.

— Извините, боюсь, что простынетъ.

Вслѣдъ ему дочь сказала:

— Простынетъ водка съ огурцами!... Вѣра Алексѣевна, вы съ нимъ не стѣсняйтесь, а то еще явится когда нибудь въ пьяномъ видѣ. Мы то ужъ знаемъ; притерпѣлись... А барышней я была — срамъ. Сколько разъ изъ дому уходила, начинала жить самостоятельно — онъ на службу являлся скандалить. Оттого и замужъ за перваго встрѣчнаго выскочила.

Вовка, не пропускавшій ни слова, вмѣшался.

— Отецъ подлый, онъ намъ денегъ не присылаетъ.

— А ты молчи. Позови лучше Паньку, надо же хоть немного поѣсть.

Панька явился вмѣстѣ съ Ванькой. Они были близнецами, и Ольга Сергѣевна не выносила ихъ, потому что мать умерла отъ родовъ. Имъ было по пятнадцати лѣтъ: оба были высокіе, оборванные, съ блѣдными лицами и глубокой синевой подъ вороватo шмыгающими глазами.

— Сбѣгайте въ лавочку, купите мяса и картошки.

Они разомъ отвѣтили:

— Если въ долгъ — не пойдемъ.

— Знаю, не учите, на деньги. Да не надувайте, все равно перевѣшу.

Мальчишки исчезли.

— Дезертиры, крикнулъ Вовка.

— Это Андрей Ильичъ ихъ такъ прозвалъ.

Ольга Сергѣевна подошла къ окну, задумалась.

— А вѣдь онъ не вретъ, онъ могъ въ свое время встрѣчаться съ вашимъ отцомъ. Какія у него были связи въ Петербургѣ, какая могла быть жизнь. А здѣсь этотъ домъ, и еще два — теперь то ужъ проданные, и имѣніе — это все материнское. Думали перезаложить имѣніе, — но

кто же по нашимъ временамъ захочетъ давать вторую закладную. Хорошо еще, что хоть арендаторъ не вовсе жуликъ: нѣтъ- нѣтъ, да и заплатитъ, и продуктовъ привезетъ... Вотъ такъ и тянешь. Ни сама никуда не выйдешь, ни къ себѣ людей принять. Только и развлеченія, что около дома со знакомыми посидишь.

Она, не отрываясь, смотрѣла на растворенныя окна краснаго, длиннаго дома напротивъ.

— Это казенное зданіе?

— Да, раньше была школа, а теперь офицерское общежитіе.

— Вашъ мужъ тоже военный?

— Кто же теперь не военный? Но онъ то, конечно, не на фронтѣ. Болтается, гдѣ то подъ Харьковомъ, мнѣ братъ писалъ.

— У васъ еще братъ есть?

— Да, старшій, офицеръ. Онъ одно время былъ здѣсь, при штабѣ, — намъ тогда легче жилось, отецъ при немъ всетаки сдерживается, — но ему просто невозможно было остаться... А вонъ Андрей Ильичъ идетъ, — ишь, торопится. Онъ тутъ совсѣмъ безъ васъ заскучалъ. Вы давно замужемъ?

— Около полугода.

— Вы гдѣ вѣнчались?

— Въ Кіевѣ, отвѣтила Вѣра и покраснѣла. Они не были вѣнчаны: Андрей Ильичъ скрывался и жилъ по бумагамъ, удостовѣрявшимъ, что онъ студентъ и красноармеецъ. Церковный бракъ былъ объявленъ внѣ закона, и обращать на себя вниманіе не слѣдовало. Даже Вѣрѣ посовѣтовали не предъявлять свою метрику, а обойтись временнымъ, раздобытымъ черезъ домовой комитетъ удостовѣреніемъ личности.

Мужъ повелъ Вѣру обѣдать въ офицерскую столовую, въ городской садъ. Потомъ прошлись по главной улицѣ, свернули въ переулокъ и вышли къ морю. Многіе еще купались, лодки вертѣлись вблизи берега. Вода была мутная, сѣро-голубая, и воздухъ не обычный морской, отъ котораго колетъ лицо и хочется глубоко дышать, но пыльный, горячій и странно густой. По широкой бѣлой лѣстницѣ вяло сходили и поднимались люди. Вѣра съ огорченіемъ подумала:

— Какое городское море.

Но это все таки было море, и городъ. Вечеромъ пошли въ кинематографъ, настоящій, большой, съ хорошей программой и приличной, преимущественно военной публикой.

Вѣра мало видѣла Андрея Ильича и радовалась этому. Когда они бывали вмѣстѣ, она не знала, о чемъ говорить, и поэтому была внимательна къ словамъ мужа, ласково поддакивала и снова молчала. Онъ уходилъ то на лекціи, то на практическія занятія, то на дежурства, забѣгалъ къ обѣду и возвращался только вечеромъ. Такъ какъ жалованья не хватало, ѣли дома, и самое дешевое: простоквашу, за которой утромъ, до занятій, вычиствивъ вѣрину обувь и убравъ комнату, Андрей Ильичъ бѣгалъ на базаръ, и арбузы съ хлѣбомъ. Вѣра рѣзала кусочками, мужъ кругло выдалбливалъ ложкой и угощалъ Вовку, почти совсѣмъ переселившагося въ ихъ комнату. Остатки запирали отъ дезертировъ, но они ухитрялись пролѣзать въ окно, и на подоконникѣ оставались крошки, слѣдъ босой ноги, хрусткіе кристаллы сахарнаго песку.

Ольга Сергѣевна тоже приходила выпить чаю. Только Женя не показывалась: она то исчезала съ подругами, то, сидя на кровати, что нибудь чинила, перешивала съ одного лифчика на другой обрывки кружевъ, а чулки штопала такъ

упорно и артистически, что Вѣра подарила ей свои, старые.

Однажды Сергѣй Сергѣевичъ заглянулъ къ Вѣрѣ и долго осматривалъ трюмо:

— Не разсохлось ли?

Когда онъ скрылся, Ольга Сергѣевна предупредила.

— Продать хочетъ, я ужъ знаю. Андрей Ильичъ, голубчикъ, не давайте вы ему ничего.

Подъ вечеръ постучался подвыпившій Сергѣй Сергѣевичъ съ близнецами и потребовалъ, чтобы ему выдали трюмо. Андрей Ильичъ отказался.

— То есть, каъ же это такъ?

— Очень просто: я здѣсь живу по реквизиціи, — пока живу, все здѣсь мое. А дверей прошу не ломать, или я стрѣлять буду.

Дезертиры потоптались на мѣстѣ и наконецъ уговорили отца идти спать. Онъ непристойно ругался и кричалъ: реквизиція — инквизиція.

Съ улицы робко, но настойчиво постучали въ окно. Это была Ольга Сергѣевна.

— Ради Бога, возьмите Вову. Я боюсь, что отецъ начнетъ скандалить, — еще поколотитъ мальчишку.

Вовку втянули черезъ окно. Онъ дрожалъ, слезы застыли въ глазахъ. Сѣлъ на диванъ и сказалъ убѣжденно:

— Я дѣда убью. И отца тоже.

Вѣра вспомнила о дочери своего мужа. Неизвѣстно, въ какихъ условіяхъ растетъ эта дѣвочка, — можетъ быть, и она искалѣчена такою же ненавистью.

— Андрей, напиши въ Ростовъ, узнай, что тамъ. Дѣвочку необходимо взять.

Мужъ погладилъ ее по головѣ.

Вѣрѣ хотѣлось напомнить и о другомъ, но изъ гордости она не заговаривала о разводѣ. Теперь она уже знала навѣрняка, что Андрей Ильичъ обмѣнялся съ женой нотаріально засвидѣтельствованными обязательствами о полной взаимной свободѣ, — но вѣдь это не былъ разводъ, и Вѣра оказывалась не только второй и не вѣнчанной, но и просто незаконной женой. Изрѣдка къ нимъ заходилъ кто нибудь изъ сослуживцевъ Андрея Ильича. Вѣра принимала сухо, и всячески избѣгала знакомствъ съ офицерскими семьями.

— Ты вообще съ женщинами видѣться не желаешь?

Вѣра слышала въ шутливомъ тонѣ мужа обиду и ревность. Неужели онъ не понимаетъ причины?

Ночью хозяинъ задыхался, хрипѣлъ и заставлялъ дезертировъ ловить чертей.

— Не бойтесь, папа, вотъ я поймалъ одного, сейчасъ выкину на помойку.

Вмѣстѣ съ чортомъ Панька вытащилъ изъ подъ подушки отцовскій кошелекъ и честно отдалъ его сестрѣ.

Въ дни, когда Сергѣй Сергѣевичъ запивалъ, дѣти, голодные, испуганные, объединялись, — они походили тогда на воюющія стороны, съ хитростями, со шпіонажемъ, съ нападеніями на тылъ. Ольга Сергѣевна принималась чинить лохмотья дезертировъ, и всѣ вмѣстѣ обдумывали, какъ бы вытащить изъ кованныхъ сундуковъ и передѣлать для Жени материнскія платья и шубы.

Уже вторыя сутки всѣ перебивались на хлѣбѣ. Въ буфетѣ еще были остатки провизіи, но Сергѣй Сергѣевичъ заперъ его и не желалъ выдавать ключъ:

— За то, что отца не уважаете.

Ольга Сергѣевна сбѣгала въ угловую лавочку, открытую

до поздна и принесла колбасы и яицъ. Ѣли при свѣчѣ, давясь. радуясь. Ванька стоялъ на часахъ у дверей кабинета и почти внятно ругалъ отца, на что тотъ отзывался оханьемъ и несвязными словами.

VIII

Дни стояли сухіе и жаркіе. Вѣра не выходила даже въ садъ, боясь столкнуться съ хозяиномъ, и цѣлые часы проводила у окошка. Она уже знала въ лицо всѣхъ сосѣдокъ, невзрачнаго прапорщика, прятавшагося за деревьями и поджидавшаго Женю, офицеровъ изъ общежитія, дѣтей, съ которыми никакъ не умѣлъ играть Вовка. Широкая, немощеная улица бурѣла отъ густой пыли, вздымаемой по утрамъ старымъ верблюдомъ съ водовозной бочкой; среди дня проѣзжалъ на крошечномъ Фордѣ англійскій полковникъ; утомленныя куры зарывались въ мягкія ямки, въ то время, какъ подростающіе пѣтушки уже дрались отъ избытка удали и поднимали вокругъ себя невысокій, золотистый дымокъ.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, Андрей Ильичъ повелъ Вѣру гулять. Пообѣдали въ ресторанѣ, катались на лодкѣ и долго сидѣли около моря. Потомъ отправились въ городской садъ, но тамъ было пыльно, тѣсно и людно.

— Пойдемъ лучше домой, тамъ хоть народу меньше.

По дорогѣ купили къ ужину все тотъ же арбузъ.

Забѣжала радостная Ольга Сергѣевна.

— Наконецъ то вы пришли. Кириллъ пріѣхалъ на три недѣли, братъ; денегъ мнѣ отъ мужа привезъ. Пойдемте въ садъ, мы тамъ чай пьемъ.

Въ бесѣдкѣ, за накрытымъ столомъ, возсѣдалъ торжественный Сергѣй Сергѣевичъ, дезертиры пристроились тутъ же. Разсказывая о чемъ то, стоялъ высокій офицеръ. Онъ обернулся.

Удивляясь собственной выдержкѣ, Вѣра поздоровалась и сѣла рядомъ съ мужемъ. По тому, какъ капитанъ поцѣловалъ ея руку и посмотрѣлъ на нихъ обоихъ, Вѣра поняла, что и онъ узналъ, помнитъ, оцѣниваетъ ея отношеніе къ мужу, — и она попыталась проявить къ нему особое вниманіе. Было нестерпимо обидно, что они живутъ въ домѣ этого человѣка, что Андрей моложе его чиномъ и некрасивъ.

Послѣ чая, когда на нѣсколько минутъ всѣ разбрелись, капитанъ сказалъ:

— Какъ я радъ, я такъ много думалъ о васъ.

Вѣра театрально произнесла:

— Вы, мнѣ кажется, преувеличиваете. Думать вамъ было не о чемъ — и теперь не о чемъ.

Онъ усмѣхнулся, какъ взрослый человѣкъ на слова ребенка.

— Милая Вѣра Алексѣевна, есть нѣчто сильнѣе насъ — судьба.

Андрей Ильичъ пригласилъ зайти къ нимъ, разспрашивалъ о фронтовыхъ новостяхъ, предложилъ арбуза. Вѣра не знала, куда дѣваться: стыдно было за то, что нечѣмъ угостить и нѣтъ посуды; и что ихъ неширокая кроват стоитъ около той самой стѣны, за которой, какъ выяснилось, будетъ спать Кириллъ Сергѣевичъ.

На ночь мужъ сказалъ:

— Вѣруся, я тебѣ завтра головку помою.

— Не шуми, пожалуйста, нельзя же на весь домъ.

— Никто не слушаетъ... Какая ты сегодня была хорошенькая.

Онъ разулъ Вѣру, приложился, по заведенному обычаю, къ обѣимъ ея ногамъ и рукамъ и нѣжно, долго поцѣловалъ въ губы. Въ это мгновеніе Вѣра поняла, что она думаетъ не о мужѣ.

Все семейство обѣдало вмѣстѣ, пригласили и Вѣру съ Андреемъ Ильичемъ. У дезертировъ были вымытыя руки. Вовкѣ нацѣпили передничекъ. Ольга Сергѣевна сіяла всѣми своими ямками.

Мужчины налили по рюмкѣ. Андрей Ильичъ поморщился, проглотилъ съ отвращеніемъ: онъ не пилъ. Послѣ нѣсколькихъ ложекъ борща, хозяинъ, ѣвшій очень мало, извинился и побѣжалъ къ себѣ, посмотрѣть, открыто ли окно. Потомъ ему понадобился носовой платокъ, еще что то. Ольга Сергѣевна покачала головой. Капитанъ все больше хмурился. Вѣра сообразила, что старикъ не рѣшается пить много за общимъ столомъ и что въ кабинетѣ у него есть запасы. Къ концу обѣда Сергѣй Сергѣевичъ размякъ, загрустилъ и началъ упрашивать Вѣру спѣть что нибудь. Ей пришлось согласиться. Перешли въ ихъ комнату.

Были когда то и мы рысаками...

Капитанъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее. Сергѣй Сергѣевичъ, не смѣя подпѣвать, помахивалъ въ тактъ рукой, показывалъ на себя пальцемъ и подъ конецъ совсѣмъ затихъ и съѣхалъ внизъ по креслу. Сынъ увелъ его и вернулся снова.

— Спитъ, сказалъ онъ на безмолвный общій вопросъ. Спойте, пожалуйста, еще.

Андрею Ильичу надо было уходить. Кириллъ и Ольга Сергѣевна съ Вовкой тѣсно сидѣли на диванѣ и каждый, слу-

шая, слышалъ свое и улавливалъ только тѣ слова и звуки, которые уже давно потаенно жили въ его душѣ. Вѣра пѣла долго. Потомъ подошла къ дивану, и Ольга Сергѣевна, не вставая, притянула ее за руки.

— Устраивайтесь съ нами.

Въ ихъ группѣ было что то такое уютное и интимное, что капитану показалось на мгновеніе, будто онъ въ родномъ и спокойномъ домѣ, гдѣ и Вѣра — своя. Посидѣли молча. Уже стемнѣло, на полу замерла полоса неяркаго уличнаго фонаря и лапчатая тѣнь дерева. За стѣной похрапывалъ старикъ. Ольга Сергѣевна встала.

— Надо ужиномъ заняться.

Вѣра задержала Вовку. Капитанъ спросилъ:

— Вы темноты боитесь?

— Нѣть, почему?

— А что Вовку оставили.

— Бояться мнѣ вообще нечего.

Вовка посидѣлъ минутку и всетаки удралъ къ матери.

— Вѣра, милая, зачѣмъ вы берете этотъ фальшивый тонъ? Поймите же вы меня. Я васъ не обижаю, но вѣдь вижу, что вы не на мѣстѣ, что вы вся — растерянная и напряженная, какъ тамъ, на вокзалѣ. Стоитъ на васъ посмотрѣть, стоитъ послушать, какъ вы вѣжливы съ мужемъ, — такъ только чужіе между собой разговариваютъ.

— Моя семейная жизнь никого не касается.

Онъ взялъ ея руку.

— Экой ершъ въ самомъ дѣлѣ, мягкій ершикъ.

Вѣра вспомнила какой то романъ.

— Вы принимаете меня за самку, — и сама подумала: Господи, какъ глупо!

Онъ не обратилъ вниманія на ея слова и сказалъ серьезно и устало:

— Милая дѣвочка, каждая эпоха имѣетъ свою романтику. Мы живемъ какъ будто торопливо и распущенно. На самомъ дѣлѣ, война научила насъ цѣнить жизнь и меньше притворяться. Во всемъ нашемъ времени есть огромный пафосъ свободы и правды. Вы молоды, хороши собой, голосъ у васъ прекрасный — и всетаки я встрѣчалъ женщинъ привлекательнѣе васъ. Повѣрьте, если я подхожу къ вамъ такъ просто, то только потому, что вижу въ васъ какую то обиду, испугъ, массу невыявленнаго чувства — потому что вы не любите Андрея Ильича.

Вѣра упрямо отвѣтила:

—Я его люблю, я никому не позволю вмѣшиваться въ наши отношенія.

— Богъ съ вами. Очень вы молоды, и горды.

—Я васъ очень прошу, Кириллъ Сергѣевичъ, — намъ отсюда переѣхать некуда, и вамъ тоже. Давайте по возможности не встрѣчаться.

— Себя все равно не обманете... Впрочемъ, я не настаиваю. Я сегодня въ поэтической грусти — выпилъ мало.

— Вы пьете? Боже мой, вы пьете! Вѣра не произнесла этихъ словъ, но у нея разомъ навернулись слезы.

Вошла Ольга Сергѣевна, спросила о чемъ идетъ рѣчь.

— Я разсказывалъ, какъ въ Харьковѣ армію встрѣчали.

Не видѣться, живя подъ одной крышей, было трудно, но разговоры между ними не возобновлялись. Теперь уже сама Вѣра искала случая объяснить ему, что онъ ее дурно понялъ, что она ничего не имѣетъ противъ дружбы съ нимъ. Она плохо спала, нервничала, осунулась. Выходила въ садъ, пы-

талась возиться съ Вовкой, но быстро уставала. Все еще было жарко, она носила длинныя, легкія платья, — а на грядкахъ уже зацвѣли кричащіе георгины и мелкія, суховатыя астры.

Тѣнью мелькала молчаливая Женя, возвращалась поздно, пряталась съ головой подъ одѣяло и, затаясь, думала о своемъ, дѣвичьемъ: какъ бы ужъ скорѣе вырваться изъ дому, зажить по настоящему. Высовывала голову, смотрѣла на бѣдныя свои юбочки, на спящую сестру — и знала, что у нея-то будутъ и деньги, и туалеты, и любящій мужъ.

Въ сумеркахъ Вѣра пѣла. Въ груди росла жалость и нѣжность; звуки, казалось, расцвѣтали и окрашивали комнату неяркими голубыми тонами. Однажды хозяинъ постучалъ въ стѣну:

— Вѣра Алексѣевна, защитникъ отечества на колѣняхъ стоитъ, слушаетъ васъ.

Вѣра ничего не поняла, испугалась и смолкла. Явился Вовка и съ удовольствіемъ сообщилъ, что дядя Кириллъ вмѣстѣ съ дѣдомъ запилъ Дезертировъ нѣсколько разъ гоняли за спиртомъ, — по дорогѣ приложились и они. Въ столовой Андрей Ильичъ игралъ съ женщинами въ шестьдесятъ шесть. Вѣра не зажигала лампы. Она подошла было къ двери, за которой находился капитанъ, но не посмѣла подслушивать, забилась на диванъ, прилегла головой къ колѣнямъ и застыла, похожая на зябкое, маленькое животное.

На скамейкѣ передъ домомъ дезертиры высокими гнусавыми голосами тянули все одно и то же.

Прійди ко мнѣ, я весь въ огнѣ
И страсть кипитъ во мнѣ.

Встрѣтились черезъ четыре дня. Капитанъ не измѣнился,

только чуть покраснѣли глаза. Вѣра протянула ему обѣ руки.

— Кириллъ Сергѣевичъ, зачѣмъ вы это дѣлаете? Я измучилась.

— Не все ли равно! Скоро опять на фронтъ, а въ родительскомъ домѣ это — единственное развлеченіе.

— Неужели вы съ горя?

— Дитя мое, откуда вы — такая наивная. Просто пью, потому что нравится.

Вѣра тихо сказала:

— Вы думаете, я повѣрю?... Что же дѣлать, у всякого свое. Надо терпѣть.

Какъ тогда, на вокзалѣ, онъ взялъ въ свои руки ея голову, но посмотрѣлъ ласково, печально и поцѣловалъ въ лобъ, въ щеки, въ глаза.

— Кроткая моя дѣвочка.

Вѣра прижалась щекой къ его груди — тамъ, гдѣ должно было биться сердце и крѣпко стиснула его руку.

Андрей Ильичъ прибѣжалъ съ занятій раньше обычнаго и сообщилъ, что его посылаютъ на двое сутокъ въ Ростовъ. Вѣра вдругъ взмолилась:

— Не ѣзди, Андрей.

— Какъ же не ѣздить, когда я на службѣ? И потомъ я тамъ свою бабу разыщу — надо же это все уладить.

Вѣра была въ смутномъ состояніи. Дѣйствительно, судьба покровительствуетъ Кириллу, — надо же мужу уѣзжать именно теперь. Отъ этой мысли было страшно и радостно... Разводъ — не все ли равно! Можетъ быть, даже лучше, даже легче будетъ разойтись, пока формально они не связаны. Объяснять все это Андрею было немыслимо — да и что объяснять, вѣдь ничего не произошло, вѣдь не серьезное же

это чувство. Тутъ же, тайкомъ, въ самой глубинѣ сердца прозвучало:

— А если это — любовь? Я жду ее всю жизнь.

И вся девятнадцатилѣтняя жизнь представилась безконечно долгимъ, однообразнымъ, напряженнымъ ожиданіемъ.

Поѣздъ отходилъ вечеромъ. Шмыгали бабы, офицеры громко переговаривались, на одномъ изъ столовъ дремалъ курносый мальчуганъ въ солдатской шинели. Провожающіе смотрѣли испуганно. Во всѣхъ разставаніяхъ этой эпохи было что то безнадежное. Каждый городъ представлялся островомъ, несообщающимся съ инымъ міромъ, и всегда чудилось, будто уѣзжающій не вернется.

— Останься, Андрей, попросила Вѣра чуть не плача.

— Да вѣдь я же послѣзавтра буду дома.

Назадъ ѣхали на извозчикѣ, и Ольга Сергѣевна безпричинно веселилась. Вѣра молчала. Когда коляску встряхивало, она задѣвала Кирилла колѣнями. Онъ курилъ одну папиросу за другой; на лицѣ его лежалъ оранжевый кругъ, и тревожный огонекъ снизу вверхъ перемѣщался въ глазахъ.

Спать не хотѣлось. Посидѣли въ бесѣдкѣ, потомъ Ольга Сергѣевна ускользнула на лавочку, гдѣ ее ждали.

— Надо идти, замѣтила Вѣра, но не двинулась, только зябко спрятала руки у ворота. Кириллъ Сергѣевичъ поднялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни. Сразу стало очень тепло и спокойно. Какъ маленькой, онъ негромко приговаривалъ:

Бай-баю, бай-баю,
Баю дѣвочку мою.

Однимъ и тѣмъ же словомъ оба думали:

— Какая радость, какая тихая радость.

Съ улицы донесся шумъ, возня, пьяный голосъ выкрикнулъ ругательство, быстрые шаги шарахнулись по двору.

Сергѣй Сергѣевичъ, догоняя дочь, захлебывался.

— Н-не позволю. Она мою честь позоритъ. Какъ дѣвка, по ночамъ, у воротъ.

Кириллъ вскочилъ.

— Оля, сюда! Вѣра Алексѣевна, останьтесь. Побудьте здѣсь обѣ... Что онъ?

— Толкнулъ меня. При чужомъ.

Капитанъ быстро пошелъ въ домъ. Но оттуда уже донесся пронзительный вопль дезертировъ. Панька, въ одной рубахѣ, хватаясь за голову, вылетѣлъ во дворъ. За нимъ, воя, мчался Ванька. Ольга Сергѣевна закричала:

— Боже мой, Вова! — и бросилась въ комнаты.

Пересиливая ужасъ, съ трудомъ передвигая разомъ отяжелѣвшія ноги, Вѣра подошла къ мальчишкамъ.

— Отецъ... ни съ того ни съ сего... полѣномъ ударилъ.

Изъ дому голоса сестеръ звали:

— Вѣра Алексѣевна, кто нибудь... Кириллъ, Кириллъ, не смѣй.

Онѣ вывели брата. Вовка, самъ одѣвшій курточку задомъ напередъ, выскочилъ за ними.

— Пустите, сказалъ Кириллъ и, неестественно размахивая одной рукою, а другой закрывъ глаза, ушелъ въ темноту.

Сѣли на крылечкѣ.

— Что отецъ?

— Какъ будто очнулся, притихъ... Я боялась, что Ки-

риллъ убьетъ его... Вѣра Алексѣевна, пойдите къ нему, онъ скорѣе успокоится.

Вѣра нашла капитана въ бесѣдкѣ; онъ послушно далъ себя увести.

— Идемте все-таки домой, не на улицѣ же ночевать, сказала Ольга Сергѣевна, первая вошла въ домъ и зажгла лампу.

У Паньки была ссадина черезъ всю щеку, а плечо разбито до крови — ударъ прошелъ бокомъ. Ванька скулилъ около изъ сочувствія и стыда, что ему не попало. Вѣра разыскала іодъ и вату. Рану промыли.

— Ночныя развлеченія, сказала дрожавшая Женя и разсмѣялась мелкимъ, звенящимъ, неудержимымъ смѣхомъ: съ ней начиналась истерика.

Капитанъ легъ съ дезертирами, а женщинъ Вѣра взяла къ себѣ. Что то злорадствовало въ ней:

— Подѣломъ тебѣ, подѣломъ!

Кириллъ видимо мучился ночной сценой, совѣстился Вѣры, — и былъ ей мучительно милъ, и близокъ, и жалокъ.

— Ну, пойдите же ко мнѣ, позвала она и сама обняла его.

Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ Андрей Ильичъ, очень опечаленный. Жену онъ разыскалъ легко, но теперь, прослышавъ объ его отношеніяхъ съ Вѣрой, она не желала идти на уступки, во всемъ обвиняла его и требовала денегъ. Дѣвочку, какъ она увѣряла, увезли въ Москву.

— Принцессочка моя, что же мы будемъ дѣлать. Я только теперь понимаю, какъ виноватъ передъ тобою... Какъ ты провела время? Я Богъ знаетъ какъ за тобою соскучился.

Думая о своемъ, раздраженная его неправильнымъ го-

воромъ, его присутствіемъ, — внутренно оправдывая это раздраженіе его неуспѣхомъ, Вѣра сухо отвѣтила:

— Ничего, устроимся.

Андрей Ильичъ получилъ англійское обмундированіе, оно было ему велико.

— У нашей прачки машина есть, я это все передѣлаю.

— Какіе пустяки, развѣ ты умѣешь шить?

— Петро Первый все умѣлъ.

Съ помощью прачки перетащилъ машину, и въ самомъ дѣлѣ пригналъ и брюки, и фрэнчъ. На погонахъ вышилъ звѣзды, а кантъ сдѣлалъ изъ красныхъ ленточекъ съ вѣринаго бѣлья.

— Золото у васъ муженекъ, замѣтила прачка.

Машина шла туго, пришлось ее смазать.

— Двери у насъ неимовѣрно скрипятъ.

Андрей Ильичъ занялся и дверьми· Вѣра поймала на своемъ лицѣ лукавую улыбку — и ужаснулась. Что съ ней сталось! Она, какъ воръ, систематически подготовляетъ преступленіе.

Во дворѣ дезертиры любовно начищали оружіе капитана. Онъ собирался къ отъѣзду, и мальчишки шмыгали за нимъ и приставали, чтобы увезъ ихъ съ собою на фронтъ.

— Вамъ учиться нужно. Въ гимназіи то вы еще числитесь?

— Да что-жъ, сапогъ даже нѣту.

Сергѣй Сергѣевичъ, крадучись, уходилъ въ городъ. Капитанъ поймалъ его и заставилъ открыть одинъ изъ сундуковъ. Запахло нафталиномъ. Вся семья столпилась надъ остатками добра· Трогали руками соболью муфту; тяжелые, вытканные крупными цвѣтами, шелка, шитыя стеклярусомъ

декольтированныя платья на нѣсколькихъ чехлахъ, со множествомъ планокъ и мелкихъ крючковъ и кнопокъ; бѣличью ротонду. Женя, немного поодаль отъ всѣхъ, прижала руки къ вискамъ, запрокинула голову; длинныя рѣсницы дрожали, ротъ пріоткрылся чувственно, — казалось, еще немного, — ей будетъ дурно.

— Это все Женино приданое, замѣтилъ отецъ.

— Папа, дайте хоть что нибудь сейчасъ, я совсѣмъ раздѣта.

— Ты еще молода. Вотъ, будешь замужъ выходить.

Онъ наклонился, расширилъ обѣ руки надъ сундукомъ, словно вокругъ него были враги и расхитители.

Однако, драповое пальто съ рукавами-пуфами онъ все таки выдалъ. Для сыновей нашлись казначейскія шинели, сапоги капитанъ далъ свои, и тутъ же все это отнесли передѣлывать. Братъ зашелъ къ Женѣ, которая сидѣла на постели, какъ звѣренышъ, обманувшій голодъ брошеннымъ кускомъ, и уже отпарывала подкладку.

— Женя, я еще платье для тебя достану. Не драться же было съ нимъ.

Въ бесѣдкѣ Вѣра рисовала Вовкѣ домики. Онъ лежалъ животомъ на столѣ, раскраснѣвшійся, взъерошенный, и впервые его прекрасное лицо казалось ребячливымъ. Капитанъ посмотрѣлъ на нихъ, и ему стало тоскливо: вспомнилось дѣтство, мать... семья.

— Странныя встрѣчи бываютъ, Вѣра Алексѣевна. Столкнутся люди на вокзалѣ — и разъѣдутся въ разныя стороны. А передъ тѣмъ, и послѣ, живутъ въ одномъ городѣ, бокъ о бокъ, — и опять какъ то скользятъ мимо.

— Что же дѣлать, чтобы удержать?

Вовка поднялъ голову, послушалъ и потянулъ Вѣру за рукавъ:

— Тетя Вѣра Алексѣевна, рисуйте пожалуйста.

Она склонилась къ домику и начала тщательно выводить косыя линіи по крышѣ. Капитанъ сказалъ задумчиво:

— Въ томъ то вся и бѣда, что удержать невозможно. Представьте себѣ, ѣдетъ человѣкъ на фронтъ — не брать же ему туда другое существо. Поселить его отдѣльно — и денегъ нѣтъ и, поймите меня не въ плохую сторону — смысла нѣтъ. А ну, какъ убьютъ. Что же тогда съ тѣмъ то, съ другимъ? Ну, а въ родномъ домѣ оставить...

Вовка забезпокоился:

— Тетя, у васъ болитъ что? Тогда мнѣ не надо.

Вѣра ушла къ себѣ, сѣла къ окну. Листья, какъ будто не осенніе, а высохшіе отъ жары, падали въ уличную пыль. Надломленная, привядшая вѣтка свисала до земли.

— У родныхъ оставить...

И вдругъ представился хуторской дворъ, и вѣтви березы, натыканныя по плетню и у воротъ сарая — чтобы вѣдьма не доила коровъ... Такъ она ни разу и не написала свекрови!

Ночью прошелъ дождь, и сразу стало холодно, несмотря на солнечное утро. Деревья замѣтно оголились, улица растеклась густой, темной грязью.

Андрей Ильичъ собирался на вокзалъ: ночью отправляли на фронтъ танки. Онъ вышелъ въ одиннадцатомъ часу. Вѣра обѣщала капитану посидѣть съ нимъ въ саду, проститься, — но отъ волненія у нея съ вечера начался неудержимый ознобъ, и мужъ самъ уложилъ ее въ постель.

Вѣра старалась ни о чемъ отчетливо не думать, но вздра-

гивала отъ каждаго звука, отъ чьего то кашля, отъ шаговъ прохожаго подъ окномъ. Понемногу въ домѣ наступила полная тишина. Капитанъ вошелъ неслышно, только щелкнулъ запираемый ключъ. Вѣра сѣла и, какъ бы защищаясь, прижала руки къ груди.

Разставаясь, онъ спросилъ:

— Вѣрочка, можетъ быть, ты все-таки осталась бы у моихъ? Я переведусь, я что нибудь придумаю.

— Нельзя, милый. Если бы мы еще не жили здѣсь съ Андреемъ.. Подождемъ — можетъ быть, скоро Москву возьмутъ. Ты только пиши всегда, въ какой ты части, и я буду хоть адресъ сообщать.

IX

Старьевщикъ оцѣнилъ мѣха и кружево въ такіе гроши, что даже Сергѣй Сергѣевичъ возмутился.

— Да что-жъ, помилуйте, сколько я вамъ авансомъ — впередъ передавалъ. Ну и конечно, если когда понадобится, я услужить всегда готовъ, сами знаете... А это что же? Тряпочки — въ сущности, онѣ вродѣ какъ безъ надобности, — ну ужъ прикину для васъ сотенки двѣ.

— Ты съ ума сошелъ, холуй! Ничего не отдамъ.

— Какъ желаете, намъ безъ послѣдствій.

Женино приданое взвалили на тачку. Запершись въ своей комнатѣ, сестры плакали.

Около полуночи Сергѣй Сергѣевичъ вернулся домой, необычайно тихій. Его мучила мысль о дочери и онъ постучалъ къ ней.

— Женя, ты спишь?

— Ея нѣтъ дома, отвѣтила Ольга Сергѣевна.

— Гдѣ же она?

— У подруги навѣрное.

— Пришли ее ко мнѣ, когда прійдетъ.

Женя явилась послѣ обѣда веселая, какъ будто что то рѣшившая и принесла отрѣзъ на платье и пару туфель.

— Что ты надѣлала? Отецъ тебя искалъ.

Но Сергѣй Сергѣевичъ уже услышалъ ея характерные шаги — съ носка на четкій высокій каблукъ — и вышелъ изъ кабинета.

— Пойдемъ.

Ольга Сергѣевна кинулась къ Вѣрѣ.

— Гдѣ Андрей Ильичъ? Женя дома не ночевала, сейчасъ только пришла. У отца она.

Обѣ приникли къ двери, готовыя кричать, звать на помощь.

Сергѣй Сергѣевичъ заговорилъ очень тихо.

— Женя, гдѣ ты была? Развѣ такъ поступаютъ? Ты подумай, ты себя, ты меня, всю семью позоромъ покрыла... А дальше что?

Женя упорно молчала.

— Женечка, тебя мать покойница любила.

Послышалось всхлипыванье, прерываемое мучительнымъ, мокротнымъ кашлемъ.

— Иди, — что же я могу тебѣ сказать. А если что — помни, что у тебя отецъ есть.

Женя вышла съ красными пятнами на лицѣ и шеѣ и съ тою неувѣренно презрительной улыбкой, изъ которой легко перейти въ плачъ.

Вѣра ходила, какъ потерянная. Когда она уже собиралась спать и, сидя на постели, стягивала чулки, мужъ приласкалъ ее и спросилъ:

— Что ты такъ загрустила, Вѣруся?

Собирая всѣ силы, чтобы не закричать и не разрыдаться, она сказала:

— Андрей, не цѣлуй меня. Я не могу — я измѣнила тебѣ.

На нѣсколько секундъ она закрыла глаза и не видѣла его лица. Вдругъ онъ рухнулъ на колѣни, протягивая къ ней руки.

— Были мои... мои были ножки.

Его трясло, онъ бился о кровать. Вѣра, испуганная, ловила его голову, руки.

— Милый, бѣдный!

Какъ растерявшееся дитя, онъ къ ней обращался за исцѣленіемъ удара, нанесеннаго ею же.

— Вѣруся, что же теперь будетъ?

Онъ заплакалъ, — въ этихъ мужскихъ слезахъ было нѣчто жалкое, что потрясало стыдомъ и за него, и за себя, невольную свидѣтельницу.

Онъ не спрашивалъ имени. Для него существовала только она, и ужасъ измѣны былъ ужасомъ потерять ее. Онъ воспринималъ случившееся, какъ месть — и тутъ нельзя было опредѣлить границъ.

Рано утромъ Вѣра вышла въ садъ — хотѣлось побыть одной и въ тишинѣ разобраться во всемъ. Лежа на животѣ, Панька выжидалъ птицъ. Рядомъ, на корточкахъ, посинѣвъ отъ холода, сидѣлъ Ванька и время отъ времени шепталъ:

— Сейчасъ, сейчасъ. Надо было больше сѣмянъ насыпать.

Андрей Ильичъ выскочилъ за женой.

— Ты съ кѣмъ? Ты что дѣлаешь?

Изъ всего ихъ безплоднаго, безсвязнаго ночного разговора вспоминался все одинъ и тотъ же упрекъ:

— Зачѣмъ ты сказала мнѣ!

Ясно было только одно: жить вмѣстѣ — значитъ замучить другъ друга. Пробраться въ Кіевъ? Можетъ быть, и Кириллъ пріѣдетъ туда. Когда она заговорила объ этомъ, Андрей Ильичъ выслушалъ до конца и, не обращаясь къ ней, замѣтилъ:

— Съ кѣмъ же я то буду возиться?

Онъ никакъ не могъ придти въ себя — казалось, онъ не вполнѣ понималъ, что произошло и поэтому не зналъ, какъ нужно себя держать.

Вечеромъ онъ повелъ Вѣру въ циркъ — и въ этомъ тоже было что то нелѣпое. Лошадей не было вовсе, танцевали бѣлыя собачки, отяжелѣвшая эквилибристка съ противными, бѣлыми руками изгибалась и дѣлала глазки.

У дома, на скамейкѣ, сидѣли сестры и неразговорчивый прапорщикъ, котораго Женя представила, какъ своего жениха. Андрей Ильичъ круто повернулся и, не сказавъ никому ни слова, сильно хлопнувъ калиткой, ушелъ домой.

Кажется, въ это время произошелъ переломъ на фронтѣ и началось отступленіе — ни мужъ, ни жена объ этомъ не думали, не разспрашивали. Странные дни наступили для нихъ. Когда порою Вѣра начинала припоминать все по порядку, она путалась въ сумбурномъ однообразіи. То справлялись они о поѣздахъ въ уже оставленный Кіевъ, то рѣ-

шали забыть о случившемся. Однажды ночью Вѣра проснулась отъ шороха; изъ необъяснимой предосторожности, не открывая глазъ, сквозь прищуренныя рѣсницы, она стала слѣдить за мужемъ. Онъ сидѣлъ, наклонясь надъ нею и вдругъ протянулъ руку, и ея шеи коснулось нагрѣтое лезвіе.

— Какъ въ фарсѣ. Ревнивый мужъ съ перочиннымъ ножикомъ, подумала Вѣра, испытывая одновременно острое чувство смѣха и страха.

Рука Андрея Ильича упала, бритва звякнула объ полъ. Онъ громко прошепталъ:

— Господи, вѣдь я люблю ее! и упалъ черезъ Вѣру, поперекъ кровати, какъ въ обморокѣ.

— Притворяется, рѣшила Вѣра, но все же осторожно подтянула ноги.

Ежедневно у Вѣры поднималась температура, но она вставала и, поблѣднѣвшая, съ сухими губами, кое какъ передвигалась по дому.

— Бѣдная моя, говорилъ Андрей: — не убивайся, ну вотъ, я буду тебѣ отцомъ, — скажи, что сдѣлать, чтобы тебѣ стало легче.

Но по ночамъ онъ не тушилъ свѣта и мучилъ ее настойчивыми ласками, заглядывалъ ей въ лицо и поилъ купленнымъ на послѣднія деньги старымъ портвейномъ. Вѣра пила и цѣловала его, закрывая глаза, въ которыхъ собирались и сохли скудныя слезы.

Пришло письмо отъ капитана. Вѣра получила его при мужѣ и, не читая, отдала ему. Онъ вскрылъ. Стоя въ сторонѣ, она разглядѣла начало:

— Маленькая, бѣдная Вѣра.

Андрей Ильичъ мелко разорвалъ письмо. Когда онъ ушелъ, Вѣра заперлась на ключъ и долго складывала, но ничего не могла прочесть, — только буквы жалобно смѣнялись передъ глазами.

Въ ясное, очень холодное утро Андрей Ильичъ спросилъ Вѣру, хочетъ ли она ѣхать съ нимъ въ Сибирь — ему удалось записаться въ отрядъ имени Верховнаго Правителя.

— Поѣдемъ, Андрей, сказала Вѣра и впервые обильно заплакала.

Днемъ сестры, очень подружившiяся послѣ жениной исторiи, зашли къ ней поболтать. Онѣ видѣли, что у жильцовъ происходятъ нелады, догадывались о причинахъ, кое что подслушали, и жалѣли Вѣру особой, поблажливой женской жалостью.

Вдали послышалась военная музыка. Онѣ высунулись въ окно, закричали стоящимъ на углу дезертирамъ.

— Гдѣ это?

— N-цы на фронтъ уходятъ.

Женя, не переспрашивая, не одѣваясь, кинулась на улицу. Ольга Сергѣевна и Вѣра побѣжали за ней.

— Что вы путаете?

— Правда, — на Александровскую свернули.

Но видно было и безъ словъ по оравѣ мальчишекъ, женщинъ, провожающихъ. Онѣ бѣжали молча, догнали, вмѣшались вь толпу.

Это были, дѣйствительно, N-цы, и передъ четырнадцатой ротой шелъ, круто перегнувъ шашку эфесомъ впередъ, маленькiй прапорщикъ. На мигъ взглядъ его скользнулъ по толпѣ, упалъ на Ольгу Сергѣевну; онъ обернулся къ солдатамъ и прикрикнулъ:

— Не оттягивай!

— Держись, держись, Женя, подбодрила Ольга Сергѣевна.

Но Женя уже не слышала. Она охнула, закатила глаза и повисла на рукѣ сестры.

Толпа колыхнулась.

— Разступитесь же, господа, сердито сказала Ольга Сергѣевна: — дышать нечѣмъ. Не видите развѣ — барышнѣ дурно.

X

Въ день, когда выпалъ первый снѣгъ, сибирскій отрядъ отбылъ изъ Таганрога. Ольга Сергѣевна и Женя плакали. Дезертиры сбѣгали за извозчикомъ, подкатили на немъ къ дому и попрощались за руку; хозяинъ не вышелъ, потому что наканунѣ не то его ударили, не то онъ самъ набилъ шишку, — однако высунулся въ окно и сдѣлалъ ручкой.

На вокзалѣ пришлось знакомиться съ офицерами, съ дамами. Это были сибиряки родомъ и служившіе въ сибирскихъ частяхъ, и всѣхъ объединяло желаніе добраться до родныхъ мѣстъ, гдѣ хоть жены и дѣти будутъ обезпечены. Вѣра совѣстилась своей нужды — но теперь она лицомъ къ лицу столкнулась съ подлинной нищетой. За малымъ исключеніемъ, всѣ были плохо одѣты, многіе въ лѣтнемъ, дамы въ передѣланныхъ шинеляхъ и англійскихъ плащахъ. Хворый подполковникъ подвязалъ калоши веревками. Дѣти были блѣдны, серьезны и воинственны. Маленькій, остроносый, многосемейный капитанъ усмирялъ ихъ. Едва

успѣли размѣститься въ вагонѣ, какъ ему пришлось снять и сушить штанишки годовалой дочери: перемѣны не было.

Цѣлую ночь ждали въ Ростовѣ; дѣтей примостили на багажѣ; собирались группами, совѣщались. Вѣра сидѣла въ сторонѣ отъ всѣхъ: она боялась разговоровъ, ей казалось, что всѣмъ извѣстно и ея сомнительное замужество и все дальнѣйшее. Когда одинъ изъ холостяковъ попытался съ нею заговорить, Андрей Ильичъ и Вѣра посмотрѣли на него съ такимъ выраженіемъ подозрительности и мольбы, что онъ смутился и отошелъ, не докончивъ фразы.

По пріѣздѣ въ Новороссійскъ, женатыхъ расквартировали: тѣхъ, что съ дѣтьми, поселили въ гимназію, остальныхъ по какимъ то казеннымъ учрежденіямъ. Штабъ офицерамъ отводились реквизированныя въ городѣ комнаты.

— Еще бы, они не такъ воспитаны, ворчалъ маленькій капитанъ, отгораживая уголъ для жены и ребятъ, изъ которыхъ младшая дочь уже успѣла разбиться, влѣзая на парту и теперь пронзительно плакала.

Успокаивала мысль, что все это ненадолго — какая нибудь недѣля. Собирались запасать лимоны, давали другъ другу совѣты на случай морской болѣзни; молодежь мечтала о высадкахъ въ Портъ Саидѣ, въ Индіи.

Андрей Ильичъ повеселѣлъ. Въ механическомъ подчиненіи новой обстановкѣ меньше думалось о семейномъ горѣ.

Было тепло, время отъ времени перепадали стремительные ливни, и густыя бѣлыя облака, угрожая нордъостомъ, ложились на верхушки горъ.

По Серебряковской толкались женщины, офицеры

иностранцы. Горячка овладѣла всѣми: кто могъ, покупалъ для себя, для семьи, въ запасъ. Магазины и склады были завалены. Англичане грузили русскія кожи, мѣха. Армянскіе бѣженцы, похожіе на цыганъ, въ порванныхъ пиджакахъ и рубахахъ, изъ которыхъ сверкали голыя тѣла, стояли въ очереди у американскихъ комитетовъ и, получивъ пакетъ, продавали его на толчкѣ.

Обѣдали въ офицерской столовой, гдѣ приходилось стоять въ очереди за порціей, съ трудомъ попадать за немытый деревянный столъ и ѣсть мутный, недосоленный перловый супъ.

Вѣра отдѣлила свой уголъ казенными одѣялами, и часами сидѣла въ темнотѣ. За такими же колеблющимися стѣнами жили другія семьи, ходили другъ къ другу въ гости — съ кровати на кровать, ссорились, шипѣли примусами, даже заводили флирты. Старшіе въ чинахъ подтягивали младшихъ, жены считались звѣздочками своихъ мужей. Много, громко, какъ бы заглушая безпокойство, говорили объ офицерскихъ традиціяхъ. Но всетаки не чувствовалось ни традицій, ни спайки, ни среды. Крѣпко держались другъ друга только старые однополчане. Разговаривали больше всего о прошломъ — даже самое воспоминаніе о бытѣ уже служило поддержкой.

Минутами Вѣра переставала понимать, что происходитъ вокругъ нея. Знала только, что совершила надъ собою непоправимое насиліе и, стиснувъ зубы, нѣмѣя, думала о Кириллѣ, о его письмѣ, въ которомъ, можетъ быть, онъ звалъ ее къ себѣ.

Выяснилось, что отрядъ задерживаютъ въ Новороссійскѣ на неопредѣленное время. Поговаривали, будто

одинъ изъ близкихъ къ главнокомандующему генераловъ противится посылкѣ офицерскаго подкрѣпленія адмиралу Колчаку.

— Москву должны взять мы.

Въ сочельникъ сходили въ церковь, переполненную настолько, что нельзя было зажечь свѣчу. Въ офицерской столовой подали рыбы и кутью съ черносливомъ. Вино здѣсь было воспрещено, но всетаки принесли бутылку, — ее спрятали подъ столомъ и наливали въ чашки.

— Дай Боже и на тотъ годъ тоже! сказалъ Андрей Ильичъ.

— Не дай Богъ! воскликнула Вѣра.

Въ этотъ вечеръ прибыли поѣзда изъ Ростова, набитые обмерзшими, перепуганными людьми, уже видѣвшими красные разъѣзды, побывавшими подъ обстрѣломъ.

Налетѣлъ нордъ остъ. Въ улицахъ шелъ свистъ, дребезжали окна, у людей вырывало изъ рукъ ношу, сбивало съ ногъ. Въ бухтѣ все скрипѣло, все качалось, вода взметалась бѣлыми фонтанами и разсыпалась крупнымъ градомъ. Ненадолго пошелъ снѣгъ, мокрый и колющій. И снова все засіяло, вѣтеръ весело буйствовалъ, падалъ въ море, бился въ горахъ и не могъ разогнать плотныхъ, бѣлыхъ и фіолетовыхъ, облаковъ. Когда немного стихло, ходили смотрѣть прибившихся стадами дикихъ утокъ, которыхъ охотники ловили чуть не голыми руками.

— Вотъ и насъ тутъ всѣхъ такъ переловятъ, говорилъ Андрей.

Вѣра не отвѣчала. Въ ней происходило нѣчто сложное и даже напоминающее мышленіе. Она исходила изъ школьныхъ упражненій: природа и человѣкъ. Да, и они походили

на этихъ утокъ. Но не большевики были страшны — вся жизнь превратилась въ стихію, людей несло, сметало, и ничья единичная воля не могла задержать этого движенія. Мысль скользила.

— Какое же можетъ быть личное счастье въ такую эпоху?

Цѣлыми днями приходилось быть на людяхъ; разговаривали мало, неестественно, чтобы никто не услышалъ, не понялъ. Это раздражало и утомляло. Безпричинно подступали слезы. Вѣра не умѣла объяснить своего состоянія, одинъ только крикъ поднимался въ ней.

— Не могу, не могу!

Послѣ одного изъ дежурствъ, Андрей Ильичъ вернулся встревоженный: онъ переспалъ въ караулкѣ и боялся насѣкомыхъ. Вѣра согрѣла ему воды, дала чистое бѣлье.

— Успокойся же, ты отъ мнительности захвораешь.

— Нѣтъ, у меня предчувствіе.

Онъ заболѣлъ сыпнякомъ и былъ тотчасъ отправленъ въ госпиталь. Въ палатѣ лежало шестьдесятъ человѣкъ; немолодая, опытная сестра сбилась съ ногъ. Не хватало бѣлья, кроватей; многихъ больныхъ клали прямо на полъ.

— Не сидите вы на постели, говорила Вѣрѣ сестра: — вши кругомъ.

Но она всетаки сидѣла, держала руку мужа, поила его съ ложки. Онъ бредилъ, никого не узнавалъ, — но, очевидно, чувствовалъ ея присутствіе и стихалъ. Онъ невѣроятно исхудалъ; рубаха его была всегда распахнута, и Вѣра видѣла обтянутыя ребра, провалившійся животъ, блѣдно желтую кожу. Его обрили, но черезъ нѣсколько

дней голова почернѣла и начала колоться. Невѣдомая до сихъ поръ, чисто физическая жалость возникала у Вѣры при видѣ этой безпомощной, точно незнакомой, головы, измученнаго тѣла. По женски, Вѣра не понимала въ другомъ человѣкѣ душевнаго страданія, но на тѣлесное отзывалась всѣмъ своимъ существомъ.

Въ общежитіи на нее косились, иногда кто нибудь за одѣяломъ вслухъ говорилъ о «нѣкоторыхъ, которые разносятъ заразу». Вѣра скрывала свои посѣщенія лазарета, но ей не вѣрили. Отрядъ начинали расформировывать; женщины, не зная, куда отправятъ мужей и что будетъ съ ними, вымѣщали другъ на другѣ свое безпокойство.

Андрей Ильичъ пришелъ въ себя. Онъ жаловался на боли въ ногахъ, капризничалъ, ѣлъ съ утра до вечера. Вѣра выпрашивала по комитетамъ сгущенное молоко, компоты. На чужомъ примусѣ варила ему бульонъ. Англійскій офицеръ — вѣроятно, изъ состраданія — купилъ у нея споротый съ пальто мѣхъ и шапочку.

Общежитіе опустѣло. Отрядъ готовился выступить на фронтъ; женщинъ и дѣтей эвакуировали въ Константинополь. Вѣра и еще двѣ дамы, самыя молодыя, заявили, что безъ мужей никуда не выѣдутъ.

Былъ солнечный, мартовскій полдень, когда Андрею Ильичу разрѣшили прогулку и онъ, на костыляхъ, выползъ съ Вѣрой въ городской садъ. Снялъ фуражку, оглядывался по сторонамъ и походилъ на неоперившагося, любопытнаго птенца. Улыбаясь горамъ, шлифованнымъ камушкамъ аллеи, мелкой, яркой травѣ, небу онъ тихонько повторялъ:

— Весна, весна.

— На сѣверѣ снѣгъ еще.

— Да, а у насъ уже стаяло.

Съ неожиданной красочностью представила себѣ Вѣра дибривскія поля, тополь, побурѣвшую, ощетинившуюся ежикомъ крышу. Онуфрій съ посинѣвшими руками и уже босой вертится по двору. Свекоръ, натомившись бездѣльемъ, строгаетъ въ сараѣ. Анна Трофимовна — жива ли еще ?— осторожно вытягиваетъ ухватомъ топленое молоко. Коровы вышли изъ хлѣва и, широко разставивъ ноги, вытягиваютъ морды и нюхаютъ то талую кучу навоза, то великопостный, смиренный и веселящій воздухъ.

Потѣетъ, вздыхаетъ, исходитъ соками земля — и люди приноровляютъ къ ея срокамъ свою жизнь, свой бездумный и мудрый трудъ.

Вѣра прижалась къ плечу мужа.

— Андрей, милый, какъ я устала!

— Бѣдная моя, ну вотъ я выздоровѣлъ, все пойдетъ хорошо. Уѣду на поправку.

— Господи, если бы можно было къ вашимъ. Такъ хочется тишины! Поѣдемъ туда! Милый, милый Андрей, уѣдемъ на хуторъ.

Онъ отодвинулъ костыли, взялъ ея руки.

— Ну, чего же ты плачешь? Я съ тобой, я здоровъ — конечно, уѣдемъ.

Откуда то издали доносился глухой гулъ канонады.

Черезъ три дня красные вступали въ Новороссійскъ.

Часть вторая.

ЗА РУБЕЖОМЪ.

I

Скоро услы - ыши мя, услы...

— Тенора, тенора, куда поѣхали!

Регентъ постучалъ по пюпитру и, бросившись къ тенорамъ, началъ отыскивать въ нотной тетради нужный тактъ.

— Егорушка, это вы тамъ путаете, сказала Вѣра: ну, въ самомъ дѣлѣ, не задерживайте.

— Съ начала, господа.

Вѣра изъ за нотъ слѣдила за Валентиномъ Остхеймъ. Опустивъ длинные глаза, онъ манерно сложилъ губы.

Господи, услыши моли - и - тву мою.

На спѣвки добровольнаго церковнаго хора, въ помѣщеніе приходской школы, какъ въ клубъ, собиралась вся молодежь русской колоніи.

Не успѣли сложить ноты, какъ Остхеймъ усѣлся за рояль и, поводя плечами, заколотилъ:

Мы только негры, мы только негры.

Вѣра и Леночка Сергѣева, обнявшись, приплясывая, подхватили:

Страсть на - амъ волнуетъ кровь.

Тотъ, кого называли Егорушкой, наступалъ на нихъ. требовательно картавя:

Дайте намъ г-гучку дайте намъ сегце.

Безъ паузы Остхеймъ перешелъ на другую мелодію.

Опустилъ разомъ ставшее серьезнымъ лицо, не то сосредотачиваясь на клавишахъ, не то любуясь переливами хризолита на своемъ перстнѣ.

Вѣра облокотилась на откинутую крышку рояля, жадно радуясь звукамъ. Нетерпѣливо, капризно Валентинъ качнулъ головою и заигралъ Вертинскаго.

Кто вамъ цѣлуетъ пальцы?

Поднялъ глаза, и мгновеніе внимательно смотрѣлъ въ лицо Вѣры. Загораясь, она мысленно отвѣтила:

— Никто! Милый, никто.

Егоръ Шуйскій сказалъ вполголоса:

— Вѣра, я жду «ночи».

— Не говорите двусмысленностей, Егорушка, а то я вовсе не стану пѣть и уйду домой. Она отвѣтила намѣренно громко, чтобы Остхейму было слышно.

Онъ отозвался:

— Не отпустимъ. Вы должны спѣть, потомъ мы васъ проводимъ.

— Всегда «мы», подумала Вѣра.

— И Чайковскаго, и Рубинштейна. Я ужасно люблю у васъ низкія ноты.

Валентинъ зналъ, что ему не откажутъ. И Вѣра находила скрытую радость въ этомъ послушаніи на глазахъ у всѣхъ, въ томъ, какъ онъ угадывалъ аккомпаниментъ, какъ вскакивалъ и цѣловалъ ея руку, едва она смолкала.

Разошлись около полуночи, напѣвая, перекликаясь, наполняя звономъ шаговъ лунный дворъ, на который четкимъ ромбомъ ложилась тѣнь низкой, длинной церкви.

Вѣра жила поблизости. Шли медленно, чтобы растянуть прогулку, долго прощались и стояли на углу, не до-

ходя до самаго дома. Валентинъ говорилъ о поѣздкѣ по провинціи съ концертами. Вѣра, слушая, ждала его привычнаго привѣтствія.

— Ну, красивыхъ сновъ.

И, волнуясь, ждала прикосновенія его руки. Она сначала прощалась съ Егоромъ — ласково, дружески. Валентинъ — сегодня, какъ и всегда, быстро пожалъ ея пальцы, точно скользнулъ по нимъ.

Калитка изнутри была приткнута камнемъ. Перегнувшись, Вѣра отодвинула его и негромко сказала:

— Это я, Путо. Спи.

Ворчливый песъ, звякнувъ цѣпью и нѣсколько разъ стукнувшись о стѣнки конуры улегся и смолкъ.

Вѣра зажгла свѣчу, подняла ее надъ головою и осмотрѣла себя въ зеркало. Почти прижалась къ нему лбомъ и, теряя свои черты въ тепловатомъ, влажномъ облачкѣ, выговорила:

— Милый! Ну, милый же.

Легла и почувствовала, что лицо расплывается въ счастливую улыбку, — такъ въ дѣтствѣ случалось ей засыпать въ неомраченной радости.

Однако, заснула она не сразу. Улыбка перешла въ нервный, щекочущій смѣхъ, все тѣло горѣло, и казалось, что снизу, черезъ подушку, ее пронизываютъ чьи то глаза. Она поворачивалась — ощущеніе чужого взгляда на затылкѣ не прекращалось. Вѣра не сомнѣвалась, что въ это самое время Валентинъ думаетъ о ней.

За два съ лишнимъ года, съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра потеряла изъ виду мужа, она жила въ строгомъ одино-

чествѣ, — если не считать дружески шутливой, хотя всегда волнующей, возни съ Егоромъ.

Въ горлѣ дѣлалась легкая спазма, и сердце начало отбивать ровными, но нестерпимо сильными ударами. Здоровье Вѣры пошатнулось: случались головныя боли, сердцебіенія, ноги ломило. Она приписывала это послѣдствіямъ сыпняка, — заразилась она, конечно, еще въ Новороссійскѣ, отъ Андрея.

Вѣра легла на правый бокъ. Сердце затихало, но зато теперь заклубились воспоминанія. По непонятному ей закону начинались они всегда съ одной и той же сцены и разворачивались до одного и того же момента съ неослабѣвающей вопреки сроку ясностью; казалось даже, что иныя подробности выступаютъ только во времени.

Вотъ напримѣръ, она ярко видитъ коричневое, въ черную — наискось — полоску пальто сестры милосердія, прожженный папиросой уголъ ея черной косынки. Помнитъ интонаціи рѣзкаго, надрывающагося отъ усталости голоса.

— Что вы таскаете больного? Мы эвакуируемъ лазаретъ. Поручикъ, надѣвайте все, что имѣете. Не могу я волочить на себѣ ваши монатки.

Вѣра кинулась съ Андреемъ въ палату, уже опустошенную, засоренную соломой изъ наспѣхъ вытряхиваемыхъ тюфяковъ, сваленными въ уголъ желѣзками отъ кроватей, банками, посудой. Двери были раскрыты настежъ, солдаты безтолково сновали по лѣстницѣ, тащили на грузовикъ аптеку, а сверху наваливали табуреты. Молодой парень добросовѣстно подбиралъ забытое на ночныхъ столикахъ.

— А это куда лекарство? приставалъ онъ къ распоряжавшемуся санитару.

— Бросай къ чорту, — мочу спасаетъ!

Парень, подумавъ, бросилъ бутылку, она разбилась, и жидкость побѣжала по полу.

Раненые и больные, какъ могли, одѣвались, заворачивались въ башлыки и одѣяла, помогали другъ другу. Среди палаты, на одиноко выступающей, нечистой кровати бредилъ тифозный. Его бросали и ка́къ будто бы радовались этому — словно именно онъ былъ источникомъ заразы, причиной страданій и безпомощнаго страха.

— Бѣги скорѣе, Вѣруся, возьми, что можешь, изъ вещей — и прямо на молъ. Врядъ ли тебя пустятъ съ лазаретомъ, — устраивайся куда попало — тамъ разыщемъ другъ друга.

Мужъ на лету поцѣловалъ ее.

Выбѣгая на улицу, поскользнувшись, Вѣра оглянулась и увидала Андрея. Онъ махнулъ рукою и что то крикнулъ, но останавливаться или возвращаться было некогда.

— Андрей, несчастный ты мой! Приподнявшись, Вѣра перекрестилась и сказала: Господи, сохрани его, если живъ. Господи, спаси душу его, если уме́ръ.

Она заснула въ слезахъ, думая о мужѣ и настолько забывая себя, что даже раскаяніе за чувство къ Остхейму ее не смущало.

Проснулась она рано и нѣсколько минутъ лежала безъ движенія, жмуря правый глазъ, вся теплая, но блѣдная, вялая и отекшая. Вставать было лѣнь, и она снова закрыла глаза и потерлась лбомъ о подушку, чтобы отодвинуть щекочущія пряди. Въ ея движеніи была та очаровательная

ребячливость, которую придаютъ молодымъ женщинамъ стриженные волосы. Вѣра, однако, жалѣла свои косы, сбритыя въ болѣзни и даже не сохранившіяся на память.

Она прислушалась къ шагамъ и низкому голосу хозяйки, встала и, накинувъ ситцевое платье, вышла съ кувшиномъ къ водопроводу.

Утренній бѣлесый блескъ заволакивалъ узкій каменистый дворъ, некрашеное и ветхое, но сверкающее бѣлизной крылечко. Радмила Перичъ, ея хозяйка, плела чулокъ. По началу она величала Вѣру госпожей, но вскорѣ отношенія упростились, и онѣ звали другъ друга «бабушка» и «мой сынокъ».

Вѣра стряпала дома, — и старуха, негодуя на ея дурной вкусъ и неумѣлость, подсыпала въ ея кастрюльку то чесноку, то краснаго перцу. Онѣ дружили, но чувство легкаго недоумѣнія, возникшее при первомъ знакомствѣ, такъ и не разсѣялось... Госпожѣ Радмилѣ было диковинно, что молодая женщина очутилась одна въ чужой странѣ, что она сама зарабатываетъ, что въ гости къ ней — и безъ всякаго худа — ходятъ мужчины. Вѣра со своей стороны считалась съ укладомъ чужого монастыря — и боялась возвратиться домой позже полуночи, а когда Егорушка или Валентинъ заходили къ ней — неизмѣнно оставляла двери растворенными.

Уборка комнаты шла быстро; Вѣра втянулась въ мѣстные порядки, ежедневно трясла ковры и скатерти и подтирала полъ мокрой тряпкой. Захвативъ работу, она вышла на крылечко: подрубала сквозной строчкою чье то будущее бѣлье, то грубое, то изъ тонкаго полотна. Она даже находила удовлетвореніе въ этихъ ясныхъ часахъ, въ

радужномъ, неизвѣстно гдѣ преломившемся, лучѣ на своихъ рукахъ, въ неволнующихъ, долгихъ разсказахъ хозяйки. Вотъ скоро полы выкрасятъ — а въ ея время все дерево было бѣлое, щетокъ не водилось — терли пескомъ У сосѣдки забѣжалъ поросенокъ. А старикъ вовсе не цѣлый день сидитъ въ лавочкѣ: бросаетъ ее на мальчишку и отправляется къ прачкѣ, даже посылалъ ей рису.

Кажется страннымъ и невѣроятнымъ, что старуха ревнуетъ, а она, набрасывая петли, продолжаетъ свои женскія жалобы.

Все становится призрачнымъ: старуха журчитъ, воркуютъ бѣлые голуби, то переливая гортанные звуки, то давясь ими; розовые вѣрины пальцы качаются надъ работой, а вмѣсто мыслей пріоткрываются то звуки, то картины.

Вукосава, красивая, веселая старуха, зашла провѣдать куму. Смѣялась, утирая губы обвисающимъ рукавомъ черной шелковой кофты; шептала, оглядываясь и качая головою. Тугія, синеватыя косы во много разъ окружали сѣдой проборъ.

Напились чернаго кофе, закурили. Вѣра отказалась отъ папиросы. Гостья усмѣхнулась.

— Ишь, молодая, боится, чтобы изо рту табакомъ не пахло, — милый не поцѣлуетъ.

— Цѣловать то некому, отвѣтила Вѣра и удивилась невольной горечи своего тона.

— Надо, чтобы кто нибудь былъ.

Хозяйка вступилась.

— Ну, чего ты ее, кума, смущаешь? У нея, можетъ, мужъ живой — только разыскать нельзя. Тамъ у нихъ власть, какъ наша была, турецкая. Всѣ бѣжали: и молодые,

и старые, — а мужъ у нея больной былъ, такъ она — какъ это, сынокъ?

И Вѣра въ безчисленный разъ принялась объяснять, какъ она упросила англичанъ взять ее на пароходъ, а мужа разсчитывала встрѣтить въ Константинополѣ. Въ дорогѣ заболѣла тифомъ и пришла въ себя только на Принцевыхъ островахъ. Искала мужа и въ Царьградѣ — тамъ познакомилась съ Егоромъ — и въ Болгаріи, и въ Греціи, но такъ и не напала на его слѣдъ. Перебивалась шитьемъ, пѣніемъ въ кабакахъ, подавала въ столовыхъ... А онъ, очевидно, такъ и не выѣхалъ и — Богъ знаетъ — живъ ли, или разстрѣлянъ, или удалось ему пробраться къ родителямъ. Даже письма написать она не смѣетъ, чтобы не выдать его, если онъ скрывается.

Женщины примолкли; отложенная въ сторону папироса гостьи незамѣтно сгорѣла и лежала хрупкимъ сѣрымъ столбикомъ. Голуби любовно сѣтовали — ихъ ритмическій стонъ неожиданно напомнилъ Вѣрѣ ночныхъ лягушекъ на Дибривѣ, гулкіе отзвуки удаляющейся пѣсни дивчатъ. Она махнула рукой и, дважды повторивъ случайное послѣднее слово, разрыдалась.

Старухи бросились утѣшать ее, гладили мягкіе волосы, предлагали выпить ракіи.

— Легкое ли дѣло — ни вдова, ни дѣвушка.

Жизнь городка опредѣлялась тремя фабричными гудками. Съ послѣднимъ Вѣра начинала всматриваться и поджидать Егора: какъ и большинство русскихъ, онъ работалъ на лѣсопилкѣ.

Было ясно и мягко, несмотря на облачность. Закатъ растекся ровнымъ золотомъ, ограничивая вдали, надъ рощей, сиреневый треугольникъ, въ которомъ, какъ тихія волны озера, струились свѣтло оливковыя краски.

Егорушку было видно издали: защитная гимнастерка, туго подтянутая ремешкомъ, длинные брюки въ полоску. Покупкой этихъ брюкъ начиналось постепенное пріобрѣтеніе штатскаго платья. Егоръ разсчитывалъ, что они пойдутъ и къ вечернему костюму, стоитъ только собрать на черный пиджакъ. Онъ шелъ легкой, военной походкой и несъ на плечѣ обрѣзки досокъ. Часть ихъ отдавалъ Вѣрѣ, остальное копилъ у себя къ холодамъ.

Госпожа Радмила, недолюбливавшая Остхейма, къ Егорушкѣ питала расположеніе. Онъ смѣшилъ ее, нарочно коверкая сербскія слова.

— Вотъ, Вѣра наша сегодня плакала, пожаловалась она.

Егорушка дернулъ носомъ.

— Скажите мнѣ, прекрасная фея, чего вамъ не хватаетъ? Ну, наполните себя моей любовью.

Вѣра улыбнулась.

— Вы все дурите, Егорушка.

— Какое тамъ дурашество! Легко вамъ мнѣ не вѣрить. И вообще чужая душа — ракъ съ клешней.

Егоръ всегда тасовалъ пословицы и, подчеркивая, употреблялъ народныя словечки.

— Это моя священная обязанность. Недаромъ же я родился во времена черносотенныя и вмѣсто того, чтобы быть Жоржемъ, нареченъ Егоріемъ.

Егорушка сложилъ доски въ сараѣ, отряхнулся и дѣловито спросилъ:

— Мережку кончили? Можетъ, я повышиваю? Я умѣю, — я даже петли самъ выметывалъ.

— Видѣла!

Дѣйствительно, пока Вѣра не вмѣшалась, Егоръ самъ старался надъ косыми дырками своей гимнастерки, ловко вытягивая длинную нитку и зажимая въ кулакѣ толстую иглу.

— Слушайте, прекрасная, я за вами вечеромъ забѣгу: посидимъ въ кафе, гдѣ наша ни пропадала. Остхеймъ играетъ. Леночка прійдетъ, — подразнимъ этихъ вашихъ сербосовъ.

«Сербосы» были по части Леночки. Она жестоко съ ними кокетничала, назначала свиданія и даже цѣловалась, — но вдругъ, надвигая шапочку на правый бокъ, говорила:

— Ну ихъ всѣхъ къ чорту. Мой Лапушка лучше всѣхъ.

Однако, со своимъ Лапушкой — Василіемъ Петровичемъ, преподававшимъ математику въ мѣстной гимназіи, никуда не показывалась. Она и хозяйничала не плохо, и платья свои перешивала собственноручно, но такой ужъ разъ навсегда взяла тонъ передъ посторонними, — какъ будто стыдилась и скрывала свою любовь къ мужу.

Леночка окончила харьковскій институтъ и недоумѣвала, какъ это, зная всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ, она не слыхала о Бондаренко. Мысль о томъ, что мужемъ Вѣры могъ быть не дворянинъ, не приходила ей въ голову. Вѣра смущалась создавшимся ложнымъ положеніемъ, но храбрости у нея не хватало сказать правду.

Дядя Леночки, врачъ, служилъ въ Македоніи еще со

временъ балканской войны и поддерживалъ переписку съ Россіей. Леночка предлагала навести справки черезъ него — но Вѣра въ испугѣ отказывалась. Бранила и презирала себя, но сознавала, что судьба рѣшительно и правильно распорядилась ея семейной жизнью. Такъ лучше. Она искренно безпокоилась объ Андреѣ, часто о немъ тосковала — но и въ самой тоскѣ больше всего было простой потребности въ защитѣ и ласкѣ. Иногда пыталась она вообразить себѣ, что Андрей находится здѣсь, около нея, — но развѣ осмѣлилась бы она при немъ такъ вольно дружить съ Егоромъ, даже пѣть. Чувство облегченія и свободы просыпались въ ней. Мутью остались въ душѣ болѣзненныя, ревнивыя ласки мужа. Было радостно засыпать одной, приложивъ къ щекѣ правую руку, которой только что касались пальцы Остхейма.

Леночка уже сидѣла въ саду, пила вино и то подкрашивала губы, то подправляла черные локоны, низко свисавшіе изъ подъ бѣлой, широкополой шляпы. Кафе выходило на липовую аллею, ведущую черезъ весь городъ, прямую, душистую, съ низко подвѣшенными посрединѣ яркими фонарями, желтѣющими и теряющимися вдали, гдѣ аллея какъ бы замыкалась гротомъ.

Адвокатъ и двое офицеровъ передразнивали Леночку: она что то разсказывала, жестикулируя и мѣшая сербскія и русскія слова. Вѣру встрѣтили съ радушной серьезностью: любовались ею, но знали, что она строга, главное же — предполагали у нея романъ съ Остхеймомъ.

Разъ въ недѣлю въ кафе выступало музыкальное тріо. Валентинъ сидѣлъ за роялемъ и оттуда закивалъ головою.

— Какой онъ всетаки красивый, замѣтила Вѣра, стараясь изображать безпристрастность.

— Съ футуристинкой, добавила Леночка.

Это было мѣтко: въ лицѣ Остхейма было, дѣйствительно, нѣчто кубическое. Двѣ основныя линіи — прямая, точно высѣченная — лба и носа, и чуть скошенная — къ выдающемуся подбородку. Глаза блестѣли, некрупный ротъ былъ оченьярокъ: Леночка увѣряла, что онъ подмазывается. Удивительнѣе всего, что большая лысина его не только не портила, но даже придавала что то дѣтское его, и безъ того юному, лицу.

Віолончель и скрипка смолкли. Остхеймъ игралъ одинъ, крѣпко сжавъ губы и опуская голову. Восточная мелодія чувственными жалобами наполняла садъ и, казалось, отъ нея надъ фонаремъ дрожали листья съ просвѣчивающими жилками и собирались мохнатыя, тяжелыя бабочки. Ни о чемъ не думая, отдаваясь звукамъ, Вѣра смотрѣла прямо передъ собою — и не замѣчала, что взглядъ ея остановился на лицѣ адвоката. Она опустила рѣсницы, уронила голову назадъ, — и мужчина, настораживаясь, наклонился къ ней черезъ столъ.

Леночка приглушенно и разсыпчато смѣялась, Егоръ чуть слышно насвистывалъ — и у Вѣры закипали слезы, безпричинная тоска и ухарство, и приливъ силъ, которыя надо было сейчасъ, немедленно куда то излить.

Она обернулась на Остхейма, но вмѣсто его сѣрыхъ глазъ вдругъ увидѣла иные, когда то блеснувшіе въ лиловой темнотѣ ея таганрогской комнаты. Все пустое — только тѣмъ и милъ ей этотъ мальчикъ, что напоминаетъ прошлое. Если бы сейчасъ, когда она свободна, удалось

встрѣтиться!.. Снова взглянула, — но на этотъ разъ не нашла въ невысокой, съ женственно покатыми плечами фигурѣ Остхейма никакого сходства съ Кирилломъ.

Полутона высочайшихъ нотъ все колдовали — и Вѣра закрыла глаза, наслаждаясь и терзая себя двойственностью милаго образа.

II

— Отчего васъ не было видно?

— Я уѣзжалъ съ Османъ - бекомъ въ его имѣніе.

Остхеймъ давалъ уроки музыки, съ бекомъ же его связывала дружба.

— А сестры его тоже уѣзжали?

— Да, старшая, Райфэ.

Вѣра опустила глаза.

— Она хорошенькая?

— Прелесть, и настоящій турецкій типъ, — они вѣдь не здѣшніе магометанскіе славяне.

Вдали Леночка хохотала и кричала.

— Не отставайте. Я грибъ нашла.

Егоръ перекрикнулъ ее.

— Мухоморъ!

Поддаваясь ихъ веселью, Вѣра протянула руку Остхейму.

— Побѣжимте. И на ходу оборачивалась и смотрѣла, какъ его нѣжное лицо заливается ровной краской.

У опушки Егоръ, бросившись имъ навстрѣчу, схвативъ Вѣру за талію, закружилъ ее и уронилъ въ траву.

Леночка, опустившись на колѣни, надѣла на Вѣру вѣнокъ.

Валентинъ вытянулся и заявилъ, что не желаетъ больше двигаться.

Егорушка сказалъ съ сожалѣніемъ.

— Эхъ, васъ бы ко мнѣ въ полчокъ.

Остхеймъ приподнялся на локтяхъ, захватилъ зубами сухой стебелекъ и, смѣясь, его покусывалъ. Вѣра жаловалась на усталость.

— Бросайте этихъ калѣкъ, приказала Леночка и побѣжала въ рощу. Пріостановившись за первымъ же деревомъ, она протянула Егору губы: — Мы безъ дипломатіи, правда?

Онъ расцѣловалъ ея личико, шею и съ ревнивой обидой сказалъ:

— Тотъ дуракъ все равно съ мѣста не двинется.

— Вамъ Вѣру жалко или случая?

— И того, и другого.

Егоръ увѣрялъ, что возьметъ да и женится на богатой сербкѣ — но пока что, — легкой, откровенной, шаловливой влюбленностью былъ влюбленъ въ обѣихъ подругъ.

Леночка задумчиво спросила.

— Отчего у нихъ все это не клеится? Или хорошо скрываютъ?

Егоръ промолчалъ.

Тоже самое думала въ это время Вѣра, тайкомъ изучавшая лицо своего спутника. Онъ вытащилъ изъ кармана красный шелковый платокъ и повязалъ его на подобіе египетскаго головного убора. По странному капризу вкуса, этотъ давно обрусѣвшій шведскій графъ болѣзненно тяготѣлъ ко всему восточному.

Титулъ Остхейма крайне раздражалъ Леночку.

— Какой онъ графъ, — разъ его предокъ принялъ русское подданство, онъ уже потерялъ титулъ, а получилъ только потомственное дворянство. Ужъ передъ нами то во всякомъ случаѣ это нелѣпо, — кое что и мы смыслимъ.

— Леночка, приставалъ Егоръ. «Смыслить» происходитъ отъ мысли или отъ безсмыслицы?

Большимъ и безыменнымъ пальцами Вѣра одергивала цвѣтъ богородицыныхъ слезокъ. Какъ дѣти задумываютъ: курочка или пѣтушокъ, такъ она загадывала:

— Любитъ, не любитъ?

Вѣнокъ опустился ей на глаза. Поправляя его, она замѣтила, что Валентинъ смотритъ на ея плечи: пуговица разстегнулась, и часть груди и плечо мягко бѣлѣли за желтоватой полоской загара. Покраснѣвъ, Вѣра хотѣла застегнуться.

— Оставь, такъ красиво — неожиданно на ты сказалъ Остхеймъ, дѣлая легкое движеніе.

Они снова смолкли. Съ бьющимся сердцемъ Вѣра послушно лежала подъ его взглядомъ. Ольха зашумѣла надъ ними, крикнула и пронеслась птица; далеко, въ полѣ, горловой женскій голосъ выводилъ:

Милая, милая,
Не люби другого....

Егоръ и Леночка показались изъ за кустовъ. Она держала въ зубахъ шпильки и поправляла прическу.

— Какъ вамъ идутъ распущенные волосы, замѣтилъ Остхеймъ.

— Что вы въ этомъ дѣлѣ понимаете, — все равно ни на какое сильчое чувство не способны.

Искоса бросивъ взглядъ на Вѣру, онъ возразилъ:

— Какъ знать!

Леночка усѣлась и, перебирая примявшійся букетъ, спросила:

— А вы даже цвѣтовъ не набрали?

Валентинъ усмѣхнулся, прикусилъ нижнюю губу, сощурилъ глаза.

— Я не признаю полевыхъ цвѣтовъ, — зато оранжерейные обожаю.

Егоръ досадливо и съ неожиданной гадливостью мотнулъ головою.

Подъ вечеръ большой компаніей отправились за городъ, въ сѣрныя ванны. Вѣра зашла за Леночкой, жившей за мостомъ, въ мусульманской части города. Миновала крытый рынокъ, обогнула большую новую мечеть, гдѣ мужчины у фонтана отдыхали за чашкою чернаго кофе, и на минаретѣ которой по ночамъ звѣздою горѣла лампочка, освѣщая арку узкой двери.

Леночка, подвязавъ пестрый передникъ, мыла посуду и вертѣлась по комнатѣ, ловко прихлопывая пятками спадавшіе съ ногъ шлепанцы мужа. Василій Петровичъ лежа курилъ. Леночка, отрываясь отъ работы, разставляла въ стороны мокрыя руки съ растопыренными пальцами, цѣловала его и безъ умолку щебетала: о себѣ, о Егорѣ — хорошо, что онъ попросту обнимается, а не разыгрываетъ чувствъ, о Вѣрѣ съ Валентиномъ.

— Тебѣ ее жаль, Лапушка?

Василій Петровичъ, наполненный синусами, отдыхалъ на ея болтовнѣ, чувствуя себя старикомъ — несмотря на молодые годы — рядомъ съ этимъ хорошенькимъ, избалованнымъ дикаремъ. Нерѣдко его упрекали за потворство

выходкамъ жены — но онъ любилъ въ ней именно эту беззлобную непосредственность.

Дома становились все рѣже, — длиннѣе и гуще фруктовые сады. На заповѣдномъ кладбищѣ разрослась оливковая роща — мальчишки, по ночамъ, собирали плоды. Пыль мягко разсыпалась подъ ногами.

Остхеймъ предложилъ Вѣрѣ руку: въ городѣ это было не принято, но здѣсь можно было не стѣсняться. Они подходили къ деревушкѣ Горнему Шехеру. Уже открылось передъ ними ущелье и рѣка, пѣнящаяся и быстрая, деревянный мостъ и маленькія кофейни съ висячими карбитными лампами.

Изъ за поворота показалась высокая, полузакрытая турецкая коляска. Остхеймъ быстро выпустилъ вѣрину руку и поклонился. Османъ бекъ, улыбаясь, поманилъ его. Вѣрѣ показалось, что его круглые, томные глаза недружелюбно остановились на ней. У Валентина были торопливые и смущенные жесты. Вѣрѣ подумалось: неужели онъ заискиваетъ передъ богачемъ?

Бекъ проѣхалъ. Они продолжали прогулку, но Валентинъ не то загрустилъ, не то задумался и молча шагалъ рядомъ съ Василіемъ Петровичемъ своей своеобразной, покачивающейся походкой.

Въ бассейнѣ Леночка расшалилась; ныряла, становилась на ступеньки въ позѣ летящаго ангела. Быстро устала и захотѣла спать. На обратномъ пути она висла на рукѣ мужа и ребячливо вздыхала и жаловалась.

Вѣра чувствовала теплоту и легкость во всемъ тѣлѣ. Она какъ бы раздѣлилась на двое — и безъ мыслей шла

около самой себя въ необъяснимомъ настроеніи ґрустнаго и примиреннаго одиночества.

Въ субботу, съ вечернимъ поѣздомъ, въ Банью Луку пріѣхалъ на нѣсколько дней старый другъ Егора, Иванъ Ивановичъ Ивановъ по прозвищу Иванъ Третьестепенный или Меценатъ.

— Почему Меценатъ? удивилась Вѣра.

— Очень ужъ онъ солдатъ берегъ, которые хорошо пѣли, а съ нами — если у кого была охота — высшей математикой занимался.

— Онъ изъ студентовъ?

— Да. А можетъ быть, уже инженеръ. Я не очень знаю. Онъ такой — безъ біографіи.

Меценатъ былъ средняго роста, густоволосъ и въ круглыхъ очкахъ.

Пришелъ въ церковь, перезнакомился съ хоромъ и, послѣ богослуженія, долго хвалилъ и простодушно радовался.

— Вы религіозны? привѣтливо спросила Вѣра.

Онъ шутливо отозвался.

— Люблю Господа Бога.

Меценату показывали городъ. Мусульманская часть, наиболѣе живописная, ему понравилась мало.

— Это все устарѣвшія формы.

Остхеймъ съ насмѣшкой замѣтилъ:

— Вотъ не ожидалъ встрѣтить модерниста.

Тотъ отвѣтилъ безо всякой обиды:

— Вы меня не поняли. Я думаю, что здѣсь уже изжито все содержаніе.

Валентинъ, уклоняясь отъ спора, завелъ фальцетомъ восточную пѣсенку.

Леночка немножко скучала. Присмотрѣлась сбоку къ черепаховымъ очкамъ и вдругъ крикнула:

— Я бѣгомъ. Кто меня поймаетъ?

И помчалась, мелькая каблуками, придерживая широкое голубое платье. Меценатъ первый бросился за ней. Когда они остановились, держась за руки, задыхаясь, Леночка одобрительно произнесла:

— Вы, оказывается, человѣкъ. Это хорошо.

Онъ смѣялся.

— А вы чего боялись?

— Профессора.

Егоръ пропустилъ день на лѣсопилкѣ и повелъ пріятеля за городъ. Вѣра тоже отложила работу и увязалась съ ними.

Пошли къ монастырю трапистовъ — издали виднѣлись бѣлыя строенія принадлежащихъ ему электрической станціи и санаторіи, почти пустующей и разворованной послѣ перемирія. Попадавшіеся навстрѣчу монахи въ рыжихъ власяницахъ, подпоясанные веревками, молча кланялись. На телѣгѣ, запряженной парою рослыхъ, лоснящихся коней, проѣхалъ краснощекій толстякъ — точно съ картинъ — классическій ключарь или отецъ экономъ.

— Слушайте, друзья мои, надо покушать, предложилъ Третьестепенный. Завели къ трапистамъ, такъ угощайте сыромъ.

Привратница провела ихъ въ чистую комнату, гдѣ посрединѣ стоялъ большой столъ, въ углу кровать, покрытая краснымъ покрываломъ; по стѣнамъ, вокругъ Распятія, красовались семейныя фотографіи. Привѣтливая дѣвочка подро-

стокъ накрыла на столъ, попросила обождать, пока сварится кофе и убѣжала, мотнувъ длинной косою.

Вѣра наблюдала новаго знакомаго. Онъ глубоко сѣлъ въ деревянное кресло, вытянулъ руки и ноги, закрылъ глаза, на мгновеніе напрягъ все тѣло; потомъ разомъ опустилъ мускулы и взглянулъ на нее спокойно и дружелюбно.

— Ну вотъ и отдохнулъ.

Непосѣдливый Егоръ открылъ зеленый плюшевый альбомъ, разсмотрѣлъ дипломъ рукодѣльной школы, висѣвшій подъ стекломъ и сунулся въ сосѣднюю дверь.

— Слушайте, тутъ сливки настаиваются, и яблоки, и всякая снѣдь. Давайте стащимъ.

— Егорушка, не озорничайте, еще войдутъ, подумаютъ, что вы въ серьезъ, увѣщевала Вѣра.

— Конечно, серьезно. Помнишь, Иванъ, какъ мы въ Екатеринославской губерніи у бабы курицу стянули?

Вѣра разсмѣялась.

— Я и то не безъ грѣха: въ институтѣ, при дежурствахъ на кухнѣ, всегда сладкое таскала — и такъ это было вкусно!... Сколько въ дѣтствѣ такихъ проказъ, волненій — не знаешь урока, ждешь, что вызовутъ, поставятъ шестерку — и все погибло.

Меценатъ съ улыбкой слушалъ.

— А я никогда не забуду, какъ попалъ въ корпусъ. Егоръ сѣлъ къ столу и облокотился. — У насъ вся семья шла въ Правовѣденіе, — а мнѣ не хотѣлось адски. Я умолялъ отца опредѣлить меня въ корпусъ, — онъ и слышать не хочетъ. Тогда я надумалъ такъ насолить, чтобы отъ меня дѣйствительно открестились. Сестрамъ платья рѣзалъ. Сократа — у отца въ кабинетѣ былъ его бюстъ — въ зеленый

цвѣтъ выкрасилъ. Въ уголъ меня ставили, обѣщали выдрать. Мы жили во второмъ этажѣ. И вотъ я собралъ всѣ свои костюмы и игрушки, навязалъ ихъ на веревку и началъ спускать на улицу. Мальчишки собрались — а я то опускаю, то дергаю вверхъ.

— Воображаю драку, сказала Вѣра.

— Еще бы! Но въ концѣ концовъ все имъ выбросилъ. Въ это время отецъ подъѣзжаетъ къ дому. Посулилъ мнѣ солдатскія розги и отвезъ въ корпусъ.

Дѣвочка внесла кофе. Всѣ принялись за ѣду. Меценатъ, покончивъ со своей порціей, замѣтилъ:

— Вотъ и личность опредѣлилась.

— Гдѣ?

— Да въ этихъ игрушкахъ.

Вѣра замечталась: ей привидѣлся домъ, любимыя портьеры, за которыми такъ хорошо было прятаться; лиловыя, вытканныя хризантемами, кресла въ гостинной; собственная ея полка съ изданіями Вольфа и Девріена; синее бархатное платье съ дѣтскимъ гипюровымъ воротникомъ и кушакомъ изъ бѣлой лайки.

Она говорила, и Егоръ перебивалъ ее, добавляя отъ себя тѣ милыя подробности быта, о которыхъ въ тряскѣ гражданской войны некогда было даже и вспоминать. Вѣра вздохнула:

— Какъ хорошо было въ Россіи.

Меценатъ серьезно сказалъ:

— Создайте и здѣсь тоже самое, вы же оба молоды. Только конечно надо не жить въ прошломъ — а то много силъ уходитъ зря.

Они обошли рощу и усѣлись на землѣ, тамъ, гдѣ въ про-

свѣтѣ стволовъ виднѣлась рѣка. Узкая и бурная въ истокѣ, здѣсь она разливалась широко и спокойно; ровной, темной массой подходила къ плотинѣ и срывалась съ нея звонкой, бѣлой лѣстницей.

Вѣра погружала руку въ сухой, тепловатый мохъ и прислушивалась къ тонкому крику какой то птицы. Надъ скатомъ, какъ заблудившаяся дѣвушка, трепетала осина. Папоротникъ свивалъ свои ржавыя стрѣлы и, когда Вѣра коснулась его, на пальцахъ остался терпкій запахъ.

Меценатъ спросилъ ее:

— Что это за самоувѣренная кукла была вчера съ нами?

— Какъ вамъ не стыдно, — Леночка премилая.

— Нѣтъ, я не про нее: барынька правильная. Я про того лысаго юношу.

Егорушка фыркнулъ. Вѣра улыбнулась, стараясь скрыть смущеніе.

— Помилуйте, это моя симпатія. Наоборотъ, онъ очень скроменъ, — и какой талантливый музыкантъ!

Егоръ перевелъ разговоръ.

— Ты чѣмъ занимаешься въ Бѣлградѣ?

— Да я, знаешь, вольнослушателемъ на медицинскомъ факультетѣ.

— Какъ на медицинскомъ?

— Очень полезно, — просто необходимо, и жизнь тогда понятнѣе. Ну, а для хлѣба насущнаго служу чертежникомъ.

Вѣра отошла отъ нихъ, поискала цвѣтовъ — не было ничего, кромѣ скудныхъ, мелкихъ колокольчиковъ — и запѣла. Меценатъ крикнулъ:

— Погромче пожалуйста!

Она затянула было народную пѣсню:

Доставалася моя ласточка
Другому, не мнѣ.

Но прищелкнула пальцами, хлопнула въ ладоши и перешла на плясовую.

— Вамъ бы учиться, да въ оперу.

Радостно и недовѣрчиво она возразила:

— Только меня тамъ не хватало.

Онъ даже разсердился.

— Да что вы, закисли всѣ? Поѣзжайте хотя бы въ Бѣлградъ, попробуйте устроиться... Ну вотъ ты, Егоръ, чѣмъ ты въ сущности живешь? Небо коптишь. Я помню, ты еще на фронтѣ объ архитектурѣ вздыхалъ — ну и ѣзжай учиться. У меня тамъ человѣчекъ одинъ есть, пособіе тебѣ выхлопочемъ.

Егоръ неопредѣленно замѣтилъ:

— Оно бы недурно.

— Чего, недурно? Вѣдь голодалъ же ты, и работу всякую видѣлъ — что же ты себя похоронить на лѣсопилкѣ думаешь?

Когда улеглись спать, Егоръ сказалъ:

— Это бы и въ самомъ дѣлѣ здорово было, насчетъ архитектуры.

Меценатъ поднялъ съ подушки сонное, немного удивленное лицо близорукаго человѣка безъ очковъ.

— А? Конечно, поѣдешь, я тебѣ помогу устроиться.

Онъ снова легъ, потомъ опять приподнялся и спросилъ:

— Я, кажется, глупость сморозилъ насчетъ этого му-

зыканта? Ты прости, я думалъ, что барыня — твоя пріятельница. А онъ, ей Богу, тошнотворный.

— Ну его къ черту. Играетъ онъ, дѣйствительно, хорошо, но самъ — слякоть. Напустилъ на себя не то древній востокъ, не то маркиза де Садъ. Тутъ убійцу вѣшали, такъ онъ смотрѣть бѣгалъ — для ощущеній. Дѣвченку только смущаетъ. Она меня сколько разъ его чистотой попрекала — а онъ, по моему, совсѣмъ по другимъ причинамъ чистоту эту съ ней разводитъ. И тоже, навѣрное, оригинальности ради.

Меценатъ закурилъ.

— Что, мать у него есть?

— Есть, въ Россіи. Онъ ее обожаетъ, письма чуть не каждый день строчитъ. А что?

— Вотъ видишь, а ты говоришь — зачѣмъ медицина. Это типичный случай. Такіе или мать свою, или Мадонну обожаютъ. И чаще всего у нихъ именно музыкальный талантъ, — и этакое изящное скольженіе по жизни. Очень типично: высшій дегенератъ.

Третьестепеннаго провожали всей ордой. Леночка приставала:

— Я обязательно пріѣду погостить, вы меня устройте къ какимъ нибудь знакомымъ.

— Конечно, конечно. Вѣра Алексѣевна, а вы подумайте надъ моими словами да и соберитесь. Я вамъ Егора все равно не оставлю, прямо телеграммой вызову. Ты смотри, не задерживайся.

Вѣра обернулась къ Остхейму и шутливо предложила двинуться вмѣстѣ и давать концерты. Онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Еще бы, съ такой прелестной партнершей.

Снова, какъ всегда и во всемъ, Вѣра не поняла, искренно ли онъ говоритъ.

Меценатъ долго махалъ мятой фуражкой — и Вѣрѣ смѣшно и мило было видѣть это воинственное украшеніе, такъ чуждое его образу.

Поѣздъ уже скрылся, а они все еще стояли на перонѣ. Изъ депо выползалъ старенькій паровозъ; короткій товарный составъ походилъ на разрубленнаго червяка. Узкоколейка загибала направо; налѣво, позеленѣвшій досчатый заборъ — какіе есть на всѣхъ станціяхъ — оберегалъ палисадникъ, гдѣ на веревкѣ качались простыни — и міръ обрывался заржавѣвшей, заросшей травами запасной полосою рельсъ.

III

Не прошло и трехъ недѣль, какъ Егоръ получилъ изъ Бѣлграда письмо — очень краткое и рѣшительное. Есть призракъ службы на полъ-дня съ грошевой оплатой; и можно устроиться въ университетъ, съ такой же крохотной стипендіей. Главное — зацѣпиться, а тамъ будетъ видно. Рѣшайся, телеграфируй и выѣзжай.

— Егорушка, неужели вы не останетесь на мои именины? печалилась Вѣра.

Егоръ уложилъ сапожныя щетки, выстиралъ свою гимнастерку, разутюжилъ брюки.

— Чего вы такой парадъ наводите, — все равно въ дорогѣ изомнется, замѣтила Вѣра.

— А вдругъ встрѣчу родственную душу въ вагонѣ третьяго класса?

— Егорушка, что, если мы никогда не увидимся?

— Этого и быть не можетъ. Вы все равно пріѣдете. Я даже не знаю, почему бы этого не сдѣлать сразу. Ну, будете тамъ свою мережку строчить.

Вѣра замялась. Неловко было сознаться, что она надѣется пріѣхать не одна. Егоръ понималъ это и безъ ея словъ — и мучился, не считая себя въ правѣ поднимать вопроса объ ея отношеніяхъ съ Остхеймомъ.

Леночка, вырѣзывая стаканомъ клейкія лепешки — Егору въ дорогу — приговаривала:

— Пекла пирожки, а вышли покрышки на горшки.

Но вышло и красиво, и вкусно. Егоръ распробовалъ половину, вздыхая:

— Дальнія проводы — темный лѣсъ.

Когда онъ стоялъ на вокзалѣ, туго подтянутый, съ походной сумкой черезъ плечо, въ полуботинкахъ и сѣрой шляпѣ, Леночка разсмѣялась.

— Любитель пословицъ, знаете, какая подходитъ къ вамъ?

— Нѣтъ.

— На ворѣ шапка горитъ, а на русскомъ шапка говоритъ. Эта самая больная національная часть туалета. Ходитъ человѣкъ простоволосый, или купитъ шляпу при англійскомъ обмундированіи — и чувствуетъ себя штатскимъ. А то надѣнетъ сѣрый костюмъ, а разстаться съ фуражкой — сердца не хватаетъ.

Остхеймъ спросилъ:

— И я такой же?

— Ну, вы! Вы ружья небось и близко не видали.

Вѣра молчала, ей было грустно до слезъ. Егоръ взялъ

графа подъ руку и отвелъ его въ сторону. Замѣтно волнуясь, онъ сказалъ:

— Послушайте, если я ошибаюсь, назовите меня дуракомъ... Но только не морочьте вы ей головы, пусть ужъ скорѣе уѣзжаетъ, ей же легче будетъ, да и вамъ спокойнѣе.

Остхеймъ съ неожиданной искренностью отвѣтилъ:

— Я и самъ такъ думаю. Я вѣдь ничего не дѣлаю, чтобы это поддерживать.

— Вы то не дѣлаете, а она это скромности приписываетъ... Ну, словомъ, лучше ей просто считать, что вы не сошлись характерами.

Валентинъ, очень покраснѣвъ, молча кивнулъ головою. Егоръ крѣпко пожалъ его руку.

Леночка звала:

— Что у васъ, заговоры?

Вѣра, какъ старшая, ласково говорила:

— Идите, садитесь ужъ. И будьте тамъ умницей. Пишите, Егорушка.

Подъ скрипъ тронувшихся колесъ, Егоръ напомнилъ Остхейму:

— Такъ я на васъ надѣюсь.

— Будьте спокойны.

Возвращались грустные. Леночка высказалась первая.

— Пусто безъ Егора. Уѣдетъ человѣкъ, тогда чувствуешь, какъ онъ необходимъ.

— А мнѣ, сказала Вѣра, все кажется, что мы здѣсь заживо погребены. Надо уѣзжать, надо что то дѣлать — молодость уходитъ.

Остхеймъ повертѣлъ свой перстень.

— Что же за жизнь въ Бѣлградѣ — тоже провинція.

Еще въ Парижѣ можно чего нибудь достичь. Османъ этой зимою собирается — вѣроятно и я съ нимъ.

Вѣра не сдержала раздраженія.

— Что вы, веревочкой къ нему привязаны?

И вдругъ отчетливо поняла, что она сама себя обманываетъ, что никогда онъ не соединитъ съ нею своей жизни, что ничѣмъ онъ не отличаетъ ее отъ Леночки — развѣ что цѣнитъ ея голосъ.

— Такъ зачѣмъ же, горестно спросила она себя, — зачѣмъ онъ такъ часто со мною бываетъ, зачѣмъ остановилъ, когда я хотѣла поправить платье?

И вспомнила слово: красиво. Конечно, онъ просто полюбовался ея позой. Вслухъ она сказала:

— Леночка, я къ вамъ завтра зайду. А вы меня не провожайте... пѣсенка Вертинскаго.

Леночка обрадовалась:

— Это ему идетъ.

Вѣра возвратилась домой разстроенная. Пыталась выдергивать нитки — онѣ слѣпили глаза. Подошла къ угрюмому псу, постояла передъ нимъ — и не погладила, хотя онъ и шевельнулъ своимъ тяжелымъ хвостомъ. Поднялась на крылечко, сѣла на полъ, охвативъ колѣни руками и позвала хозяйку.

— Давайте, бабушка, кофе пить.

Старуха принесла горячій, душистый напитокъ и разлила по фильджанамъ такъ, чтобы въ каждомъ образовалась рыжеватая пѣна. Вѣра, обжигаясь, выпила залпомъ.

— Хочу еще.

Госпожа Радмила сочувственно къ ней приглядывалась.

— Скажи ты мнѣ, сынокъ, — неужели ты его любишь,

что совсѣмъ запечалилась? А я сколько разъ на васъ смотрю — не похоже это на любовь.

Вѣра невольно улыбнулась.

— Какъ вы это видите, бабушка?

— Да что же, сама я молодой не была! Я, милая, дважды замужемъ. Первый хорошій былъ человѣкъ, а не любила. Какъ вотъ ты съ господиномъ —посмѣюсь, и обѣдъ для него сварю — все, бывало, голубцы готовила — и обниму отъ души, — а сердце иного ждетъ. Уѣдетъ онъ по дѣламъ, я поскучаю ночь, а потомъ спокойнѣе... А съ этимъ — дня покою не знала. То онъ въ карты играетъ, то съ бабами. Сколько обиды натерпѣлась. А похвалитъ онъ мою вертуту — мнѣ праздникъ.

Вѣра тихо сказала.

— Да, это и есть любовь... Ну, а что мнѣ Егора жалко, такъ это понятно: онъ самый старый мой знакомый, знаю, что въ обиду меня не дастъ.

Пробѣжалъ вѣтеръ. Сухая кукуруза вдоль забора зашуршала и захлопала листьями, какъ тощая, невиданная птица. Голубиный пухъ закружился надъ дворикомъ и, взвиваясь и падая, полетѣлъ вдаль...

— Вы знаете, Леночка, я не на шутку думаю уѣзжать, сказала Вѣра, искоса бросивъ взглядъ на Валентина: что тамъ выйдетъ изъ пѣнія — неизвѣстно, а работу конечно найду и въ Бѣлградѣ. И всетаки жизнь, люди, театръ...

Остхеймъ прервалъ ее:

— Спойте что нибудь, Вѣра Алексѣевна. А то уѣдете, такъ и эта послѣдняя наша радость исчезнетъ.

Вѣра испытывала смѣшанное чувство раздраженія и ожиданія, — что онъ, не хочетъ понять, что въ его волѣ удовольствія этого не лишаться? Или онъ говоритъ это изъ вѣжливости?

Она долго не спала, мысленно провѣрила всѣ ихъ встрѣчи и ужаснулась пустотѣ, которая все яснѣе и яснѣе выступала въ душѣ. Она словно открыла яму, которую когда то сама засыпала и забросала вѣтками въ надеждѣ, что онѣ прорастутъ. Она спрашивала себя: что же дѣлать? — и успокоилась только тогда, когда обѣщала себѣ рѣже встрѣчаться съ Остхеймомъ и подождать рѣшительнаго движенія съ его стороны.

Леночка приспособляла свой обезьяній палантинъ въ видѣ воротника и обшлаговъ къ зимнему пальто. Вѣрѣ перешивать было нечего, но зато она выпорола рукава чернаго шелковаго платья и накрѣпила ихъ на отдѣльный лифчикъ. Такимъ образомъ, получалось два платья и, повязавши въ видѣ кушака розовый шарфъ, можно было считать одно изъ нихъ вечернимъ.

Леночка говорила:

— Какъ подумаю, что зима идетъ, что бѣлье негдѣ вѣшать, и прямо съ улицы мокрыми ногами въ домъ — тошно становится. Я не засижусь, я тоже съѣзжу въ Бѣлградъ, хоть погостить. Ты, Лапушка, готовь мнѣ на дорогу.

Остхейма Вѣра встрѣчала на спѣвкахъ, почти не разговаривала и, подъ предлогомъ усталости, рано уходила домой. Его задерживали и усаживали играть. Вѣра понимала, что онъ могъ бы отказаться, — и съ намѣренной жестокостью говорила себѣ:

— Да вѣдь и раньше онъ никогда не шелъ одинъ, —

всегда тащилъ Егора. Я все увѣряю себя, что онъ бережетъ мою репутацію, — а попросту я ему ненужна.

Нѣсколько разъ она хотѣла пропустить спѣвку, — но въ послѣднюю минуту лихорадочно завивалась, пудрилась и почти бѣжала. Ей даже не было стыдно: она презирала себя, называла самыми злыми именами, сравнивала съ развращенной частыми побоями собакой, которая за лишній кусокъ сахару лижетъ наказавшія ее руки. Никогда еще одиночество не было ей такъ мучительно. Казалось, что даже далекая и нечуткая мать облегчила бы своимъ присутствіемъ эту унизительную борьбу. Она молилась, но сознавала, что не въ силахъ непосредственно отдаться Богу, что и въ этомъ ей нужно руководительство. Мечтала о монастырѣ, гдѣ хоть на время можно было бы укрыться отъ жизни.

Вѣрины именины пришлись на субботу. Она сходила къ обѣднѣ — хоръ пѣлъ только по воскресеньямъ, и ей было грустно видѣть пустую церковь съ немногочисленными лубочными иконами, слушать печальный тенорокъ священника и невнятное бормотанье причетника.

День выдался хорошій: неподвижная, нѣжная теплота. Передъ штабомъ дивизіи цвѣли палевыя розы; кое гдѣ въ палисадникахъ горѣли настурціи; астры, бѣлыя и малиновыя, поднимали колючія головки. Въ чьемъ то саду пышно завивались лиловыя и оранжевыя хризантемы. Однако въ яркихъ краскахъ чудилась сухость — травы потеряли сокъ, и стебли были ломки.

Леночка избавила Вѣру отъ хлопотъ: сварила обѣдъ у себя, постаралась придать торжественный видъ своей скромной сервировкѣ, — поставила много цвѣтовъ, заняла у сосѣдки рюмки и вазу для фруктовъ.

Валентинъ приподнесъ Вѣрѣ ларекъ турецкаго издѣлія. Внутри лежалъ вышитый платокъ.

— Я говорилъ о васъ Райфэ, — она очень жалѣетъ, что не знакома съ вами и просила передать вамъ платокъ: это ея работа.

Снова Вѣра впала въ состояніе радостнаго тумана. Онъ говорилъ о ней съ турчанкой, онъ о ней думалъ!

Когда подняли рюмки, и мужчины поцѣловали руку Вѣры, ей показалось, что Валентинъ нарочно прикоснулся къ ней своей щекою. Она заглядывала въ его глаза, пытаясь прочесть въ нихъ подтвержденіе.

Василій Петровичъ не могъ отложить вечерняго урока, извинился и ушелъ. Леночка выскочила его проводить. Немного опьянѣвшая, Вѣра повернулась къ Остхейму.

— Ну?

Черезъ столъ, онъ наклонился къ ней — его лицо касалось букета — и медленно пріоткрылъ губы. Они коснулись другъ друга рѣсницами, и Вѣра почувствовала, что ея глаза наполняются слезами.

Послышались неестественно громкіе шаги Леночки.

— Я скверный мальчишка, я никогда больше не буду, шепнулъ Валентинъ, улыбаясь дружески и лукаво: — извините меня.

Вечеръ закончили въ кинематографѣ. Вѣра старалась положить свою руку такъ, чтобы Остхеймъ могъ пожать ее, — но онъ много говорилъ, острилъ надъ картиной — какъ будто совѣстился своей вольности. Вѣра повторяла себѣ:

— Какая же грязная, какая я распущенная въ сравненіи съ нимъ! Можетъ быть, Андрей живъ... А Кириллъ —

значитъ, и его я не любила? Но, Господи, если Ты пошлешь мнѣ теперь это огромное счастье, я обѣщаю Тебѣ исправиться, я найду въ себѣ силы любить его одного.

Вспоминали Егорушку — онъ поздравлялъ и звалъ въ Бѣлградъ. Предупреждалъ, что жизнь трудна, однако есть всяческія надежды и возможности.

— Ну, какъ же вы рѣшили? спрашивала Леночка.

— Я обдумаю.

За время сеанса прошелъ дождь, вѣтеръ вылеталъ сквознякомъ изъ переулковъ, въ небѣ разбѣгались разорванныя тучи. Остхеймъ пошелъ съ Вѣрой. Два три квартала были оживлены, дальше становилось безлюдно. Они не находили словъ. Наконецъ, Вѣра рѣшилась.

— Скажите, дѣйствительно вы готовы были уѣхать со мной и совмѣстно выступать? Она спрашивала шутливымъ тономъ, но сердце билось, и дыханіе было стѣснено.

Онъ замялся.

— Неловко какъ то... Имя трепать.

— Кто же вамъ мѣшаетъ придумать псевдонимъ? Я тоже своего имени на афишу не поставлю... И потомъ это зависитъ отъ того, что дѣлать. Не вѣчно же вамъ давать уроки музыки, — съ вашимъ талантомъ.

— На чемъ же вы остановились? Жанръ или классическія вещи?

И потому, какъ онъ произнесъ это, Вѣрѣ стало ясно, что онъ не поѣдетъ.

Разомъ бросился ей въ глаза осенній, злой лунный свѣтъ, уличный безпорядокъ: нападавшіе листья, какія то бумажки, то липнущія къ землѣ, то взметаемыя вѣтромъ.

Они пересѣкали Друмъ. Листья блестѣли на дорогѣ. Вокругъ фонаря растекся тускло сіяющій туманный двойникъ.

Остхеймъ прислонился къ калиткѣ, задерживая Вѣру. Онъ держалъ ея руки въ своихъ. Облако прозрачнымъ саваномъ скрыло луну.

— Простите меня, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія. Мнѣ очень тяжело. Мы слишкомъ поздно познакомились. Онъ помолчалъ и опять повторилъ: очень тяжело.

Не вникая въ его слова, боясь задать вопросъ и прозрѣвая какую то тайну, Вѣра низко опустила голову и медленно вошла въ домъ.

Простыни были холодны. Лунная, голубая рама расщепленнымъ призракомъ никла къ полу, причудливо оживленная узоромъ занавѣски. Вѣра скорчилась и повернулась къ стѣнѣ, касаясь ее колѣнями. Рисунокъ обоевъ мѣнялъ окраску. Неизвѣстно зачѣмъ, Вѣра водила по нему стынущимъ пальцемъ. Неожиданно она спросила себя:

— О чемъ я сейчасъ думаю?... Ни о чемъ. И снова зачертила по стѣнкѣ, отсчитывая: два цвѣтка, три листа.

Она не собралась отвѣтить на письмо Егора. Вставала поздно, съ трудомъ; не сдала въ срокъ работу; задерживала библіотечныя книги. Механически она отрывала календарь, но и чувство времени притупилось. Она начала избѣгать Леночку, запиралась отъ хозяйки. Гуляла одна — уходила далеко, прямой аллеей, и хотѣлось ей никогда не возвращаться.

Однажды встрѣтилась съ регентомъ. Широкоплечій, веселый хохолъ остановилъ ее.

— Что же вы насъ забыли, мадамъ Бондаренко? Безъ

васъ и хоръ не въ хоръ... Или вамъ съ отъѣздомъ Шуйскаго не поется?... Да и графъ началъ пропускать спѣвки.

Вѣра посмотрѣла на него съ отвращеніемъ и подумала, что мужчины въ бѣженствѣ стали сплетничать хуже женщинъ. Она хотѣла идти. Регентъ, не спрашивая разрѣшенія, зашагалъ рядомъ.

— Вы за кого голосовать собираетесь?

— Когда?

— Да мы рѣшили переизбрать предсѣдателя колоніи, а то нашъ генералъ ужъ очень своевольничаетъ.

— Слушайте, сказала Вѣра, неожиданно разсердившись: — отстаньте отъ меня съ вашими глупостями. Что за республику вы разыгрываете, въ чужомъ государствѣ. Сербы нашего старика уважаютъ, а по существу ничего онъ не можетъ сдѣлать, все идетъ своимъ чередомъ. Если на лѣсопилкѣ нѣтъ мѣстъ, никакой предсѣдатель не заставитъ дирекцію принять васъ на службу.

Она быстро повернула къ дому. Прочь, прочь изъ этого болота, отъ этого призрака жизни.

Госпожа Радмила, передъ зимою, провѣтривала гостинную, вытряхивала красныя гардины, выносила стулья, — а подъ вечеръ протопила печь и зажгла высокую лампу подъ уютнымъ желтымъ абажуромъ, въ которой еще оставался керосинъ отъ прошлогодней Крестной Славы.

По утрамъ надъ аллей нависало легкое кружево инея, и мельчайшая вѣточка казалась необходимой въ этомъ сиререво - синемъ плетеніи.

Вѣра выходила въ поле, вдыхала сыроватую свѣжесть, приглядывалась къ застывшему слѣду копытъ, къ подмерзлой колеѣ. Она вспоминала Тургенева:

«Весной и счастливыхъ тянетъ вдаль».

— Ну вотъ, а у кого нѣтъ счастья, тотъ и осенью не находитъ себѣ мѣста.

Леночка отъ всѣхъ скрыла свое письмо Егору — потому что писала она о необходимости вывести Вѣру изъ мрачнаго состоянія и просила Егора приложить всѣ усилія, поднять на ноги друзей, — но такъ или иначе выписать Вѣру въ Бѣлградъ.

Егоръ отвѣтилъ скоро: въ русскомъ ресторанѣ дирижируетъ оркестромъ балалаечниковъ и хоромъ его другъ, и будетъ очень радъ хорошему женскому соло.

Госпожа Радмила растянула тѣсто для вертуты на весь столъ. Поцѣловала Вѣру, проводила ее за калитку и долго смотрѣла ей вслѣдъ все съ тѣмъ же видомъ сострадательнаго недоумѣнія.

Прощаніе съ Остхеймомъ было короткимъ и смутнымъ. Изъ вагона Вѣра послала Леночкѣ воздушный поцѣлуй и взглянула на Валентина. Его лицо было блѣдно и испуганно: такъ провожали когда то въ Новороссійскѣ послѣдніе отходящіе суда.

Въ Загребѣ Вѣра остановилась, осмотрѣла городъ, обрадовалась трамваямъ — она не видѣла ихъ съ Константинополя; полюбовалась изящнымъ цвѣтущимъ Зриньевцемъ; въ старомъ, верхнемъ городѣ помолилась Богоматери у Каменитыхъ Вратъ, ласково умиляясь наивнымъ бирюзовымъ сердечкамъ, четкамъ, теплому миганію свѣчей и словно вдругъ касаясь множества человѣческихъ огорченій и надеждъ.

Она переночевала въ маленькой, чистой гостинницѣ, часто просыпаясь и прислушиваясь къ уличному движенію и на утро двинулась дальше, чувствуя приливъ бодрости и серьезную, спокойную рѣшимость.

Вѣра избѣгала вагонныхъ разговоровъ, но все ей нравилось, все было пріятно. Бойкія бабы, возвращавшіяся съ базара съ пустыми корзинами, въ чистыхъ юбкахъ въ складку и цвѣтныхъ шелковыхъ платочкахъ. Живописный старикъ съ баками, какъ у «стараго Франца», жевавшій и сплевывавшій табакъ и заведшій споръ съ односельчаниномъ своимъ, только что вернувшимся изъ Америки. Того можно было отличить по клѣтчатой драповой курткѣ, по часамъ накладного золота и суровой критикѣ мѣстныхъ порядковъ. Проплывали лѣсные склады. Сава то скрывалась, то пересѣкала дорогу. Бѣлые города въ чепцахъ изъ красной черепицы, подъ надзоромъ невысокаго костела провожали поѣздъ. На закатѣ проѣзжали полями. Стада проходили медленно — розовѣла шерсть овецъ. Пастухъ, заслоняясь рукою, смотрѣлъ вдаль. Длинная тѣнь тянулась отъ посоха. Отбѣгала, кружилась земля.

Егорушка въ гимнастеркѣ, безъ пальто, сторожилъ на перонѣ. Они расцѣловались. Вѣра, блѣдная отъ дороги, съ затекшими ногами, еле шла, но лицо ея сіяло, радостная внутренняя дрожь щекотала тѣло. Она осматривалась, разспрашивала, перебивала.

— Какъ похоже по расположенію на Петербургъ, на варшавскій вокзалъ. Ой, смотрите, отель Петроградъ. Намъ направо, налѣво? Гдѣ вы меня устроите? Ну, а это ужъ вовсе не столица — лачуги то какія, какъ у насъ въ Босніи.

Егорушка одной рукою тащилъ чемоданъ, другой под-

держивалъ ее подъ руку. Онъ чувствовалъ себя и гостепріимнымъ хозяиномъ, довольнымъ произведеннымъ на гостью впечатлѣніемъ его угодій, и немножко старшимъ братомъ, и немножко — влюбленнымъ, дождавшимся наконецъ пріѣзда капризной подруги.

Дребезжалъ трамвай. Изъ грязныхъ кабаковъ неслись пѣсни, звуки грамофона, мандолины. Пьяный ругался, стоя посреди улицы. Въ колбасной съ визгомъ опускались желѣзныя ставни. Извощичьи копыта процокали гдѣ то сбоку. А вверху, въ черномъ, холодномъ и бодрящемъ воздухѣ остановились звѣзды.

IV

Обидно, досадно
До слезъ и до мученья,
Что въ жизни такъ поздно
Мы встрѣтились съ тобою...

Танцующимъ тѣсно. Они крутятся между столиками, скользя въ проходы, мѣшая лакеямъ, которые съ напряженными лицами мечутся взадъ и впередъ, повторяя «виноватъ, простите» и поднимая надъ головою подносы съ тарелками. Дирижеръ, повернувшись къ публикѣ, приплясываетъ, подергиваетъ плечомъ, а рядомъ съ нимъ рослый грузинъ жонглируетъ палочками отъ барабана и безстрастными глазами побѣдителя посматриваетъ на маленькую блондинку, нѣжно склонившуюся къ своему танцору, но кидающую на него лукавые взгляды.

По стѣнамъ — тройки, избы съ коньками и пѣтушками

и, замѣчаемая по второму графинчику, икона. На стойкѣ красуется самоваръ.

—Выкушайте рюмочку, говоритъ докторъ Владо Васичъ, наклоняясь къ Вѣрѣ. Ей нравится, какъ онъ говоритъ по русски, нравится его строгое лицо и дорого, что онъ, такъ часто приходившій сюда послушать ее, не счелъ возможнымъ заговорить съ нею, пока не познакомился съ Егоромъ и не попросилъ черезъ него разрѣшенія быть ей представленнымъ.

Докторъ Васичъ окончилъ въ Россіи юридическій факультетъ, и только балканская война призвала его на родину. Онъ занимаетъ большой постъ въ министерствѣ, слыветъ истымъ сербомъ, — но Вѣрѣ часто кажется, что онъ, — землякъ, такъ какъ Россію онъ не только любитъ, но и знаетъ много лучше, чѣмъ сама она.

— Я боюсь пить, еще сядетъ голосъ, говоритъ Вѣра, но всетаки выпиваетъ рюмку и, разсѣянно улыбаясь своему сосѣду, изъ-за пальмы, скрывающей ея столикъ около эстрады, слѣдитъ за колыханіемъ и подергиваніемъ танцующихъ, за нитями серпантина, то стягивающагося вокругъ чьей то шеи, то разрываемаго нетерпѣливымъ колѣномъ, то вдругъ оплетающаго смутившуюся, но возбужденную пару. Вѣра уже успѣла присмотрѣться къ завсегдатаямъ. Нѣсколько богатыхъ людей, русскіе и сербы; двое журналистовъ; много студентовъ. Черезъ Егора она знаетъ, что всѣ они нуждаются, но слишкомъ великъ соблазнъ, послѣ десятка военныхъ лѣтъ, почувствовать себя въ безопасности, въ яркихъ огняхъ и обманчивой близости женщинъ. Съ ними барышни, эвакуировавшіяся еще съ институтомъ и живущія и по сей день подъ надзоромъ воспитательницы, въ желтыхъ платьицахъ, которыя онѣ часто одергиваютъ — и все время шепчутся,

секретничаютъ, пьютъ, говорятъ неясныя имъ самимъ двусмысленности и мечтаютъ о законномъ и богатомъ бракѣ.

У Егора есть среди нихъ знакомыя, но онъ не любитъ и избѣгаетъ ихъ.

— Ложно - классицизмъ.

«Что въ жизни такъ поздно
Мы встрѣтились съ тобой».

звучитъ близко отъ Вѣры. Это проходятъ танцующіе, тѣсно касаясь колѣнями, не отводя глазъ. Голова женщины запрокинута, мужчина хищно плыветъ надъ нею. Вѣра съ легкой завистью смотритъ на стройное тѣло, закрытое до горла чернымъ шелкомъ, на изгибъ голыхъ рукъ, на гладкую, низкую прическу. У женщины немного широкія скулы, глаза черны и печальны, а ротъ, перекошенный страдальческой гримасой, пытается смѣяться.

Васичъ, улыбаясь и молодѣя отъ блестящихъ, мелкихъ зубовъ, замѣчаетъ:

— Роковая женщина.

— Она прелесть какая хорошенькая, возражаетъ Вѣра, обижаясь, что иностранецъ позволилъ себѣ насмѣшку и придумывая, чѣмъ бы уколоть его: — Я ее на пять дебелыхъ сербокъ не промѣняю, съ ихъ гуляшемъ въ придачу... Вотъ хорватки, тѣ очень интересныя, — да и вообще развѣ можно сравнить Бѣлградъ съ Загребомъ!

Онъ искоса глядитъ на нее и отвѣчаетъ сдержанно:

— Зачѣмъ сравнивать разнородныя вещи? За этой вашей Незнакомкой столѣтія ухода, еще съ теремовъ, а наша женщина — чернорабочая. Ну, а Загребъ... Мы съ вами, я надѣюсь, политическаго спора не затѣемъ. Хорваты — худые или хорошіе, но австрійскіе граждане, они и развивались въ

иныхъ условіяхъ. А мы или были подъ турецкимъ игомъ, или противъ него боролись. При Батыѣ, пожалуй, и въ Москвѣ скверовъ не разбивали.

Вѣра упрямо возражаетъ.

— Вы бы и эту даму полы мыть заставили!

Онъ простодушно смѣется.

— Русскую не заставилъ бы.

Съ эстрады наклоняется дирижеръ.

— Вѣра Алексѣевна, пожалуйте.

Вѣра волнуется каждый разъ, хотя могла бы за мѣсяцъ привыкнуть къ неизмѣнному успѣху. Однажды, случайно, она услыхала:

— Самое въ ней трогательное — видъ испуганнаго кролика.

Эта мысль грызетъ ее: а что, если и впрямь голоса у нея никакого?

Она беретъ дрожащія ноты и смотритъ на дирижера — онъ киваетъ головою — и на Егора, который весь выгнулся, изображая, что готовъ на поддержку. Вѣрѣ приходилось слышать, что артистки забываютъ обо всемъ на свѣтѣ. Но она ничего не забываетъ, и поэтому считаетъ себя бездарной.

Для самой Вѣры неожиданно, у нея оказался большой репертуаръ, и благодаря этому, она не только не успѣла надоѣсть, но привлекаетъ старыхъ посѣтителей ничуть не меньше, чѣмъ новыхъ.

А дорога

Предо мной далека, далека...

Стало очень тихо, только въ чьей то нервной рукѣ звякнулъ стаканъ. А потомъ разомъ, какъ хлынувшій ливень, раздались аплодисменты.

Вѣра много разъ упражнялась передъ зеркаломъ, принимала величественную позу и милостиво раскланивалась, — но при видѣ плещущихъ надъ столиками рукъ, женскихъ улыбокъ, гордой физіономіи Егорушки, она терялась и уже не улыбалась, а смѣялась растеряннымъ и радостнымъ смѣхомъ, кланялась, оборачивалась на дирижера, — а онъ подбадривалъ ее шутливымъ «потрясли, потрясли», самъ спускался съ эстрады, помогалъ ей сойти и усаживалъ за ея столикъ.

— Какой у васъ голосъ, сказалъ Васичъ и посмотрѣлъ на нее удивленно и вдумчиво. Его поражало, что въ ней, именно въ ней, за этими дѣтскими глазами, за граціозной угловатостью движеній, живетъ тайна, — талантъ, который какъ будто бы и болѣе чутокъ, и зрѣлѣе, и много умнѣе ея самой.

Но и сама Вѣра ощущала въ себѣ эту двойную жизнь. Она ѣхала въ Бѣлградъ съ мечтами о возможности выступать, — но смутно и, пожалуй, съ кое какими разсчетами: не то на хорошій заработокъ, не то на значительныя встрѣчи, за которыми забудется послѣдняя обида.

Въ одинъ изъ первыхъ дней она побывала съ Егоромъ въ операѣ. Шла Аида. Мягкій гипнозъ красныхъ креселъ, приспущенныхъ лампочекъ подъ потолкомъ, теплаго отъ человѣческихъ тѣлъ воздуха, захватилъ ее. И когда не красивая, крупная пѣвица — русская — опустилась на колѣни, и съ высокихъ нотъ перешла на рыдающую мольбу, Вѣра обернулась и увидѣла поблѣднѣвшаго Егора, а черезъ два стула откинувшуюся назадъ женщину съ искаженнымъ, залитымъ слезами лицомъ, безобразную отъ искривленнаго рта съ размазавшейся краской.

Въ антрактѣ Егоръ сказалъ:

— Я уже видѣлъ эту артистку, но никогда она не была такою. Вы замѣтили, какъ она раскланивалась — она сегодня, какъ дѣвченка.

И вотъ, въ послѣднемъ актѣ, еле различимая въ полутьмѣ, спрятанная широкими одеждами, Аида находитъ возлюбленнаго.

Твою мнѣ участь сердце подсказало...

Женственность задушевная, скромная, почти материнская прозвучала въ сдержанныхъ звукахъ. Вѣра вдругъ поняла, что вся жизнь ея, всѣ горести куда то схлынули, и ничего нѣтъ важнѣе затаившей дыханіе толпы и — неужели, о, Господи! — возможности для нея самой дать кому то сладостный отрывъ отъ жизни, какой сама она испытала въ этотъ вечеръ.

Иногда, на лету, на улицѣ Вѣра сталкивалась съ Меценатомъ.

— У меня десять минутъ — пойдемте, съѣдимъ пирожнаго

Они заходили въ маленькую кондитерскую, неподалеку отъ дворца, гдѣ съ утра до вечера грѣлись русскіе, нерѣдко замѣнявшіе себѣ обѣдъ чашкою кофе и трубочками со сливками.

— Ну, какъ осваиваетесь? спрашивалъ Третьестепенный.

— Хорошо, отвѣчала Вѣра. Ей и вправду становилось хорошо и спокойно, когда она встрѣчалась съ этимъ чужимъ человѣкомъ.

— Почему у меня къ вамъ такое довѣріе, спрашивала она... Странная наша жизнь. Прежде годами люди знакомились, — а теперь мы всѣ мелькаемъ, и, знаете, точно щупаль-

цы душевные развиваются, — начинаешь чувствовать людей.

Меценатъ, размазывая крэмъ по верхней губѣ, слушалъ ее; наивная философія его трогала и, улыбаясь ей близорукими глазами, онъ старался заглянуть въ ея будущее и опредѣлить, куда же направится это молодое существо.

Труднѣе все обстояло дѣло съ туалетами. Скопить не удавалось, такъ какъ пришлось расходоваться и на обувь, и на чулки, и на пудру.

Часто подъ вечеръ, гуляя съ Егоромъ, Вѣра изучала лавки, цѣны, остатки. Они останаливались передъ витриной и разсматривали платья, сумочки. Егоръ кидалъ унылый взглядъ на галстуки и брюки. Онъ пріобрѣлъ таки пиджакъ, но теперь пьедесталы начали казаться слишкомъ затрепанными, а галстукъ у него былъ всего на всего одинъ — черный, маленькими бѣлыми цвѣточками — самое дешевое, что удалось найти.

— Дорогая моя! говорилъ Егоръ тономъ провинціальнаго актера. — Я не могу купить тебѣ этой вещи; ты просто оскорбляешь меня взглядомъ, полнымъ вожделѣнія, которымъ ты на нее смотришь. Пойми, что это лишено художественнаго вдохновенія, и что въ такомъ одѣяніи ты будешь смѣшна на балу князя, а стѣны нашего стараго дворца обрушатся, если ты переступишь порогъ его въ готовомъ платьи.

Вѣра отвѣчала въ тонъ:

— Любовь, звучащая въ твоихъ словахъ, заставляетъ меня примириться съ суровымъ упрекомъ.

Однако, черезъ два - три дома они останавливались снова:

— Это моя шляпа, указывала Вѣра.

Егоръ невозмутимо поддерживалъ разговоръ.

— Для чего было относить ее въ магазинъ?

Это же обстоятельство мѣшало Вѣрѣ пойти на пробу въ оперу. Она навела справки и даже поговорила однажды со швейцаромъ. Онъ осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы и, закуривая передъ самымъ ея носомъ, отвѣтилъ:

— Нѣтъ пріема. Въ хорѣ ихъ столько, что сцена не выдерживаетъ.

Вѣра не разсказала объ этомъ Егору. Она прекрасно понимала, что слѣдовало бы поговорить не только со швейцаромъ, — но не хватало рѣшимости. Она самой себѣ казалась старой, уродливой и связанной въ своемъ синенькомъ пальтишкѣ со споротымъ мѣхомъ. Что же — голосъ: мало ли что еще нужно для того, чтобы стать артисткой!

Вѣра снимала комнату въ томъ же домѣ, что и Шуйскій, у русскихъ. Квартира была обставлена сундуками, собственнаго издѣлія столами, а Егору,—для уюта—обтянули ситцемъ чемоданъ и величали его комодомъ. Спалъ Егоръ на двухъ ящикахъ, покрытыхъ досками, нареченныхъ прокрустовымъ ложемъ.

По вечерамъ нерѣдко Вѣра забиралась въ его уголъ и наблюдала, какъ Егоръ старается надъ чертежами. Комната его была, въ сущности, передней. Чтобы не быть на юру и не очень зябнуть, онъ отгородился папками и повѣсилъ полосатую занавѣску, которая безостановочно ходила ходуномъ, такъ какъ кухня была организована во дворѣ, въ сараѣ, и хозяйка шмыгала туда то за сковородкою, то за мисочкой печенки для фокса.

Собачка была прехорошенькая, досталась случайно и доставляла неизмѣнную радость. Окрестили ее Фриной. Че-

резъ двѣ недѣли оказалось, что у Фрины разрастается бѣльмо на глазу. Хозяйка печалилась:

— Вотъ моя удача. Одно только и есть, что собаченка, да и та кривая.

Въ углу стояла круглая желѣзная печка, — иногда Егорушка устраивалъ себѣ праздникъ и топилъ ее, — дрова покупались маленькими охапками.

Вѣра примащивалась на толстое полѣно, выпрошенное въ лавочкѣ и служившее скамейкой. Егоръ, стоя на колѣняхъ, подостлавъ для сохраненія брюкъ газету, шомполомъ пошевеливалъ угли. Имъ было ласково, спокойно. Иногда читали вслухъ французскіе романы. Однажды они набрели на Les Demi-soldes. Егоръ, прервавъ чтеніе, покусывая губы, посмотрѣлъ на Вѣру. Она безъ словъ покачала головою. Родственна и понятна была трагедія людей, у которыхъ выскользнула почва изъ подъ ногъ, мимо которыхъ неслась жизнь, — а они еще все мѣрили старымъ темпомъ, вѣрили въ умершее. Егоръ невольно обернулся на стѣну, гдѣ подъ стекломъ, въ самодѣльной рамѣ, висѣлъ портретъ главнокомандующаго и истрепанный, потемнѣвшаго серебра, погонъ.

Вѣра дѣланно улыбнулась.

— Ну что жъ, Наполеонъ воскресъ и сталъ еще болѣе славенъ черезъ сто лѣтъ.

Егоръ пожалъ ея руку. Шопотомъ, боясь и себя, и его, она сказала:

— Какіе мы всѣ бѣдные! До чего мы бѣдные, Егорушка.

Они обнялись по братски, по дѣтски, и долго сидѣли, обжигая лица кирпичнымъ отствѣтомъ пламени, въ неосуществимомъ желаніи что то выразить, что то забыть, отъ чего то спрятаться. Егору думалось:

— Какъ она мнѣ близка.

Вѣроятно, и Вѣрѣ приходило въ голову тоже самое, — и оба понимали, что долгіе годы могутъ итти параллельными путями, и никогда не сойдутся ближе. Егоръ упрекалъ себя въ слабости — другой на его мѣстѣ настоялъ бы, и, если бы даже не создалъ матеріальныхъ условій, для нея необходимыхъ, то хоть чувствомъ своимъ заразилъ бы. И сознавалъ при этомъ, что не чуждъ предразсудковъ: непріятно допустить, что жена его поетъ въ ресторанѣ, — да и Вѣра, сойдись съ нимъ — будетъ смущаться тѣмъ же и, по русски, просто пренебрежетъ своимъ даромъ.

Однажды утромъ вбѣжала хозяйка.

— Вѣра Алексѣевна, вамъ письмо изъ Россіи.

И осталась въ комнатѣ, ожидая и зная, что Вѣра прочтетъ вслухъ. Въ эмиграціи всѣ письма изъ за рубежа стали общимъ достояніемъ.

Испуганная, Вѣра разорвала дешевый конвертъ.

— Отъ мамы!

...«Совершенно случайно, черезъ знакомыхъ, живущихъ сейчасъ заграницей, я узнала твой адресъ...

...Папочка нашъ умеръ. Евгеній Николаевичъ — помнишь его? куда то... уѣхалъ. Я живу сейчасъ у твоей бывшей няни — она получаетъ пенсію за сына. Я выучилась дѣлать бумажные цвѣты и продаю ихъ на улицѣ. Къ сожалѣнію, нанять кіоскъ мнѣ не по средствамъ. Самый лучшій сбытъ — на кладбищахъ»...

V

Около Рождества, проѣздомъ въ Македонію, мелькнула

Леночка. Егоръ и Вѣра взяли съ нея слово, что Новый Годъ она встрѣтитъ съ ними.

На послѣдней станціи Леночку поджидалъ дядя. Отъ Велеса пришлось ѣхать автомобилемъ, такъ какъ желѣзнодорожная вѣтка только намѣчалась къ постройкѣ. Дорога, вначалѣ извилистая, ведущая надъ обрывами скользкой, дикою тропой, вывела наконецъ къ унылому, казавшемуся круглымъ, полю, запорошенному снѣгомъ. Оно замыкалось невысокими, голыми горами. Вѣтеръ тоскливо припадалъ къ землѣ, завивалъ снѣгъ жидкимъ смерчемъ, трещалъ и хлопалъ въ брезентовомъ верхѣ, и порою вздымалъ къ мутному небу стаю галокъ.

Было холодно и трудно разговаривать; однако, Леночка успѣла въ общихъ чертахъ сообщить и о городкѣ, гдѣ жила, и о мужѣ своемъ, и о поклонникахъ. Борисъ Павловичъ недоумѣнно вслушивался, убѣждая себя, что передъ нимъ взрослый человѣкъ, — но узнавая въ ея смѣхѣ, въ потряхиваніи головой ту Леночку, которую онъ не видѣлъ лѣтъ двѣнадцать, и которая съ необычайной ловкостью умѣла вѣшаться ему на шею и требовала, чтобы онъ возилъ ее.

Прервавъ болтовню, осмотрѣвшись, — за слюдянымъ окошкомъ катился и желтѣлъ однообразный путь, безъ жилья, безъ встрѣчныхъ, — Леночка серьезно спросила:

— Дядя Боря, какъ ты здѣсь выдерживаешь? Тутъ и лѣтомъ не должно быть лучше.

Нехотя, онъ отвѣтилъ:

— Русскіе есть. И пью.

— Ну, а раньше? Ради братьевъ - славянъ?

Онъ нажалъ пальцемъ ея носъ.

— Какое тебѣ дѣло, кнопка?

Штипъ лежалъ въ котловинѣ, вдоль рѣчки Бергальницы, и опирался на живописную скалу, которая называлась, — какъ, впрочемъ, большинство скалъ Югославіи — вершиной королевича Марко. Замелькали темныя мазанки, нѣсколько двухъ - этажныхъ зданій казеннаго типа; бабы съ ведрами и ребята жались къ домамъ, пока автомобиль трясся мимо нихъ по узкой, неровно мощеной улицѣ.

Квартира Бориса Павловича поразила Леночку. Она была почти пуста; затрепанныя книжки валялись на миндерлукѣ; около окошка — маленькаго, поднимавшагося вверхъ и очень нечистаго, — помѣщался кособокій столъ съ разбросанными по нему медицинскими инструментами, а по другой стѣнѣ стояла желѣзная кровать, покрытая солдатскимъ одѣяломъ.

— Ты здѣсь и принимаешь?

— Нѣтъ, я работаю въ амбулаторіи, а это такъ, для частныхъ паціентовъ.

Леночка машинально сняла со стола жестянку изъ подъ сардинъ, въ которой масло покрылось сине ржавымъ налетомъ. Подошла къ дядѣ и, не находя словъ, пересиливая слезы, обняла его.

— У насъ ходили слухи, что ты женился, неувѣренно промолвила она наконецъ.

Онъ махнулъ рукою.

— Прошло.

Ужинать отправились въ русскую столовую, ставшую уютной оттого, что она выросла на глазахъ посѣтителей, что постепенно увеличивалось число ложекъ, что можно было съѣсть борщу и прочесть русскую газету.

Колонія была не малая. Помимо трехъ врачей, нѣсколь-

кихъ землемѣровъ — изъ офицеровъ, не забывшихъ топографію, — и двухъ педагоговъ, на желѣзнодорожныхъ работахъ стояли казаки, студенты, офицеры; инженеры тоже были русскіе.

Черезъ полчаса, съ горящимъ отъ перемѣны температуры лицомъ, выпивъ водки, — въ этомъ было нѣкоторое ухарство передъ дядей — Леночка безъ умолку разсказывала радостно встрѣтившимъ ее друзьямъ Бориса Павловича о Босніи, возвращалась къ годамъ гражданской войны, хвасталась создавшимся въ Баньей Лукѣ церковнымъ хоромъ.

— Жаль, что подруга моя уѣхала, — у нея совершенно исключительный голосъ. Она сейчасъ поетъ въ Бѣлградѣ — Вѣра Бондаренко.

Одинъ изъ новыхъ знакомыхъ, высокій человѣкъ, очень блѣдный, спросилъ ее негромко:

— Какая Бондаренко? Не Вѣра Алексѣевна?

Ничего не могло быть удивительнаго въ томъ, что кто то зналъ Вѣру. Но Леночка инстинктивно угадала, что это не простой знакомый.

Глядя ему въ глаза, прижавъ къ губамъ лѣвую руку, она нѣсколько разъ мелко кивнула головою и заговорила о другомъ.

Выбравъ минуту, когда вокругъ нихъ зашумѣли, онъ чуть слышно спросилъ:

— А мужъ ея?

— Онъ пропалъ безъ вѣсти.

Кто то снялъ со стѣны гитару и тихонько наигрывалъ, а съ другого стола вибрирующій тенорокъ подпѣвалъ:

Сердце ноетъ отъ тоски,
На душѣ тревога.

Иногда распахивалась дверь, забитая соломенной цыновкой; съ улицы врывалась темнота, вѣтеръ. У Леночки возникало жуткое чувство, что въ ночи уцѣлѣлъ только этотъ жарко натоплённый мірокъ съ возбужденными людьми и тяжелымъ, теплымъ кухоннымъ паромъ. Мужчины были почти сплошь въ старыхъ шинеляхъ, и отъ неуклюжей солдатской обуви растеклись лужи.

Леночкѣ начало казаться, что она въ Россіи, что еще не прекратилась война, а сейчасъ, на невѣрномъ отдыхѣ, люди не смѣютъ заснуть, и боятся потерять время на сонъ; пьютъ и поютъ приглушенными голосами, и всѣ до единаго радуются ея присутствію, ничего о ней не зная и ничѣмъ не интересуясь кромѣ того, что она молода и женщина.

Докторъ хлопнулъ высокаго человѣка по плечу.

— О чемъ задумался, дѣтина?

Тотъ повелъ головой и, ничего не отвѣтивъ, посмотрѣлъ на Леночку. Потомъ всталъ, подошелъ къ стойкѣ и молча указалъ пальцемъ. Ему подали стаканъ. Леночка слѣдила за нимъ.

Борисъ Павловичъ, и самъ не мало выпившій, позвалъ его.

— Кириллъ Сергѣевичъ, брось, иди къ намъ.

Кириллъ склонился на стойку, пряча лицо въ ладоняхъ. Поднялъ голову, снова молча ткнулъ въ стаканъ, выпилъ залпомъ и, разомъ повернувшись, не прощаясь, твердыми, крупными шагами пьянаго вышелъ на улицу.

— Дядя Боря, я устала. Пойдемъ домой.

Леночка долго не могла согрѣться; брезговала бязевыми простынями; прислушивалась, какъ за тонкой стѣною ворочается и отхаркиваетъ дядя. Отъ водки у нея сильно кру-

жилась голова. Тоска ее взяла по дому, по Лапушкѣ, который одиноко проводитъ праздники. Она спросила:

— Дядя Боря, ты не спишь?

— Нѣтъ.

— Кто этотъ Кириллъ Сергѣевичъ?

— Никто, въ сущности. Офицеръ. Очень милый и неглупый человѣкъ, но совершенно опустившійся... А ты сама чего не спишь?

— Это у васъ каждый день такое?

— Приблизительно.

Леночка поежилась, подобрала ноги.

— Значитъ, и деньги есть?

— У насъ всѣ работаютъ, и получаютъ хорошо.

Она сѣла въ постели и, почти плача, крикнула:

— Это безобразіе! И эта ваша столовая, эти цыновки. Джунгли какія то!

Когда Леночку провожали, пришелъ Кириллъ Сергѣевичъ, не показывавшійся всѣ эти дни. Онъ удержалъ ее за локоть и, пропустивъ всѣхъ впередъ, почти грубо сказалъ:

— Вы увидите Вѣру? Такъ вотъ, отъ меня ей даже не кланяйтесь, а скажите только, что Вовка, племянникъ мой, учится въ Бѣлградѣ, въ русской гимназіи. Пусть навѣститъ его. Поняли?...

Было около одиннадцати часовъ, но Вѣра не вставала. Леночка въ широкихъ подкрахмаленныхъ панталонахъ и зеленомъ шерстяномъ платкѣ пыталась развести печь. Ея густыя, короткія косички торчали вверхъ, руки были вымазаны, и шелковый чулокъ, который она, становясь на колѣни,

отстегнула, чтобы онъ не лопнулъ, спустился мѣшечкомъ на красную туфлю. Она поднялась и, посмотрѣвшись въ зеркало, затопала и запѣла:

Я — босячка, фасона не теряю.

Опять сунулась къ печи, озлобленно плеснула въ нее керосина и, когда огонь, наконецъ, принялся, подошла къ Вѣрѣ.

— Ты будешь вставать?

Подъ Новый Годъ онѣ перешли на ты.

Вѣра нетерпѣливо повернулась на бокъ. Леночка присѣла на ея кровать.

— Ты вставай, слышишь? Ты мнѣ меланхолію не разводи.

Въ глубинѣ души Леночка считала себя виноватой — не надо было разсказывать о Кириллѣ. Но и умолчать она не считала себя вправѣ, тѣмъ болѣе, что дѣло касалось ребенка. Однако, Вѣра отказалась навѣстить мальчика. Ею вдругъ овладѣла тоскливая робость, все ей стало не по силамъ. За послѣднее время она рѣдко думала о Кириллѣ, какъ рѣдко думала и о мужѣ. Реальная встрѣча или реальный разрывъ представлялись невозможными. Оба успѣли сдѣлаться для нея чѣмъ то вродѣ вымысла. И вотъ оказывается, что одинъ изъ нихъ живетъ совсѣмъ близко, и пьетъ, и опустился — можетъ быть, потому, что потерялъ ее.

Леночка подтянула чулокъ и взобралась съ ногами на кровать.

— Знаешь, сказала она задумчиво: ты по настоящему любишь, оттого и мучаешься. А я обожаю влюбленность въ себя, и такая у меня гордость, когда я чувствую себя желан-

ной, — но никого не люблю, и всегда мнѣ весело.

— А Василій Петровичъ?

— Это другое. Я за него жизнь отдамъ, онъ такой ласковый, лучше его и быть не можетъ, — но это опять таки не страданіе, это моя радостная тайна. Ты подумай, мальчишки со мною танцуютъ, руки мнѣ цѣлуютъ, — а я знаю, что меня ждетъ Лапушка.

Вѣра невольно призналась.

— Можетъ быть, и мнѣ бы легче было, если бы меня кто нибудь ждалъ. Я то вѣдь совсѣмъ одна. Пока былъ мужъ, мнѣ часто бывало непріятно. А вотъ теперь — ну,просто, тяжело. И жить не хочется.

Леночка подала вѣрино бѣлье.

— Ты все-таки встань, пойдемъ погуляемъ. Мнѣ лѣнь примусъ разводить, я въ печкѣ чаю сварю.

Она пристроила кастрюльку и сѣла передъ печью, слѣдя, чтобы вода не опрокинулась. Вѣра медленно одѣвалась. Потомъ сказала:

— Я еще и безъ работы скоро останусь. Не могутъ же меня въ одномъ и томъ же ресторанѣ годъ держатъ.

— Ну, значитъ въ другой устроишься. Брось, не ной — я палецъ изъ-за тебя обожгла... Ну чего ты отчаиваешься? Хорошенькая, голосъ чудесный. Небось, мамѣ твоей не легче, съ цвѣтами возиться, — а посмотри, какія бодрыя письма.

Плеская на лицо и шею холодную воду, Вѣра отвѣтила:

— Они тамъ всѣ — герои. Или умерли за эти годы, или такое въ нихъ терпѣніе, что дѣйствительно стыдно за себя становится.

Онѣ напились чаю, Леночка вымыла посуду, пока Вѣра стлала постель. Передъ выходомъ изъ дому, выпустивъ изъ подъ шляпы локоны и сильно намазавъ губы, Леночка остановилась и спросила:

— Слушай, а какъ у тебя съ Егоромъ?

Вѣра сдѣлала неопредѣленный жестъ.

— Онъ хорошій, но это — не то.

—Ну, а больше — никого?

Вѣра обняла подругу и вдругъ покраснѣла, разомъ измѣнилась: грустное выраженіе исчезло, лукавая и нѣжная усмѣшка согрѣла губы. Леночка разсмѣялась.

— Ахъ ты, тихоня! Я догадываюсь. Вы хоть объяснились уже?

— Нѣтъ, что ты! Я такъ боюсь, послѣ всѣхъ моихъ неудачъ. Я тебѣ серьезно говорю, что меня нельзя любить. Навѣрное, я не настоящая женщина.

— Знаешь... Если ты объ Остхеймѣ, такъ онъ... Леночка выпытала у мужа словечко, но щегольнуть имъ не хватило духу. — Не ты, милая моя, не женщина, а вокругъ тебя не мужчины. Ну вотъ, и обѣщай мнѣ, что на этотъ разъ не будешь устраивать трагедій. Смотри, дождь идетъ.

Леночка раскрыла зонтъ, и взявшись подъ руку, тѣсно прижавшись другъ къ другу, онѣ запрыгали по двору. Одноглазая Фрина, упершись лапами въ оконную раму, откинувъ одно ухо, лаяла имъ вслѣдъ. У воротъ онѣ столкнулись съ Меценатомъ.

— Вы, барышни, куда?

Леночка шмыгнула носомъ.

— Хороши барышни!

— А вы думаете, что вы и въ самомъ дѣлѣ взрослыя?...

Я къ Егору. Дома онъ?

— Нѣту, сказала Вѣра и засмѣялась. Тайкомъ ушелъ — значитъ или въ баню, или въ церковь.

Меценатъ пошелъ рядомъ.

— А вы сами то въ Бога вѣрите?

Вѣра слегка задумалась.

— Какъ вамъ сказать? Когда все спокойно, забываю о Немъ. А при атеистахъ, или въ несчастьи — очень вѣрую.

— Вотъ видите, какая вы! Какъ разъ наоборотъ, въ спокойствіи то и надо бы вѣрить.

Леночка поскользнулась.

— Философы, не толкайтесь. Я въ лужу попала.

Пока гостила Леночка, Вѣра выступала въ ея платьяхъ. Пѣла и оглядывалась на подругу, а та, подпершись кулаками, не сводила съ нея ободряющаго взгляда. Егоръ почти не ѣлъ, вовсе не ѣздилъ на трамваѣ, но все-таки залѣзъ въ долги, чтобы имѣть возможность провести съ ними вечеръ и, для приличія, заказать хоть полъ-литра вина.

Съ испугомъ смотрѣла Вѣра, какъ Леночка, подрагивая колѣнями, шла танцевать и, купивъ красный воздушный шаръ, тащила его за собою на длинной ниткѣ.

— Леночка, зачѣмъ ты себя такъ вызывающе держишь? упрекнула Вѣра, когда онѣ шли домой.

— Оставь, хочу и дѣлаю... А вотъ что я со всѣмъ этимъ проголодалась, такъ это несомнѣнно.

— Я тоже голоденъ, признался Егоръ.

Леночка вышла изъ положенія.

— Дѣти мои, у вашей хозяйки на кухнѣ что то оставалось. Идемъ лопать.

Крадучись, они забрались въ кухню. Оказалось, что у

Егора вышли всѣ спички.

— Ничего, я найду. Вѣра принялась шарить въ темнотѣ. — Господа, какіе мы безобразники! Надо будетъ завтра не проспать и купить ей, что возьмемъ.

Леночка всплеснула руками.

— Вотъ всегда ты такая: еще не съѣла, а уже каешься. Дурная ты моя, если бы ты знала, какъ я тебя люблю. И какъ я нашу бѣженскую жизнь люблю! Всѣ ее ругаютъ — это лицемѣріе. Когда же была такая свобода. Раньше читаешь книжку, знакомишься съ людьми — и все заранѣе извѣстно. Ну тамъ полюбилъ, разлюбилъ, — а рамки все тѣ же. А теперь мы точно въ морѣ безъ компаса — плывемъ по звѣздамъ. Все отъ насъ самихъ зависитъ.

Егоръ пропищалъ.

— Леночка, чѣмъ васъ кормили, — какая вы умная.

— А вы только сейчасъ замѣтили? И она запустила руку въ кастрюлю съ макаронами.

VI

Вѣринъ день начинался поздно: и хозяйки ея, и Егора уже не было дома. Хозяйка служила въ управленіи державной статистики — по увѣреніямъ молодежи, это было нѣчто вродѣ богадѣльни для русскихъ генераловъ.

Фрина, недовольная раннимъ вставаніемъ, перебиралась къ Вѣрѣ, долго крутилась, примащивалась въ ея ногахъ и ухитрялась юркнуть подъ одѣяло.

Вмѣстѣ, онѣ вставали. Вѣра убирала свою комнату, нерѣдко наводила порядки у Егора. Оба настолько свыклись

со своимъ жилищемъ, что даже начали находить его уютнымъ. Послѣ долгихъ сборовъ, Егоръ купилъ для стола розовый кляксапиръ, нѣсколько разъ нарочно уходилъ за занавѣску и снова заглядывалъ въ свой закутокъ и останавливался, прищуривъ глазъ, чтобы полюбоваться создавшимся эффектомъ письменнаго стола.

Вѣра тоже обратила вниманіе на перемѣну.

— Какъ у васъ сегодня красиво.

Иногда къ хозяйкѣ заходили пріятельницы. Пили чай изъ разнокалиберныхъ чашекъ съ отбитыми ручками, сѣтовали на судьбу. Перебирали сослуживицъ и, какъ школьницы классной дамы, боялись своей завѣдующей, суровой старой дѣвицы. Вѣрѣ завидовали, забрасывали ее игривыми намеками. И всѣ до мелочи знали, сколько у каждой изъ нихъ денегъ и кровно обижались, когда какая нибудь, не доѣвъ, разорялась на туфли. Вѣра силилась ограничить это мучительное вторженіе чужихъ въ ея дѣла, и прослыла гордячкой. Не вникая въ причину, она чувствовала, что старая Радмила или Анна Трофимовна были ей несравненно ближе.

Она укрывалась къ Егору.

— Тамъ статистическія дамы.

Онъ косилъ глаза, дѣлалъ пируэтъ и отправлялся толковать о томъ, что крэпъ-де-шинъ совершенно не по средствамъ. Бралъ съ наиболѣе пожилой особы клятвенное обѣщаніе покутить съ нимъ, ускользалъ къ себѣ, кидался на прокрустово ложе и болталъ въ воздухѣ ногами.

Днемъ Вѣра разсчитывала ограничиться чаепитіемъ — ужиномъ ее кормили въ ресторанѣ. Но изъ всѣхъ обитате-

лей дома она все-таки была наиболѣе обезпеченной, и нерѣдко затѣвала стряпню, чтобы заставить Егора поѣсть.

Фрина выскакивала на каменную площадку вагона, вытягивала голову, но не пускалась въ опасныя путешествія. Быстро зябла, подбирала то одну, то другую лапу и удирала въ комнату, въ свое гнѣздо изъ старыхъ тряпокъ.

Вѣра тосковала о Леночкѣ, которая не имѣла привычки писать писемъ, а изъ Бѣлграда исчезла, никого не предупреждая, собравшись раннимъ утромъ. Черезъ два часа послѣ отхода ея поѣзда, собрались четверо молодыхъ людей — каждому въ отдѣльности она назначила въ это время свиданіе у себя на дому. Вѣра не знала, какъ выйти изъ положенія и кончила тѣмъ, что расхохоталась и, спасая отъ гнѣва юношей леночкину память, отправилась съ ними въ топчидерскій лѣсъ.

Ѣхали трамваемъ, безпокоили громкими голосами дѣловитыхъ старушекъ, возвращавшихся изъ города съ закупками и ворчавшихъ, что напрасно государство поддерживаетъ бѣженцевъ, которымъ и такъ некуда денегъ дѣвать.

Подъ ногами поскрипывалъ неглубокій, утоптанный снѣгъ. Изъ кавалерійскихъ казармъ, съ хрусткимъ топотомъ, выѣхали всадники. На мосту Вѣра задержалась и осмотрѣлась. Влѣво, надъ каналомъ, уходила просѣка, туманно голубѣя вдали. Черные стволы платановъ пошли зеленью. Мягкія рукавицы спадали съ ощетинившихся, сизыхъ еловыхъ лапъ. Вѣру радостно поразилъ забытый, смолистый запахъ хвои. Лужайка нѣжно и розово серебрилась.

— Вамъ не кажется, что въ Россіи снѣгъ былъ гораздо ярче?

Одинъ изъ юношей, хорошо и модно одѣтый, съ блѣднымъ, невыразительнымъ лицомъ кино-артиста, возразилъ:

— Это вы изъ шовинизма.

Она молча и серьезно покачала головою.

Молодежь нѣсколько досадовала. Леночка навѣрное играла бы въ снѣжки. Съ Вѣрой имъ было скучно. И Вѣра не находила, о чемъ говорить. Она не могла оторвать глазъ отъ скромной гаммы красокъ, внутренно ими прониклась и стихла. Ей казалось, что вмѣстѣ съ прохладной сухостью воздуха въ нее входитъ рядъ мыслей и чувствъ, которыя необходимо до конца и неспѣшно разрѣшить.

Молодые люди, видя, что Вѣра не обращаетъ на нихъ вниманія, затѣяли чехарду, кричали, перелетали другъ черезъ друга; кто то свалился въ снѣгъ — и его закатали бѣлымъ комомъ.

— Почему я не могу съ ними возиться? Вѣдь не старуха же я? спрашивала себя Вѣра. А эти мальчики — не дѣти, они прошли войну. Неужели это любовь меня состарила?

Вѣра обратила вниманіе, что о войнѣ ни Егоръ, ни его пріятели не любили вспоминать, — развѣ что о происшествіяхъ, уже успѣвшихъ стать забавными.

Они поѣли на вокзалѣ. Когда возвращались назадъ, небо уже зазеленѣло, стало высокимъ и звонкимъ; очень мелкія и рѣдкія звѣзды выплыли надъ лѣсомъ, а за ними ярко заструились крупныя, голубыя и оранжевыя. Потомъ сразу стало сине и грустно, и огни въ замерзшихъ стеклахъ трамвая преломлялись и казались привѣтливыми.

Кондукторъ болталъ съ вагоновожатымъ, сидѣвшимъ

внутри. Веселый паръ валилъ изо рта, отъ рукъ; даже кожухи дымились.

Трамвай звенѣлъ, скрипѣлъ, катился подъ гору — и нельзя было ничего опредѣлить за окнами, кромѣ фантастическихъ вѣтвей, выростающихъ рѣзкими тѣнями, или невѣрныхъ, искривленныхъ крышъ.

Егоръ затормошилъ Вѣру.

— Яблочко мое зимнее!

Она чуть отмахивалась, но и ей самой былъ пріятенъ румяный холодокъ лица, спокойная, морозная бодрость въ тѣлѣ.

Она усѣлась съ книгою — вечеръ былъ свободенъ, она выступала не ежедневно. Однако, не читалось.

— Надо чаще бывать за городомъ, сказала она мысленно. — Я изнервничалась и становлюсь злой, оттого, что не вижу ничего кромѣ кутежа или нищеты. Я вѣдь очень простой человѣкъ, я пожалуй по ошибкѣ не родилась крестьянкой.

Она немножко любовалась собою и размышляла фразами, — такъ, чтобы самой ихъ слышать. Не впервые она разбиралась въ своихъ переживаніяхъ, но еще никогда не пыталась опредѣлить себя.

Она зажгла лампаду, легла и сосредотачивая взглядъ на красномъ стеклѣ, отдалась непривычному ощущенію. Она чувствовала свое тѣло, но оно было легко, и даже какъ бы слегка покачивалось, хотя вся она испытывала нѣкоторую скованность.

— Такъ вотъ, давай думать, повторила она самой себѣ: значитъ, я очень простой человѣкъ. Почему же я не-

удовлетворена, почему у меня нѣтъ не только любви, но хоть близкаго человѣка?

Она полежала, то ловя, то теряя тонкій, длинный лучъ, и опять составила въ умѣ фразу. Получалось, что одна мысль — быстрая, отчетливая, но неопредѣлимая словами, возникаетъ гдѣ то очень глубоко, а другая приливаетъ къ мозгу и ищетъ себѣ выраженія.

— Конечно, Валентинъ и я — совсѣмъ разные люди. Вѣдь онъ и природу не любитъ. Онъ весь искусственный... И при всемъ этомъ, я даже не знаю, что въ немъ искренно и что напускное.

Изъ леночкиныхъ намековъ, изъ анекдотовъ, которые за послѣднее время она слышала въ изобиліи, Вѣра начала по новому объяснять себѣ его поведеніе. Она не брезговала — чувство испуганнаго, удивленнаго страданія было въ ней сильнѣе всего.

Отношеніе къ Остхейму становилось безплотнымъ. Не то, чтобы онъ умеръ для нея — но собственная ея влюбленность и мука заслонили его живое лицо. Теперь Вѣра не сомнѣвалась, что любила его одного, тѣмъ единственнымъ и ни на чемъ не основаннымъ чувствомъ, о которомъ она всегда грустила. Она увѣряла себя въ окончательномъ разрывѣ, — такомъ, когда переписка и встрѣча становятся невозможными. И все острѣе, буквально до боли въ сердцѣ представляла себѣ его высокій, блѣдный лобъ, быстрые пальцы; ей начинала слышаться музыка, — какъ будто онъ собиралъ мелодію прямо изъ воздуха и стряхивалъ ее съ торопливыхъ рукъ.

— Ну что же, проживу безъ любви.

Вѣра закрыла лицо руками. На мгновеніе ей стало очень холодно. Въ сосѣдней комнатѣ, у Егора, что то упало.

— Егорушка, пойдите ко мнѣ.

Вѣра рѣдко звала въ свою комнату, и Егоръ воспринималъ приглашеніе, какъ милость. Онъ присѣлъ на кончикъ кровати и вглядѣлся въ ея лицо. Рѣзкая тѣнь перемежалась мягкими, розовыми тонами. Онъ не могъ разобрать ея выраженія. Она ласково улыбнулась.

— Неблагодарный я человѣкъ.

— Почему?

Но Вѣра не отвѣтила. Первая, нутряная мысль уже подсказала, что любовь все-таки у нея была, и если не оазисъ, то хоть миражъ остался на всю жизнь.

— Какъ ваши дѣла, Егорушка? Что вы сейчасъ проходите?

Съ нѣкоторыхъ поръ Вѣра начала тяготиться своей необразованностью, много читала, разспрашивала Егора о стиляхъ. Запоминала мало. По общей бѣдѣ всѣхъ самоучекъ, она углублялась въ детали, а цѣлое отъ нея ускользало.

Не дослушавъ Егора, она спросила:

— Вамъ не кажется, что самое большое удовольствіе — думать?

— Нѣтъ. Вѣроятно, и у васъ есть что нибудь болѣе пріятное, вы просто увлекаетесь... А вы о чемъ сейчасъ думали?

— О многомъ. О себѣ. Мнѣ часто кажется, что какое то рѣшеніе виситъ около меня, — а я не умѣю его найти.

Егоръ повернулся къ ней, облокотился о подушку.

— Я не знаю, о чемъ вы. А храбрости у васъ хватитъ, если свое рѣшеніе найдете, провести его въ жизнь?

Вѣрѣ вспомнилось, что когда то, еще въ школьные годы, поразило ее въ посланіи апостола.

— Блаженъ, кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираетъ. А сомнѣвающійся, если ѣстъ, осуждается.

— И я это помню. Егоръ обнялъ Вѣру и тихо сказалъ: — все — на радость, несуразная моя дѣвочка. А мы сами себя зря мучаемъ.

Онъ помолчалъ, погладилъ ея голову; руки его были холодны и немного дрожали.

— Принесите карты, сказала Вѣра, отодвигаясь: — будемъ пасьянсъ раскладывать.

Егоръ возвратился изъ своей комнаты не сразу. Постоялъ надъ Вѣрой, закусивъ губы, потомъ отвернулся и зажегъ кухонную синюю лампу. Онъ посмотрѣлся въ зеркало. Глаза щурились, носъ покраснѣлъ.

— Къ чорту! рѣшилъ онъ. — Поѣду въ общежитіе, ухаживать за курсистками.

Но взглянувъ на Вѣру, зябко и одиноко усѣвшуюся на постели съ накинутымъ на плечи платкомъ, онъ почувствовалъ къ ней такую нѣжность и жалость, что никуда не поѣхалъ. Опустился на колѣни и сталъ путать ея пасьянсъ, приговаривая:

— Черезъ бубноваго валета червонные разговоры.

Въ ресторанѣ, за глаза, Егора прозвали Бѣднымъ рыцаремъ. Дѣла его совсѣмъ запутались, и онъ заходилъ только къ закрытію и отводилъ Вѣру домой.

Иногда, часовъ въ одиннадцать, онъ ложился и засыпалъ, не погасивъ лампы, и среди ночи вскакивалъ въ испугѣ и бросался къ будильнику, — не проспалъ ли.

Полу-знакомые молодые люди вызывались провожать

Вѣру, но скоро отстали и даже не поддразнивали ее егорушкиной ревностью. Вопреки всѣмъ ея ожиданіямъ, — и къ нѣкоторой обидѣ Егора — люди увѣровали въ ихъ платоническія отношенія.

Въ субботу пришелъ Васичъ. Сѣлъ за дальній столикъ, одинъ. Къ концу вечера, черезъ барышню, обходившую публику съ нотной тетрадью, въ которую никакъ нельзя было опустить мѣдяковъ, онъ попросилъ Вѣру спѣть любимыя его вещи. У нихъ установился тонъ добрыхъ знакомыхъ. Вѣра видѣла, что нравится Васичу, и ей онъ былъ симпатиченъ — поэтому особенно неловко было сознаніе, что за лишній романсъ онъ платитъ.

Было ли это совпаденіемъ, или просто Вѣра исполняла эти вещи лучше, чѣмъ другія, но и Васичъ любилъ то, что такъ часто пѣвала она въ Баньей Лукѣ.

Черезъ весь залъ, медленно, Васичъ подошелъ къ Вѣрѣ, поцѣловалъ ей руку и попросилъ разрѣшенія сѣсть за ея столикъ.

— Егоръ Васильевичъ еще не пришелъ?

— Сейчасъ прійдетъ.

— Можетъ быть, выйдемъ ему навстрѣчу?

Вѣра, наполненная мелодіей, хотѣла отвѣтить согласіемъ, но почему то отказалась.

Егоръ не заставилъ себя ждать. Они вышли втроемъ.

...Оттого, можетъ быть,
Что далекъ мой покой...

напѣвала Вѣра, углубляясь въ синюю тѣнь узкой улицы.

— Не пойте на улицѣ, вѣтеръ такой, замѣтилъ Васичъ.

Она вдругъ остановилась и, подчеркивая недоброжелательность своего тона, по сербски, сказала:

— Знаете что, дорогой сударь? Идите-ка вы домой, а то и правда холодно.

Ждала, что Васичъ запротестуетъ. Онъ тотчасъ же простился, пожелалъ спокойной ночи и повернулъ назадъ.

...Мой другъ, мой нѣ-жный другъ,
Твоя!

высоко и громко пропѣла Вѣра, такъ что Васичу ужъ навѣрное было слышно.

Егоръ, поеживаясь и поднимая воротникъ своего жиденькаго пальто, сказалъ:

— Зачѣмъ вы его дразните?

— На зло.

— Кому?

— Всѣмъ. Жизни.

Егоръ крѣпче взялъ ее подъ руку.

— Вѣрочка, скажите мнѣ одну вещь. Только правду. Или совсѣмъ не отвѣчайте.

Она наклонила голову, потупилась.

— Слушайте, мы вотъ пріятели, мы каждый шагъ другъ друга знаемъ. А я совсѣмъ не представляю себѣ вашего прошлаго. Вы очень странная: какъ будто и простая, и откровенная — а на самомъ дѣлѣ вы вѣдь скрытный человѣкъ. Ну, мужъ, это я знаю. И даже знаю, что онъ — изъ простыхъ. Значитъ тѣмъ болѣе вамъ чужой. Но любить-то вы, хоть когда нибудь, любили?

— Любила, сказала Вѣро тихо и раздѣльно. — Еще какъ любила, Егорушка.

— И счастливы были?

Она повернула къ нему простое, женское, немножко жалкое лицо.

— Нѣтъ, голубчикъ.

И вдругъ она испытала страстное желаніе, почти потребность, все разсказать ему — съ самаго начала, по порядку. Они были уже вблизи дома.

— Вы не очень озябли? Походимъ еще, предложила Вѣра. Дайте, я вамъ заколю воротникъ.

Они медленно ходили по застывшей ночной улицѣ, тѣсно прижавшись, не только не уставая, но чувствуя съ каждымъ шагомъ все большую ясность. Тѣло чуть деревянѣло. Казалось, движенія производятся автоматически и можно идти далеко и долго пока не станетъ свѣтло и появленіе людей не разрушитъ этого ночного колдовства.

Подъ какимъ то фонаремъ они остановились противъ лавочки съ лубочными картинками, разсмотрѣли рыжую Еву, кокетливаго Змѣя съ черными усами и хвостомъ, перекинутымъ черезъ вѣтви яблони; прочли русскія надписи надъ вѣерообразно расположенными сценами человѣческой жизни. Вѣроятно, еще до войны занесъ ихъ сюда офеня, или прельстился ими солдатъ и чудомъ сберегъ на днѣ своего сундучка.

Вѣра, не улыбаясь, повторила:

Въ десять лѣтъ она дитя,
Живетъ и прыгаетъ шутя.

Егоръ почти не задавалъ вопросовъ. Вѣра разсказывала о своей обидѣ на Дибривѣ, о томъ, какъ однажды въ лѣтнемъ кинематографѣ посмотрѣлъ на нее сѣроглазый человѣкъ.

У нея было искреннее намѣреніе говорить правду — но оттого, что Егоръ былъ знакомъ съ Остхеймомъ, Вѣра не могла бы сказать, что именно онъ то и былъ ей дорогъ.

Казалось, что отвлеченно Егоръ пойметъ все, что угодно, — но невозможно ни вѣрить, ни сочувствовать любви до слезъ къ обыкновенному, знакомому человѣку.

Поэтому она разсказывала о Кириллѣ. О книжкѣ Буржэ, гдѣ она искала «отмѣтку рѣзкую ногтей», о сумбурной ночи на вокзалѣ, о Таганрогѣ. Она сама удивилась, какъ не ускользнуло изъ ее памяти ни одно его слово. Но еще ярче, чѣмъ слова, запомнились состоянія, борьба и боязнь потерять то, что могло оказаться счастьемъ.

Оба они продрогли, но идти домой не хотѣлось.

— Если бы сейчасъ — деньги, забраться бы въ баръ какой нибудь, въ тепло, сказалъ Егоръ.

— Я даже не знаю, что можетъ быть открыто — уже свѣтаетъ. Это только мы, грѣшные, по ночамъ бродимъ.

Они свернули за уголъ, проникли въ скверъ, грязный днемъ, гдѣ на скамейкахъ валялись оборванцы, а сейчасъ было строго и тихо. Сѣли. Егоръ запахнулъ Вѣру своей полою.

— Я не знаю, такъ ли я все это выражаю, Егорушка. Вѣра призадумалась. Но все равно, не въ словахъ дѣло. Знаете, когда его не стало въ моей жизни, я еще сильнѣе полюбила его.

Она закрыла глаза. Безсонная ночь и воспоминанія придавали ей странную, чуть хмельную бодрость. Она уже не смущалась тѣмъ, что смѣшиваетъ двухъ разныхъ людей. Послѣ нѣкотораго раздумья она сказала:

— Оказалось, что онъ цѣлъ и невредимъ, и живетъ очень недалеко отсюда. И мнѣ стало такъ страшно и пусто, Егорушка. Онъ спился, — но даже если бы все у него было благополучно, я не могла бы вновь увидать его. Вѣдь

мы же стали совсѣмъ другими людьми, ничего у насъ не будетъ общаго.

Егоръ снялъ ея перчатки и началъ согрѣвать застывшія вѣрины руки у своего подбородка.

Вѣра продолжала.

— Всѣ эти дни я мучаюсь. Чувствую, что незачѣмъ возобновлять эти отношенія. И въ то же время совѣсть не даетъ мнѣ покоя. Онъ и самъ не хочетъ меня видѣть, — но вѣдь это можетъ быть изъ гордости. А что, если я удержу его отъ пьянства? Онъ молодъ, еще не должно быть поздно.

— Я въ эти спасенія не вѣрю, возразилъ Егоръ. — Тѣмъ болѣе, что и вы это сдѣлаете не отъ души, а по разсудку. Знаете, или надо жертвовать собою сразу, смаху, — или вовсе не надо. По крайности, изъ морали нельзя.

— А какъ же монашество, или уходъ за хронически больнымъ?

— Это иное дѣло. Порывъ тамъ, дѣйствительно, былъ, и его силой все потомъ и держится... Дѣвочка, пора домой, потеряете вы у меня голосъ.

Вѣра, вставая и разомъ чувствуя, какъ вся она заледенѣла, испугалась за Егора.

Онъ проворчалъ, растирая черезъ пальто ея плечи и локти:

— Надо было дома разговаривать. Хотя понималъ, что ночью и дома Вѣра ни за что не осталась бы съ нимъ такъ долго.

— Спите спокойно, маленькая. Хотите, я прійду укутать васъ?

— Нѣтъ, родной мой, не нужно. Она поцѣловала его

въ лобъ и перекрестила. — Спокойной ночи. Я то ужъ не засну сегодня.

Но почувствовала, что очень утомлена и что отъ теплаго воздуха комнаты слипаются глаза.

Одного Вѣра не преувеличила: своихъ сомнѣній въ вопросѣ о Кириллѣ Сергѣевичѣ.

Нѣсколько разъ она пыталась писать ему, но ничего не получалось. Вспоминать о прошломъ было безсмысленно и совѣстно. Говорить о чувствѣ въ настоящемъ — звучало фальшиво. Вѣра не могла уяснить себѣ причины, но при мысли о Кириллѣ, о его пьянствѣ все въ ней закипало отъ раздраженія. Она смиряла себя, начинала раздувать въ душѣ жалость къ нему, подыскивать всяческія оправданія.

Она даже задумывалась, не отправиться ли ей къ нему безо всякаго предупрежденія. А вдругъ онъ встрѣтитъ вопросомъ, — пусть даже и дѣланнымъ: что вамъ угодно, сударыня?

Вѣдь и его отношеніе къ ней могло измѣниться. Больнѣе всего было то, что она начала оспаривать существованіе чувства въ прошломъ. Послѣ неудачи съ Остхеймомъ ни во что не вѣрилось.

Однако, такъ сильно недоставало ей семьи, близкаго, о комъ бы нѣжно заботиться и знать, что и его жизнь не полна безъ нея, — что минутами она готова была ни съ чѣмъ не считаться и броситься въ Штипъ.

Вѣра инстинктивно оберегала себя отъ этого шага. Ежедневно думала о Вовкѣ, — но даже Егору о немъ не сказала. Боялась, что въ день, когда она увидитъ мальчика, сопротивляться прошлому не станетъ силы.

**
*

Однажды въ ресторанѣ къ Вѣрѣ подошла невысокая, закутанная въ лисій мѣхъ, женщина.

— Извиняюсь, мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами по дѣлу. Разрѣшите къ вамъ завтра зайти?

Вѣра слегка удивилась, но выразила согласіе.

Незнакомка пришла на слѣдующее утро, представилась:

— Смирнова.

Разстегнула пальто, потомъ вовсе сняла его, сѣла и осмотрѣлась.

— У васъ очень миленькая комнатка. Дорого платите?

— Простите, у васъ было ко мнѣ дѣло? спросила Вѣра, тоже садясь.

Та помолчала, видимо затрудняясь, — и вдругъ рѣшилась:

— Вы здѣсь безъ супруга?

Вѣра, недоумѣвая и раздражаясь, отвѣтила:

— Да, я одна. Это имѣетъ отношеніе къ вашему дѣлу?

— Большое. Я — бывшая жена Андрея Ильича.

Вѣра поднялась. Женщина тоже встала. Какой то — очень короткій — срокъ онѣ молча глядѣли другъ на друга. Овладѣвая собой, Вѣра сказала:

— Андрей Ильичъ пропалъ безъ вѣсти.

Та, усаживаясь, кивнула головою.

— Я знала, я разспрашивала... Васъ какъ зовутъ?

— Вѣра Алексѣевна.

— А меня — Еленой Семеновной.

— Я помню, почти прошептала Вѣра.

— Вы, Вѣра Алексѣевна, не волнуйтесь, пожалуйста. Я вѣдь къ вамъ заглянула по дружески.

Госпожа Смирнова закинула ногу за ногу, вынула изъ старенькой сумки пакетъ табаку и бумагу, ловко скрутила папироску, лизнула ее, залѣпила и отряхнула съ колѣнъ просыпавшіяся крошки. Вѣра, не поднимавшая рѣсницъ, видѣла каждое ея движеніе, синюю шевіотовую юбку, искривленный каблукъ лѣваго башмака. Гостья говорила:

— Я знала, что Андрюша не съ вами, но все-таки зашла провѣрить. Я, видите ли, тоже вышла замужъ, за дроздовца. Такъ вотъ, надо, чтобы все обошлось безъ недоразумѣмѣній.

За Вѣру отвѣчалъ нѣкто чужой, сухой и вовсе не взволнованный.

— Какія же могутъ быть недоразумѣнія? Я думаю, что при создавшемся положеніи, особенно въ эмиграціи, поднимать вопросъ о разводѣ было бы неосторожно. Даже если бы Андрей Ильичъ былъ здѣсь, — зачѣмъ же вамъ обоимъ обвинять себя въ двоеженствѣ.

— Я тоже такъ думаю, но на всякій случай лучше было переговорить.

— Не безпокойтесь, я со своей стороны обѣщаю вамъ полное молчаніе.

Гостья не уходила. Вѣра, избѣгая неловкихъ паузъ, спросила:

— Вы давно вышли замужъ?

— Еще въ Ростовѣ. Подумайте, армія отступаетъ, неизвѣстно, что впереди. А мой мужъ стоялъ тогда у насъ на квартирѣ. Вы знаете, какія были времена: разъѣдешься — не встрѣтишься. Мы двинулись на Новороссійскъ.

— Значитъ мы были тамъ одновременно, подумала Вѣра.

Елена Семеновна щебетала:

— Ужасныя были условія. Мы ѣхали въ товарномъ вагонѣ.

Вѣра прервала ее.

— А дѣвочка ваша?

— Она умерла. Я, если вы знаете, говорила Андрюшѣ, что Зиночка въ Москвѣ, — но я это отъ раздраженія. Она жила со мною — тамъ же, въ Ростовѣ, наканунѣ бѣгства и свалилась отъ тифа... Божья воля. Можетъ, оно и лучше. Что же ей жить между двумя семьями, да еще въ бѣженствѣ. Сами знаете, какая нужда.

Она докурила и, не вставая, покрутилась, ища пепельницу. Вѣра указала ей глазами на тарелочку, которую она держала у себя ради Егора.

— А вы не научились?

— Нѣтъ.

— Я не могу, втянулась. Знаете, эта жизнь въ арміи, волненія... А окурки у васъ откуда?

— Моего сосѣда, вызывающе отвѣтила Вѣра и изнутри прикусила щеку, чтобы сдержать гнѣвъ. — Скажите, вы здѣсь и живете?

— Нѣтъ, я въ Бѣлградѣ проѣздомъ. Хлопочу о визахъ, мы переѣзжаемъ въ Чехію.

— Ахъ, такъ. Ну, счастливаго пути.

Вѣра встала. Елена Семеновна поняла, что говорить больше не о чемъ. Влѣзая въ рукавъ пальто, она игриво замѣтила:

— Что грѣха таить, я все-таки рада, что Андрюши здѣсь нѣту. Собственно, и ему заграницей было бы трудно. Надо сознаться: не пара онъ намъ съ вами.

Вѣра приложила ко рту согнутый большой палецъ и закусила суставъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, онѣ подали другъ другу руки.

Вѣра подошла къ окну и пустыми глазами слѣдила, какъ госпожа Смирнова семенила по двору, осторожно спустилась по ступенькамъ, миновала вторую площадку. Когда она скрылась, Вѣра влѣзла на табуретъ, открыла форточку и, набросивъ пальто, сѣла на кровать. Комната быстро выстыла. Вѣра медленно поднялась, прошла на кухню за шваброй, подмела, вытряхнула окурки, ополоснула пепельницу и на сухо ее вытерла. Вымывъ руки, она наклонилась къ зеркалу, взбила волосы и сильно напудрилась.

Ей хотѣлось произнести вслухъ:

— Ну вотъ и все.

Но она ничего не сказала, одѣлась и вышла на улицу. Она не выбирала направленія, но безсознательно добрела до министерства юстиціи.

Подтаяло, стало мягко, туманно и чуть сѣро.

Васичъ шагалъ навстрѣчу. Онъ радостно поздоровался.

— Пойдемте обѣдать. Вы не устанете? Я всегда пѣшкомъ — очень много приходится днемъ сидѣть.

Вѣра сказала:

— Какъ пріятно имѣть дѣло съ человѣкомъ твердыхъ правилъ!

Онъ сбоку посмотрѣлъ на ея замкнутое лицо, недобрую улыбку и промолчалъ. У дверей ресторана Вѣра остановилась.

— Я лучше домой пойду.

— Зачѣмъ вы хотите меня огорчить?

Онъ сказалъ это такъ искренно и серьезно, что Вѣрѣ стало совѣстно.

Она долго сидѣла молча и ничего не ѣла.

— Скажите, вамъ не случалось въ дѣтствѣ проснуться среди ночи, увидать на стѣнѣ что то бѣлое — оно покажется живымъ и пугаетъ до утра. А утромъ вдругъ разсмотришь, что это полотенце.

Васичъ, внутренно доискиваясь, откуда зародилась у нея эта мысль, охотно отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Я бы всталъ и посмотрѣлъ, что это такое.

Вѣра усмѣхнулась.

— А я такого полотенца годами боялась... И вдругъ разсердилась на себя за порывъ откровенности. — Вамъ этого не понять, вы человѣкъ разумный. Я даже удивляюсь, что вы — не нѣмецъ.

Онъ видѣлъ, что Вѣра чѣмъ то огорчена, обижена и не зналъ, какъ ее успокоить. Онъ не возражалъ. Вѣра не унималась.

— Можетъ быть, вы и въ самомъ дѣлѣ не сербъ?

— Вѣра Алексѣевна, я не знаю, какъ вы себѣ представляете сербовъ. Васъ раздражаетъ мой правильный образъ жизни? — но вѣдь и я не всегда ложусь спать съ пѣтухами, вамъ это должно быть извѣстно. А днемъ я не могу выйти изъ колеи. У меня много работы, да и другимъ я буду тормозить... Вы не успокоены, вы молоды — я старше васъ, я сложившiйся человѣкъ, поэтому избѣгаю невыясненныхъ положенiй. А сомнѣнiй и у меня не мало.

Черезъ полчаса Вѣра отошла, улыбнулась и взглянула на Васича дѣтскими, смущенными глазами.

— Извините меня, это отнюдь не капризы.

— Я этого и не думаю. А вы вотъ приходите почаще, будемъ вмѣстѣ обѣдать. Я не претендую развеселить васъ, но по себѣ знаю, что просто надо иной разъ увидѣть свѣжаго человѣка.

Егоръ поджидалъ Вѣру въ восторженномъ состояніи. Онъ получилъ жалованье, купилъ дровъ, принесъ пирожныхъ и мандариновъ.

— Вы гдѣ же, маленькая, пропадаете?

Она махнула рукой.

— Отъ Васича поученія выслушивала.

Егоръ усадилъ ее, пристроилъ ей за спину соломенную подушку.

— За что вы на него сердитесь? Когда вы о немъ говорите, такъ даже голосъ у васъ мѣняется. А я увѣренъ, что онъ вамъ нравится.

Вѣра положила голову на его плечо.

— Неужели вы этого не понимаете? Онъ для меня немножко вродѣ судьбы: чувствую, что не избѣгу, и что даже рада буду. За это и обижаюсь.

Егоръ понюхалъ ея волосы, шутливо толкнулъ на подушку и вдругъ обнялъ безпокойно и торопливо.

— Когда же?

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра разсказала ему свои горести, и онъ понялъ, что въ сущности она свободна, — она стала ему еще дороже и желаннѣе.

Вѣра, искренно не понимая его вопроса, отвѣтила:

— Откуда же мнѣ знать?

И ей, послѣ откровенныхъ разговоровъ, Егоръ сдѣлался еще ближе: любимый и смѣшной другъ дѣтства, братъ...

VII.

Вѣра остановилась, раздумывая, куда идти. Внизъ по улицѣ Милоша Великаго спускался ея трамвай — вверхъ бѣжалъ обмерзлый, присыпанный пескомъ тротуаръ, упиравшійся въ огни главной улицы.

Вѣра зашла въ церковь, чтобы, не молясь, отдохнуть и собраться съ мыслями. Ей было легче отъ вида заснѣженныхъ елей, отдаленно создававшихъ впечатлѣніе русскаго пейзажа.

Кто то окликнулъ ее:

— Вѣра Алексѣевна.

Это былъ Васичъ. Пожимая ея руку, онъ сказалъ:

— Что, зима? Если вы свободны, пойдемте, я вамъ покажу красивыя мѣста.

Она колебалась.

— Ну, рѣшайтесь. Вы вѣдь не заняты?

Она отрицательно покачала головою.

— Я теперь пою всего дважды въ недѣлю. Но только что же мнѣ съ вами идти — настроеніе у меня скверное.

Онъ взялъ ее подъ руку.

— Моего не испортите.

Пошелъ быстро, не обращая вниманія на вялый шагъ Вѣры, такъ что и она невольно подбодрилась. Они миновали

улицу Краля Александра, по которой больше всего толкалось русскихъ, и направились къ Калемегдану.

Вышли къ аллеѣ надъ Дунаемъ. Снѣга почти не было. Вечерній голубоватый иней налипъ на деревьяхъ, по землѣ плыли его туманно-бѣлыя волны, а между вѣтвей нечастые фонари зацвѣтали хризантемами. Воздухъ былъ то влаженъ и мягокъ, то вдругъ становился колющимъ, словно въ немъ заблудились иглы инея.

— Отчего у васъ плохое настроеніе? спросилъ Васичъ.

— Нездоровится, устала; отъ матери изъ Россіи тяжелыя вѣсти. Она нуждается, голодаетъ — а мнѣ нечѣмъ помочь.

— Вы любите свою мать?

Вѣра плотнѣе запахнулась и облокотилась о баллюстраду.

— У насъ странныя отношенія. Она мнѣ всегда была чужой, потомъ я даже была на нее въ обидѣ (Вѣра удержала слова: за мой бракъ). А теперь кажется, что и человѣка ближе нѣтъ, и что раньше мы просто не умѣли подойти другъ къ другу.

— У васъ, у русскихъ, никогда не было семьи. Зато очень часто по какому нибудь поводу члены семьи словно знакомились, и потомъ дружили, какъ посторонніе.

Вѣра смотрѣла внизъ. Дунай широко темнѣлъ, какъ свинцовая воздушная пропасть. Только вокругъ плавника перекатывались краснѣющія, длинныя волны. На другомъ берегу опрокинутой свѣчей мерцали огни Земуна. Подъ самымъ паркомъ кривилась набережная; распластанныя — оттого, что смотрѣли на нихъ сверху — черныя фигуры но-

сились взадъ и впередъ, и по временамъ изъ-за поворота набѣгалъ квадратъ свѣта, превращался въ трамвай и со звономъ уплывалъ въ темноту.

— Вамъ это не напоминаетъ Кіевъ? спросилъ Васичъ.

— Да, немного.

Послѣ короткаго молчанія, онъ сказалъ.

— Мамѣ вашей надо помочь. Какимъ образомъ это сдѣлать?

— Сдѣлать то просто — черезъ англійскій банкъ. Посылать нечего.

— Это пустое.

Они снова помолчали, и Васичъ закурилъ, неловкимъ движеніемъ перекладывая папиросу и наклоняясь, чтобы не выпускать ея руки.

Вѣра обернулась на аллею. Тоже самое, одновременно, сдѣлалъ и Васичъ. Она чувствовала, что молчатъ они какъ близкіе люди и, пугаясь этого, произнесла:

— Спасибо, что вы меня извлекли сюда. Я...

Перебивая ее, онъ сказалъ быстро и твердо:

— Вѣра, я люблю васъ. Повернулъ ее къ себѣ, почти приподнимая за локти и, наклоняясь къ самому ея лицу, повторилъ: Волимъ те.

Издали мелькнули, закачались и поблѣднѣли три лица.

Вѣра почти не узнала ихъ. Она потянулась къ Васичу и охватила его шею обѣими руками. Ей стало разомъ уютно и просто — по домашнему: душевно тепло и физически радостно. Приглядываясь къ смуглому, чуть рѣзкому, лицу, къ живымъ глазамъ, она съ удивленіемъ вымолвила:

— Я почти не знаю васъ.

— Въ одномъ вы не должны сомнѣваться: что я ис-

кренень, — и что отношенія наши мыслю очень серьезными.

— Вы же знаете, что я замужемъ.

— Знаю. Послушайте Вѣра, я буду съ вами говорить отъ всей души — и очень просто... Если вы меня неправильно поймете — ну, тѣмъ хуже для обоихъ.

Они сѣли на скамью. Вѣру сильно знобило. Мимо нихъ, покачиваясь, проходили рѣдкія пары.

— Вѣра, я васъ дѣйствительно люблю, а не соблазняю. Но пожениться намъ невозможно. Вы знаете нашу страну, наши нравы. Я не мальчикъ, у меня есть положеніе — я и министромъ буду въ какой то день — а вы разведены и пѣли по ночамъ. Значитъ, меня переведутъ въ провинцію, карьера будетъ кончена — я и вамъ при такихъ условіяхъ не много дамъ.

Она закрыла глаза. Сербу, сербу неудобно жениться на ней!

Онъ поцѣловалъ ея руку и продолжалъ.

— Есть еще нѣчто. Можетъ быть, это вамъ покажется смѣшнымъ или самонадѣяннымъ... Дѣло въ томъ, что Сербія только начинаетъ быть государствомъ. Людей у насъ нѣтъ, воровство страшное, дикость. Такъ вотъ, я не считаю себя въ правѣ уступать неизвѣстно кому свое мѣсто.

Опять Вѣрѣ стало больно. Если бы такъ говорилъ русскій.

— Жить вмѣстѣ мы не будемъ. Снимемъ для васъ квартиру. Чтобы вамъ было совсѣмъ спокойно, положимъ немного въ банкъ. Если захотите — выпишете маму.

Вѣра негромко сказала:

— Мамѣ объ этомъ знать не слѣдуетъ.

— Ну, значитъ, напишите ей, что устроились въ оперу. Кстати, почему вы этого не хотите.

— Какъ не хочу?

Скрывать передъ нимъ было нечего — Вѣра разсказала случай со швейцаромъ. Онъ засмѣялся.

— Все по русски... Ну, это мы устроимъ, директоръ театра — мой зять. Только вамъ необходимо поставить голосъ. Я серьезно думаю, что у васъ — большое будущее.

Ужинали въ «Москвѣ». Поднялись на второй этажъ, мимо оркестра королевской гвардіи. Вѣра покосилась на зеркало и смутилась. Васичъ посовѣтовалъ раздѣться и просто сказалъ:

— Пальто надо новое. Завтра купимъ.

Снова ей стало больно и неловко, и въ то же время не было силы удержать улыбку. Точно она пришла съ мужемъ.

Онъ проводилъ ее домой, и у калитки расцѣловалъ.

— Такъ сговорились?

Вѣра отвѣтила: я не знаю, — но и ей казалось, что все рѣшено. Она улеглась, недоумѣвая, что сомнѣнія не поднимаются въ ней, вспомнила леночкину просьбу обойтись безъ трагедій и, засмѣявшись, поцѣловала самой себѣ руку и быстро заснула.

Однако на другой день она не вышла изъ дому, такъ какъ за ночь у нея начался жаръ и кашель. Она хотѣла попросить Егора предупредить о ея болѣзни Васича, но не рѣшилась. Егоръ сбѣгалъ за аспириномъ, подтапливалъ выстывающую печь и собирался лечить Вѣру по своему — перцовкой и горчичниками.

Часовъ около восьми кто то постучалъ въ окно. Егоръ вышелъ во дворъ.

— Не удивляйтесь, пожалуйста. Вы меня не узнали? сказалъ ему Васичъ. Я хотѣлъ справиться, не случилось ли чего съ Вѣрой Алексѣевной.

— Войдите. Егоръ провелъ Васича за свою занавѣску. Вѣра Алексѣевна простужена, лежитъ. И чуть было не спросилъ: а вы какъ объ этомъ догадались?

— Будьте добры, узнайте, можно ли мнѣ къ ней.

Егоръ вошелъ на цыпочкахъ и сдѣлалъ страшное лицо.

— Поклонники въ двери ломятся. Можно пустить Васича?

Вѣра смутилась, задохнулась. Она одернула одѣяло и показала Егору на разбросанныя вещи и замусоленный чулокъ, который Фрина выволокла на самую середину комнаты. Онъ быстро все скомкалъ и сунулъ за корзину. Вѣра замахала руками: — не туда, что вы дѣлаете! — потомъ разсмѣялась и шопотомъ позвала его.

Онъ наклонился. Вѣра приподнялась и крѣпко его расцѣловала.

— Ого — до такой степени? Ну, тогда я зову его.

Егоръ занялся чертежами, подчиницалъ, подкручивалъ рейхсфедеръ, но не могъ заглушить чувства досады. Конечно, этого и слѣдовало ожидать.

Прежде, чѣмъ уходить, Васичъ снова заглянулъ къ нему — и взялъ слово въ случаѣ надобности занять у него денегъ и завтра же позвать врача. Егоръ невольно поморщился.

— Послушайте, Васичъ почти обидѣлся: я десять лѣтъ прожилъ въ Россіи и въ студенческія времена всегда меня выручали. Въ данномъ случаѣ, мнѣ совершенно все равно, больны ли вы, или Вѣра Алексѣевна, или любой русскій... Хотя, ко-

нечно, вы и сами понимаете, что Вѣра Алексѣевна для меня не кто нибудь.

Егоръ замялся.

— И еще одно. Такъ какъ я жилъ въ Россіи, то вѣрю въ дружбу между мужчиной и женщиной. А если бы не вѣрилъ, то и не заговорилъ бы съ вами.

Сквозь жаръ Вѣра слышала, какъ кто то шепталъ:

— Я тебѣ сразу сказалъ, что у нея воспаленіе праваго легкаго: замѣть, что она все время ложится на правую сторону.

Вѣра напрягла вниманіе и узнала Третьестепеннаго. Ее очень заинтересовало, о комъ онъ говоритъ. Егоръ замѣтилъ, что больная лежитъ съ открытыми глазами и, подойдя къ постели, что то спросилъ. Но отвѣтить не хватило ни силы, ни воли.

На отрывномъ календарѣ было означено воскресенье, когда Вѣра проснулась съ необъяснимымъ чувствомъ торопливой тревоги, какъ это съ нею случалось уже нѣсколько ночей подрядъ. Она не смотрѣла на часы, но была увѣрена, что приходитъ въ себя всегда въ одно и тоже время.

Начинало свѣтать. Темная сарпинка, которой было завѣшено окно, просвѣчивала мелкими квадратами; внизу, справа, шла узловатая, несквозная нить. Лампада горѣла. Пловучій фитиль опустился очень низко, и красный цвѣтъ стекла сталъ тоже утреннимъ, жидкимъ. Комната, чисто прибранная, казалась нежилой. Только на туалетномъ столикѣ громоздились склянки, коробочки съ ампулами, круглые свертки ваты. Противъ зеркала, въ кувшинѣ, привя-

ли гвоздики. Вѣра долго всматривалась въ ихъ повисшіе, сморщенные лепестки, силясь уловить расплывчатое, но необычайно важное ощущеніе, съ ними связанное, и начиная волноваться еще болѣе отъ внезапной мысли, что именно эти цвѣты безпокоятъ ее уже не одну ночь.

Повернувшись на бокъ, застывая въ напряженіи предразсвѣтной тишины и неподвижности, Вѣра не отводила глазъ отъ букета. Ей начало мниться, что острый, мертвенный запахъ исходитъ не отъ цвѣтовъ; что она въ саду, осенью; груда листьевъ осыпалась на дорожку и мягко и сладко разлагается, а сзади низко и кругло сіяетъ луна, — поднимается, возрастаетъ надъ ея головою — и неожиданно летитъ внизъ, но не падаетъ, а начинаетъ вращательное движеніе.

— Гдѣ это было? спросила себя Вѣра. — Въ Босніи, когда я видѣлась съ Остхеймомъ? Нѣтъ, это не важно... Я больна. И это пустое. Да, луна связана со смертью. Мнѣ нельзя, мнѣ некогда умирать, я еще ничего не сдѣлала.

Она начала снова приглядываться къ букету, но уже ничего, кромѣ него, не видѣла. Недоумѣвала, почему ей представилась лунная ночь, но смутно испытывала удовлетвореніе, будто самое главное ей все-таки удалось найти.

— Пирожныя вамъ не повредятъ, а вотъ разговаривать потрудитесь меньше, сказалъ Меценатъ, сдавая карты. — Егоръ, тебѣ ходить.

Играли въ дурачки, разсказывали анекдоты чтобы развлечь Вѣру, которая уже поправлялась, но осипла и нѣсколько разъ на дню принималась плакать и увѣрять, что

она окончательно лишилась голоса.

— Вернется вашъ голосъ, некуда ему пропадать, увѣрялъ ее Меценат, который являлся ежедневно, дежурилъ при ней и не могъ дождаться, когда же ему позволятъ вспрыскивать Вѣрѣ мышьякъ.

— Если я останусь такая хриплая, такъ я и жить не хочу.

— Ну видите, какъ хорошо — значитъ, и смыслъ жизни опредѣлился, благодушествовалъ Меценатъ, и, пославъ Егору тройку изъ двухъ королей и козыря въ придачу, ядовито улыбался и готовилъ ей вслѣдъ другую: двѣ шестерки и тройку пикъ. Играли на деньги: по пять пара. Фрина заглядывала въ комнату, съ разбѣгу прыгала на кровать, сбивая колоду и долго ластилась къ Вѣрѣ.

— Уйди, рычалъ на нее Егоръ.

Меценатъ не понималъ, какъ это люди могутъ такъ возиться съ собаченкой.

— Я вотъ себѣ сына пріемнаго заведу.

— Ахъ, это очень хорошо — ребенокъ. Вѣра вспомнила о Вовкѣ. Какой стыдъ, — даже не узнать, что съ нимъ, не спросить, гдѣ его мать, почему онъ одинъ здѣсь. Ей показалось далекимъ и невѣроятнымъ все, бывшее съ Кирилломъ. Но мальчикъ не при чемъ. А если бы дочь Андрея очутилась одна, заграницей?

— Подождите, сказала она: я вамъ сына найду.. Если себѣ его не возьму.

Егоръ съязвилъ:

— Своихъ пяточекъ заведете.

Она высунула языкъ.

— А вы пирожное все-таки съѣште, напомнилъ Меценатъ: я самъ выбиралъ, свѣжіе.

— За что вы меня балуете? Вѣра закрыла глаза отъ умиленія. Она чувствовала себя невѣстой, за которой ухаживаютъ всѣ домашніе, зная, что имъ недолго быть вмѣстѣ. Такое же переживаніе возникало у нея каждый разъ, когда заходилъ Васичъ, всегда ровный и ласково - дѣловитый.

Къ концу вечера Меценатъ проигралъ около пяти динаръ. Онъ уронилъ колоду, долго лазилъ по полу и собиралъ ее, и его длинныя пряди свисли на лобъ. Онъ смахнулъ ихъ и заявилъ, что уходитъ.

— Куда вы, посидите еще, просила Вѣра.

— Да нѣтъ, что же, я ужъ лучше пойду.

Онъ торопливо и неловко разыскалъ свою фуражку и, еле простившись, ушелъ. Егоръ напустился на Вѣру.

— Какъ вамъ не совѣстно, — я вамъ и подмигивалъ, и знаки дѣлалъ.

— Что случилось?

— Надо было дать ему выиграть. Совсѣмъ разобидѣлся человѣкъ.

Хуже всего было то, что Вѣра не помнила вовкиной фамиліи. Пришлось объяснять и что онъ «войска донского», и имя матери его, и дяди.

— Это должно быть Соколовъ. Подождите пожалуйста, я приведу его.

Вѣра сѣла на кончикъ стула. Она сама не знала, поче-

му у нея поднялось сердцебіеніе. Она ничего не вспоминала, но вся жизнь все прошлое точно столпилось около нея.

— Вовка!

Мальчикъ видимо не узнавалъ ее, но подошелъ и поклонился. Вѣра бросилась къ нему и обняла, не скрывая слезъ. Вовку нельзя было не узнать, но какъ онъ измѣнился! Вытянулся, похудѣлъ еще больше, и свѣтлые глаза его остановились на ней спокойно, почти строго. На немъ была сѣрая форма и накинутая на плечи шинель, такъ какъ ему пришлось перебѣжать черезъ дворъ.

— Вова, ты помнишь, я жила у васъ въ Таганрогѣ, — у дѣдушки твоего.

Онъ неувѣренно отвѣтилъ:

— Помню.

— Андрея Ильича помнишь?

На этотъ разъ онъ дѣйствительно призналъ ее.

— Тетя Вѣра Алексѣевна!

Она посадила Вовку къ себѣ на колѣни.

— Какой ты сталъ огромный. А гдѣ же всѣ твои — мама, дѣдушка, отецъ?

— Мама умерла на Критѣ отъ маляріи. Я съ дядей Кирилломъ: онъ въ Македоніи. Дѣдушка и Женя остались. А отецъ такъ и не пріѣзжалъ, онъ неизвѣстно гдѣ. Мальчикъ словно узналъ ее, или только теперь понялъ и обрадовался встрѣчѣ. — Тетя, какъ вы меня нашли? У меня никого нѣтъ.

Они обнялись. Какъ взрослый, онъ освѣдомился:

— А у васъ всѣ живы?

— Я тоже, мальчикъ мой, одна — Андрей Ильичъ остался въ Россіи. То есть, я даже не знаю, что съ нимъ.

— А какъ же вы живете?

Она не могла не улыбнуться.

— Ничего, работаю, пою.

— Вы всегда хорошо пѣли, я помню. А мама на Critѣ служила кухаркой въ греческомъ ресторанѣ. Потомъ заболѣла маляріей, я за ней ухаживалъ. Но тамъ очень опасно — тамъ больше тридцати русскихъ умерло. Потомъ меня одинъ грекъ хотѣлъ взять къ себѣ, но русскіе не дали. А дядя Кириллъ раньше былъ въ Болгаріи на шахтахъ, а потомъ строилъ дорогу, и онъ намъ писалъ. Тогда ему написали, что я теперь сирота, и онъ сказалъ, чтобы я ѣхалъ къ нему. Мнѣ собрали денегъ и я пріѣхалъ въ Салоники, потомъ въ Джевджелію. Онъ меня на границѣ встрѣтилъ.

— Какъ же ты ѣхалъ? Одинъ?

— Да. То есть, у меня сначала были попутчики, на пароходѣ. Это ничего, я умѣю говорить по гречески.

Вовку отпустили на два дня.

Вѣра шла съ нимъ по улицѣ, усмѣхалась на его фуражку съ большимъ лакированнымъ козырькомъ и провѣряла себя. Ну вотъ, онъ похожъ на Кирилла. Это волнуетъ ее? И необычайно легко и свѣтло ей было. Точно нашла частицу себя, своей юности и ничего, кромѣ нѣжнаго, братскаго отношенія не возникало у нея при мысли о Кириллѣ. Ей только было немножко обидно, что она слишкомъ моложава, чтобы изобразить вовкину мать. Попутно подумалось и о своей матери. Все будетъ хорошо, и ей можно будетъ облегчить жизнь. Самое же лучшее было то, что ко всему и ко всѣмъ росла любовь, такая несложная и теплая, что для выраженія ея не находилось словъ, а хотѣлось попросту

приласкать Вовку, купить ему новые чулки и, вернувшись домой, пока Егора нѣтъ дома, прибрать его комнату.

— Тетя Вѣра, посмотрите! Вовка остолбенѣлъ передъ лавкой съ игрушками. Какой автомобиль! И солдатики! Смотрите, пожарные, съ лѣстницей.

Матовое лицо залилось малиновымъ румянцемъ. Онъ оглянулся — и вдругъ сдерживая себя, сказалъ:

— Это стоитъ тридцать динаръ. У насъ у одного мальчика есть.

Когда пришли домой, Вовка совсѣмъ растерялся.

— Какъ у васъ красиво. Комната — какъ хорошо! Я послѣ мамы ни у кого еще не былъ въ домѣ, все въ интернатѣ.

— Развѣ у тебя нѣтъ пріятелей?

— Я самый младшій, меня такъ приняли, потому что мнѣ негдѣ жить. У меня есть одинъ другъ, но его родные живутъ въ провинціи, онъ къ нимъ ѣздитъ на Рождество и на Пасху. Но это дорого. Дядя Кириллъ обѣщалъ меня навѣщать или взять къ себѣ на лѣто, но я думаю, что не возьметъ.

Вѣра тихо спросила:

— Почему?

— Вы помните дѣда? Вотъ и дядя Кириллъ сталъ такой же. Онъ тамъ въ Джевджеліи на вокзалѣ требовалъ ѣды, а тамъ ничего нѣтъ — одна лачуга. Тогда онъ напился и побилъ буфетчика.

— А ты?

— Я убѣжалъ, спрятался за домъ. Вотъ гдѣ можно играть въ войну: сколько тамъ колючей проволоки, тетя!

Вѣра никого не предупреждала, и поэтому вовкино по-

явленіе поразило всѣхъ. Егоръ ничего не понималъ, но мальчугану обрадовался чрезвычайно. Показалъ ему всѣ свои достопримѣчательности: готовальню, шомполъ, погонъ. Черезъ часъ они уже перевернули весь домъ, бѣгали, возились, прятались другъ отъ друга — и Вѣра съ ужасомъ ждала, что кустарные шкафы обрушатся на нихъ. Егоръ подбрасывалъ Вовку, или вдругъ кидался на колѣни и начиналъ лаять, и Вовка визжалъ отъ восторга, глядя, какъ Фрина, твердо упираясь въ широко разставленныя лапы и поворачиваясь зрячимъ глазомъ, заливчато лаяла ему въ отвѣтъ.

Вечеромъ Вѣра чуть не поссорилась съ Егоромъ изъ-за того, гдѣ уложить мальчика.

— Онъ вамъ будетъ мѣшать, настаивалъ Егоръ.

— Оставьте пожалуйста, у васъ сыро.

— А васъ кто то ревновать будетъ.

— Замолчите сейчасъ же. Пока еще некому.

Онъ схватилъ ея руки, почти съ отчаяніемъ.

— Милая, милая! Это правда?

Она отодвинулась, огорченная и гордая этой вспышкой и, какъ ночью, въ болѣзни, повторила: Мнѣ нельзя, мнѣ нельзя умирать.

— Что вы, о чемъ вы? опѣшилъ онъ.

— Я сама не знаю. Мнѣ иногда кажется — то меня всего лишали, то слишкомъ много разомъ на меня нахлынуло. У меня силъ не хватаетъ.

Онъ взволнованно сказалъ:

— Живите, милая! Дай вамъ Богъ счастья.

— Егорушка, такъ хочется счастья. Не счастья даже, — здоровья какого то.

Вовка, полураздѣтый, звалъ ее.

— Тетя, мнѣ гдѣ ложиться?

Онъ сидѣлъ на ея постели въ полосатой, заплатанной рубашкѣ, потный отъ возни, какъ будто ставъ меньше, и болталъ костлявыми ногами, — Вѣрѣ особенно милыми и жалкими показались его лиловыя, пятнистыя колѣнки.

— Ложись къ стѣнкѣ. Тебѣ не будетъ низко? Если хочешь, я еще пальто подложу.

Она перекрестила и укрыла его.

— А все - таки, Вовка, самое главное это — жить.

Поворачиваясь носомъ къ стѣнкѣ, онъ серьезно отвѣтилъ:

— Это вѣрно, тетя.

Весь городъ высыпалъ на набережную, всѣ качали головами и ужасались, и все-таки толпа казалась праздничной.

Въ горахъ стаяли снѣга, хлынули воды, Сава и Дунай выступили изъ береговъ. Поплыли села, деревья образовали островки, торчали изъ воды, бились черными обугленными вѣтвями. По земунскому мосту медленнымъ водянымъ змѣемъ ползъ поѣздъ. Вода неслась мутно желтой, илистой стѣною, и мѣстами по ней дрожали крупныя пятна ряби. Казалось, что идетъ она въ нѣсколько слоевъ, потому что подъ верхнимъ, катящимся съ ровной быстротою, вдругъ что то начинало пѣниться, завивалось воронкой — и въ далекѣ выбрасывало сапогъ безъ подметки, солдатскій котелокъ или потерявшую цвѣтъ тряпку.

Часто принимался идти долгій, какъ изъ мельчайшаго сита, дождь. Вода и небо сливались. Потомъ поднимался вѣтеръ, облака висли темными шалями, земля въ Калемегданѣ чернѣла, обломанныя вѣтки безтолково качались, — во всемъ было нѣчто расхлябанное, безпокойное, мечущееся.

Минутами небо очищалось, возростало ровной, почти бѣлой преградой. Но стоило вглядѣться въ него, какъ становилось видно, что по нему стремительно несутся тонкія, сѣрыя облака, словно кто то торопливо сдергиваетъ занавѣсъ за занавѣсью.

А подъ вечеръ появилось солнце. Оно висло надъ полыми водами, нижніе края тучъ задымились золотомъ, и рѣка приняла сѣро-синіе, густые тона.

— Пойдемъ, ты простудишься, сказалъ Васичъ, рѣшительно и нѣжно поворачивая Вѣру.

Она посмотрѣла ему въ глаза, улыбнулась и, тихонько прижавшись къ нему плечомъ, пошла упруго и плавно, стараясь попадать въ ногу. У выхода они столкнулись съ Егоромъ. Онъ поклонился, но не остановился и не заговорилъ. Вѣра прошла два шага, обернулась и сказала черезъ плечо.

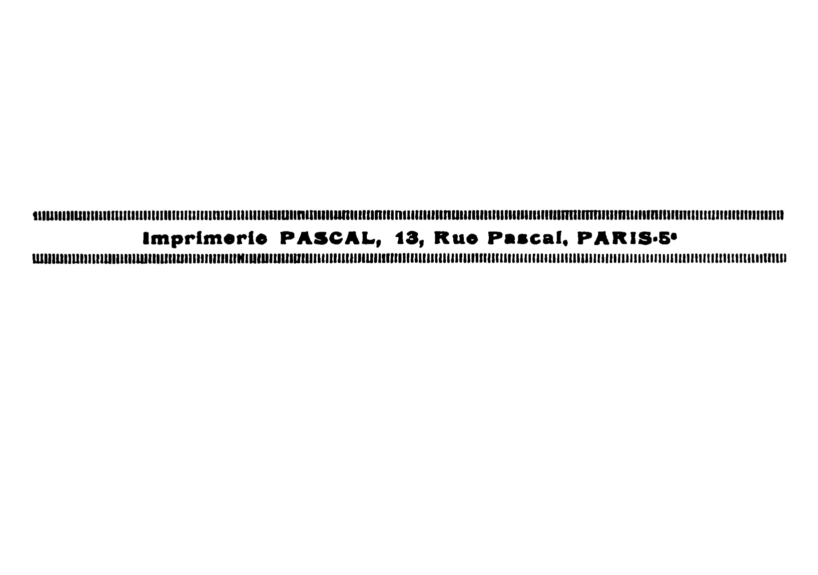
— Егорушка, я выбросила игрушки.

Улыбнулась немного задорно, немного грустно и стыдливо, и въ походкѣ ея было нѣчто новое, женское. Они свернули налѣво.

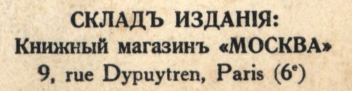
Егоръ стоялъ безъ шляпы; отъ сладкой зависти и томленія у него пощипывало въ горлѣ. Вѣтеръ набѣжалъ, засвистѣлъ у него въ ушахъ, поднялъ и раздулъ мягкіе жидкіе волосы, стриженные бобрикомъ; кинулся на деревья и

все наполнилъ шумомъ и влагой, — потомъ скатился къ Дунаю.

Въ паркѣ разомъ стало тихо. Деревья, казалось, къ чему то прислушивались.

Imprimerie PASCAL, 13, Rue Pascal, PARIS-5e

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ «МОСКВА»

9, rue Dypuytren, Paris (6e)

Складъ для Германіи:

Fremdsprachen - Buchhandlung H. SACHS A. G.

Berlin S. W. 48. Verl. Hedemannstr. 6